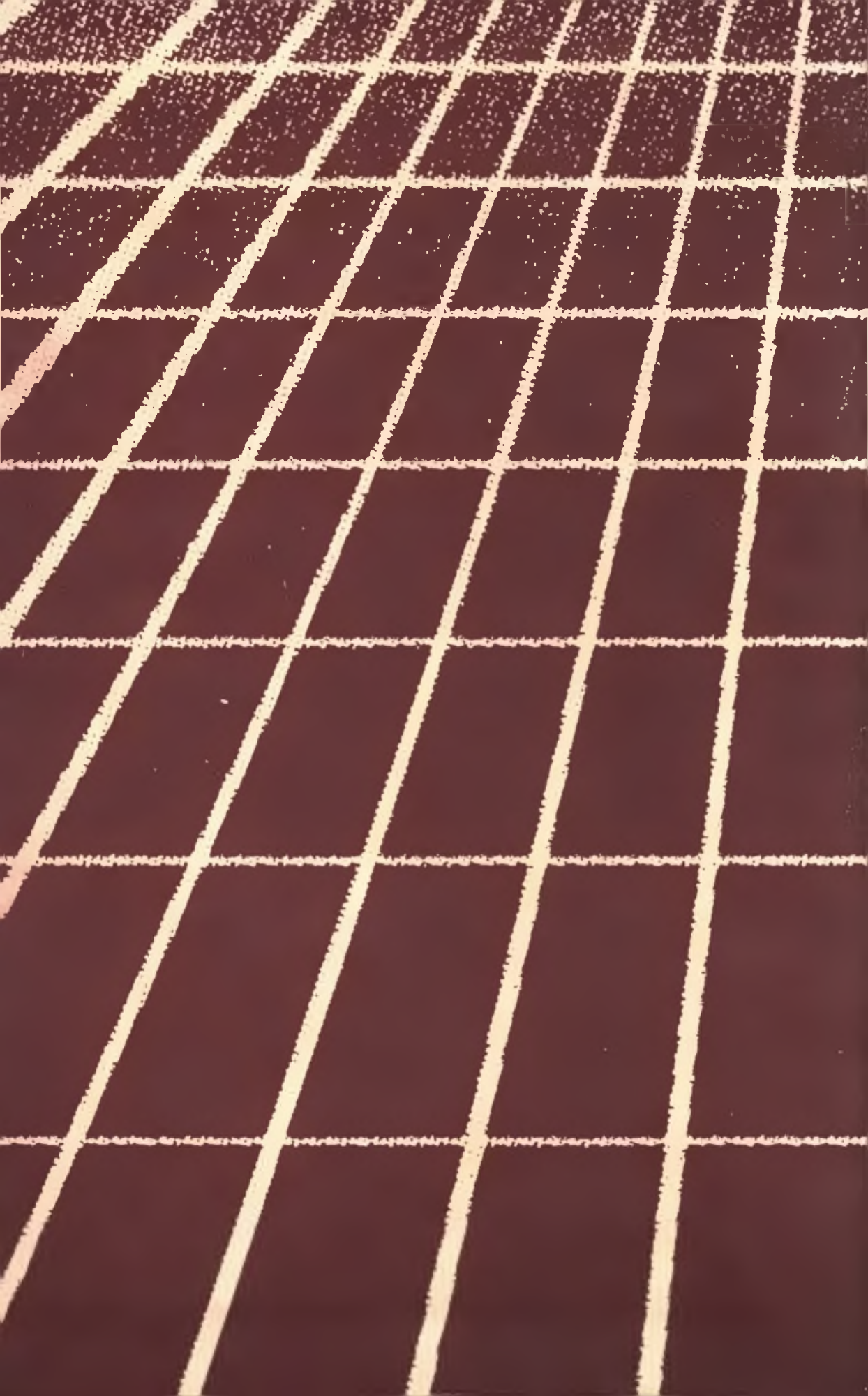
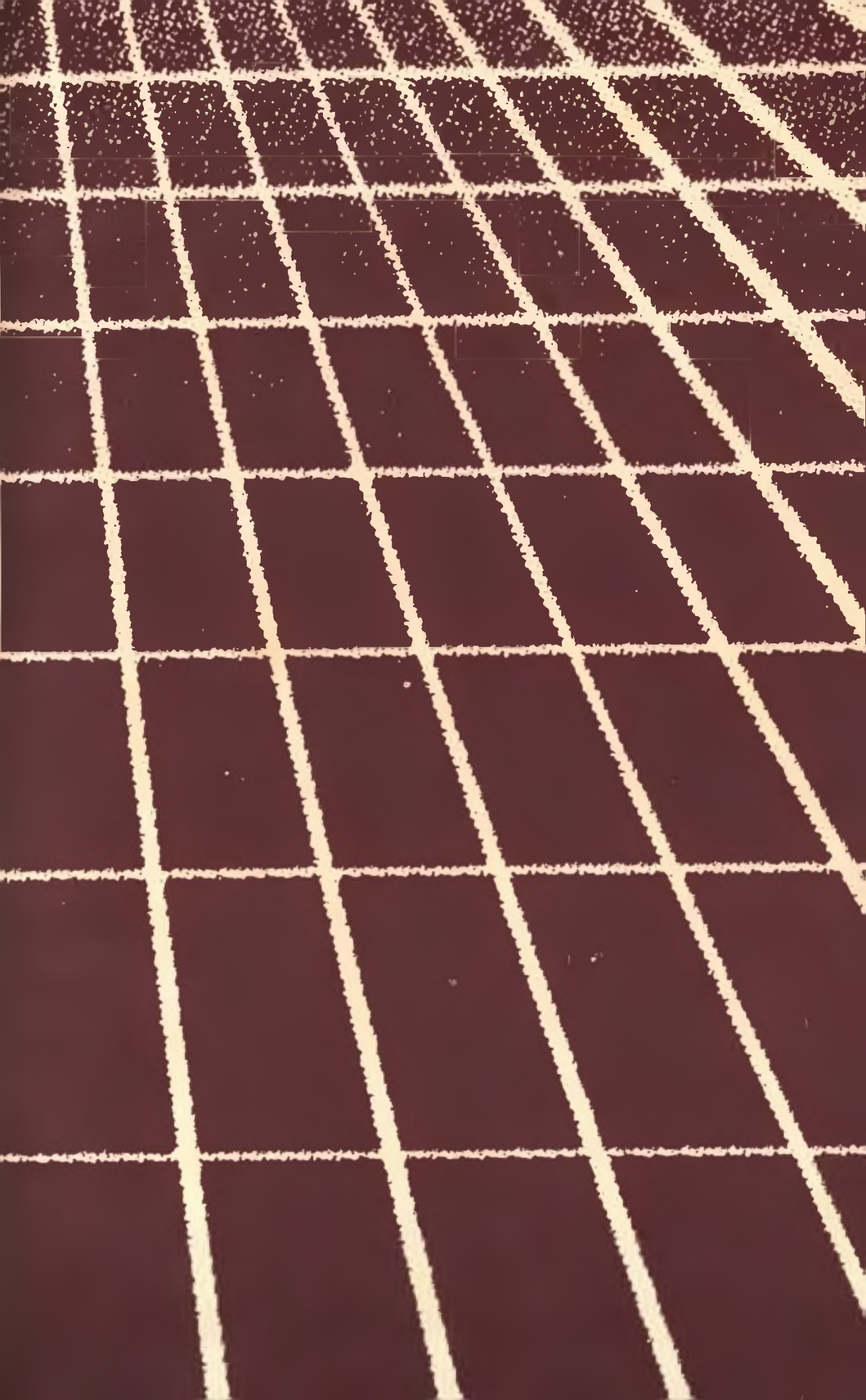
Н. В. Валентинов

НАСЛЕДНИКИ ЛЕНИНА





Н. В. Валентинов

НАСЛЕДНИКИ ЛЕНИНА

Редактор-составитель Ю. Г. Фельштинский

«ТЕРРА» – «TERRA»
МОСКВА 1991

ББК 66.61 (2) 271.3
В15

Репринтное воспроизведение издания,
выпущенного американским издательством
Chalidze Publications

Валентинов Н. В.

В15 Наследники Ленина / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. – М.: Терра, 1991. – 240 с.

В сборник Н. Валентинова – революционера-меньшевика, историка и философа, эмигрировавшего в 1928 г. во Францию, вошли несколько статей, объединенных общей темой: кризис в партии после смерти Ленина. Несмотря на спорность некоторых выводов автора, в ряде случаев вызванных и его незнанием документов, введенных в научный оборот в более поздние годы, высокая информативность, живой стиль, неординарность подачи материала делают книгу интересной для самого разного читателя.

При репринтном воспроизведении сохраняются орфографические и полиграфические погрешности американского издания.

ББК 66.61 (2) 271.3

Н. В. Валентинов

НАСЛЕДНИКИ ЛЕНИНА

Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Технический редактор *И. В. Шмелева*

Подписано в печать 30.05.91. Формат 84 X 108 1/32. Бумага офсетная книжно-журнальная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 12,02. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2040. Цена 5 руб.

Ассоциация совместных предприятий
международных объединений и организаций.

Издательский центр „ТЕРРА" при участии Политиздата.
Москва, А-73, Автозаводская ул., 10.

Ордена Ленина типография „Красный пролетарий".
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

© О. А. Карелина, оформление 1991

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Николай Владиславович Вольский, писавший под псевдонимами В. Валентинов и Е. Юрьевский, родился в 1879 г. в Моршанске. Там же закончил в 1896 г. реальное училище, поступил в Горный институт, затем перевелся в Технологический. В 1897-98 годах жил в Петербурге, начал заниматься там революционной социал-демократической деятельностью, за что был арестован и сослан в Уфу, где прожил до 1900 года, работая в железнодорожных мастерских. В 1900-01 годах продолжил учебу в Киевском политехническом институте. Но уже в следующем году снова был арестован на полгода за участие в демонстрации. Срок отсидел в Бутырской тюрьме. По освобождении вернулся в Киев и в 1902-03 годах работал в "Киевской газете". Снова арестован, выпущен под Новый 1904-й год, 31 декабря. Уехал в Женеву. Вскоре вернулся. В 1904-05 годах жил нелегально в Харькове, затем нелегально же в Москве, до 1908 г. С 1908 по 1911 работал в "Киевской мысли" (в 1909-м на короткое время вновь арестовывался). С 1911 по 1928 годы жил в Москве. Эмигрировал. С 1929 года до своей смерти в 1964 году жил во Франции.

Первые статьи опубликовал в 1899 году в "Уральском вестнике", в 1903 году печатался в "Киевской газете", а в 1905 году – в левой московской газете "Вечерняя почта". В том же году вместе с П. П. Масловым был редактором первой легальной социал-демократической газеты "Московская газета". В 1905-06 годах публиковался в журнале В. А. Кожевникова "Правда". В 1906-07 годах работал в редакциях социал-

демократических журналов "Наше дело" и "Дело жизни", был членом редакции и автором статей в социал-демократических сборниках "Вопросы момента", "Политическое положение и тактические проблемы", "Крестьянство и социал-демократия", "В помощь рабочему", "В помощь избирателю" и пр. В 1906 году опубликовал первую свою книжку: "Крестьянство и земельная политика социал-демократии"; в 1908 году: "Философское построение марксизма", "Э. Мах и марксизм", "Мы еще придем". Продолжал работать в газетах. В 1907 году печатался в газете "Столичное утро", в 1909-10 — один из активных сотрудников "Киевской мысли", в 1911-13 был фактическим редактором (формально — помощником редактора) одной из больших российских газет — "Русского слова" .

В 1914-16 годах работал над книгой "Россия и русская культура", рукопись которой была в 1919 году сожжена в печи вместо топлива какой-то пожилой женщиной. В 1917 году издал книгу "Революция и аграрная программа социалистов-революционеров". В 1917-18 годах работал в газете "Власть народа". При советской власти, в 1922-28 годах, был заместителем ответственного редактора органа ВСНХ "Торгово-промышленной газеты". В 1928 г. Валентинов был командирован в Париж и до 1930 года был редактором органа советского торгпредства в Париже "Экономическая жизнь Советов" (на французском).

Формально став эмигрантом в 1930 году, Валентинов с 1931 года активно сотрудничает в многочисленных русских эмигрантских и западных журналах. В их числе парижские "Современные записки", "Новая Россия" Керенского, "Русские записки" Милюкова и М. В. Вишняка, в милюковской газете "Последние новости", в журналах "Народная правда", "На рубеже", "Новом журнале", "Социалистическом вестнике", "Новой России", "Мосты", в газетах "Возрождение", "Русская мысль" и "Новое русское слово".

Наиболее известные книги Валентинова: "Встречи с Лениным", "Среди московских символистов", "Малознакомый Ленин" (в переводе с французского) и "Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина".

В настоящий сборник объединены несколько статей Валентинова-Вольского. Три основные статьи книги ("Левая

оппозиция и борьба с нею", "О социализме в одной стране" и "Доктрина правого коммунизма") написаны Валентиновым в 1958-59 годах, незадолго до потери работоспособности. В 1960 году статья "Доктрина правого коммунизма" была выпущена автором в виде брошюры[1]. В настоящем издании она публикуется по архивной рукописи.

Все три статьи находятся в неразрывной связи с книгой воспоминаний Валентинова "Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина" и должны рассматриваться как ее дополнение и продолжение. В виде приложений даются несколько небольших статей Валентинова; выдержки из его переписки с историком Б. И. Николаевским, редактором "Социалистического вестника" Р. Абрамовичем; письмо Н. И. Седовой-Троцкой, относящееся к 11-му пункту пятого приложения, а также выдержки из двух писем Троцкого.

Рукописи публикуемых в этом сборнике материалов хранятся в архиве Гуверовского института Станфордского университета (США), в коллекции Б. И. Николаевского и публикуются с любезного разрешения администрации архива. Архивные номера используемых материалов следующие: ящик 224, папки 4, 5 и 8; ящик 508, папка 1 и 27; ящик 600, папка 9; ящик 223, папки 8 и 9; ящик 39, папка 9; ящик 134, папка 6; ящик 614, папка 2; ящик 591, папка 14; ящик 609, папка 16.

Описываемые Валентиновым события 20-х годов настолько сложны, что оставляют место для различных интерпретаций. Не во всем можно согласиться с автором, хотя в целом его оценки следует признать правильными. Ряд принципиально важных вопросов нуждается, однако, в уточнениях. Так, утверждение Валентинова будто Троцкий на Тринадцатом партийном съезде голосовал за оставление Сталина на посту генсека, не может быть подтверждено документально. Валентинов опирается лишь на устное свидетельство Бориса Суварина, тогда одного из руководителей французской компартии, выступавшего на Тринадцатом съезде с речью в защиту

1. Н. Валентинов. Доктрина правого коммунизма. 1924-26 годы в истории советского государства. Издательство Центрального объединения политических эмигрантов из СССР, Мюнхен, 1960.

Троцкого (речь Суварина переводил Луначарский)[2]. Против версии Валентинова свидетельствуют мемуары Б. Бажанова "Записки секретаря Сталина" (к которым в целом нужно относиться с большой осторожностью).

Вопрос о передаче текста "завещания" Ленина на Запад и связанное с этим известное опровержение Троцкого также требуют уточнений. Как указывает один из источников[3], Троцкий в перерыве между заседаниями Тринадцатого съезда, прогуливаясь по коридору, пересказал гостю съезда американскому коммунисту Максу Истману текст ленинского завещания. Троцкий говорил осторожно, чтобы другие не услышали, но обещания молчать с Истмана не взял. Тем временем один меньшевик, работавший в секретариате А. Сольца, выкрал текст "Завещания" Ленина и передал за границу для публикации в меньшевистском "Социалистическом вестнике". Меньшевистский орган опубликовал документ[4], но информатор был раскрыт, и (в 1924 году) расстрелян[5]. Есть основания предполагать, что текст ленинского завещания мог быть вывезен за границу еще и Х. Раковским[6]. И когда Макс Истман в выпущенной им летом 1925 года на английском книге "С тех пор как умер Ленин" цитировал из "завещания", это не должно было вызвать никакой сенсации. Тем не менее сенсация произошла. Рассказ о завещании Ленина из книги Истмана перепечатал журнал "Тайм". И если на публикацию "Социалистического вестника" советское правительство решило не реагировать, на статью "Тайма" отреагировал сам Троцкий: по поручению Политбюро он выступил с опровержением того факта, что документ, называемый "за-

---

2. См. Архив Гуверовского института, кол. Николаевского, ящик 591, папка 14. Письмо Н. В. Валентинова-Вольского Р. Абрамовичу от 16 ноября 1959 г. 1 лист.

3. АГИ, кол. Николаевского, ящик 591, папка 14. Письмо Р. Абрамовича Н. В. Валентинову-Вольскому. Январь 1959 г. 2 листа.

4. Так, в архиве Троцкого в Гарвадском университете текст завещания Ленина имеется именно в перепечатке из "Социалистического вестника". Текст этот перепечатал для Троцкого сам Б. И. Николаевский.

5. См. АГИ, кол. Николаевского, ящик 628, папка 13. Письмо Б. И. Николаевского Н. И. Седовой-Троцкой от 23 декабря 1950 г.

6. Это следует из письма Л. Троцкого Истману от 21 мая 1931 года (Архив Макса Истмана в библиотеке Лилли Индианского университета, США). См. также Л. Троцкий. Портреты революционеров. Сост. Ю. Фельштинский. Изд. Чалидзе, 1988, стр. 123.

вещанием Ленина" существует и обвинил Истмана во лжи. С аналогичным заявлением выступила в печати Крупская. Несколько позже Истман через Суварина получил полный текст "завещания". И тогда пристыженный было Троцким и Крупской "Тайм" в октябре 1926 года опубликовал полный текст документа[7]. Такова вкратце история публикации завещания Ленина за границей.

Со времени написания Валентиновым его статей в научный оборот было введено много документов, которых не могло быть в распоряжении автора этого сборника[8]. Некоторые из них, такие, как "Заявление 46-ти", опубликованы были в те годы лишь в переводах. В тех случаях, когда это было уместно, редактором-составителем давались соответствующие сноски, а цитаты выверялись по архивным или недавно опубликованным материалам. Незнакомство Валентинова с рядом материалов, введенных в научный оборот лишь после его смерти, иногда приводило автора к не совсем правильным выводам. Так, в целом справедливо называя дискуссию, начатую вокруг статьи Троцкого "Уроки Октября" игрой в одни ворота, удивляясь молчанию Троцкого, Валентинов, конечно же не знал, что в архиве Троцкого в Гарвардском университете лежит написанная (но не опубликованная) статья Троцкого "Наши разногласия" — ответ на ту критику, которой он был подвергнут[9].

Эти немногочисленные примеры спорных фактических моментов в целом никак не умаляют значения книги Валентинова и той злободневности, которую она приобретает сегодня в связи с событиями в СССР и странах Восточной Европы.

Юрий Фельштинский

---

7. Известный американский историк Э. Карр ошибочно считал, что именно эту вторую публикацию журнала опровергали Троцкий и Крупская.

8. См., например, кн. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923-1927. Из архива Льва Троцкого, в четырех томах. Том 1 (1923-1926). Сост. Ю. Фельштинский. Изд. Чалидзе, 1988. Ряд используемых Валентиновым документов включен в это издание и на русском языке был опубликован впервые.

9. См. там же, стр. 110-142.

ТРОЦКИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ И БОРЬБА С НЕЮ

Уже с 1920 г. Ленин жаловался на постоянную мучительную головную боль. Шестого марта 1922 г. на заседании коммунистической фракции съезда рабочих-коммунистов он с полной откровенностью сказал, что усиливающаяся болезнь "не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен". Впрочем, добавил он, "я имею основание рассчитывать, что через несколько недель смогу вернуться к своей непосредственной работе"[1]. Надежда Ленина не осуществилась. Развиваясь толчками, болезнь привела 26 мая 1922 г. к удару — частичному параличу правой руки, ноги, расстройству речи. О состоянии здоровья Ленина скрывали. Об этом знали лишь немногие. Бюллетени о болезни Ленина были составлены туманно, из них нельзя было предположить, что он серьезно болен. К тому же даже в ближайшем окружении Ленина все были уверены — Ленин "крепыш" (выражение Крупской) и болезнь скоро осилит. Иного мнения держался Сталин. Расспрашивая врачей, лечащих Ленина, консультируя медицинские книги, добавляя сюда всякие сведения о давно падающем здоровье Ленина, Сталин решил, что за первым ударом паралича последуют другие и скоро Ленин исчезнет. Прове-

1. Ленин. Сочинения. Четвертое издание, т. 33, стр. 191.

ряя свое заключение, Сталин, под видом докладов, а главным образом для наблюдения, три раза — 11 июля, 5 августа и 30 августа ездил в Горки, где находился больной Ленин[2]. Хотя тот как будто стал выздоравливать, Сталин своего заключения не изменил. И действительно, после кратковременного возвращения в октябре к работе Ленина бьет 16 декабря 1922 г. второй приступ паралича. Сталин теперь уже окончательно уверился, что "Ленину капут". В такой грубой форме свое заключение Сталин поведал лишь некоторым членам Политбюро. Кому — мы этого не знаем, можно только указать, что слова Сталина стали известны лицам, стоящим вне Политбюро, например наркомфину Сокольникову, его заместителю Владимирову, сестре Ленина Анне Ильинишне. Говоря, что "Ленину капут", Сталин, разумеется, сопровождал свое заявление соответствующими случаю выражениями о безмерности горя, которое причиняет ему, как всем, болезнь вождя. Зная, кем был Сталин (о том более чем достаточно говорят последовавшие десятилетия его кровавого царствования) можно утверждать, что, вне всякого сомнения, он радовался уходу Ленина. Ведь он знал, что при Ленине никогда не осуществит своих затаенных желаний — все сделать, чтобы стать первой персоной в партии и государстве. В соответствии с убеждением, что "Ленину капут", Сталин и установил свое к нему отношение. Раз тот перестал быть фактически вождем, нет надобности снабжать его особой, часто секретной, информацией и ждать от него директив. Крупскую, обращавшуюся к нему, как к генеральному секретарю партии, за этими сведениями, он третировал с такой грубостью и издевательством, что та сочла нужным искать защиты у Каменева и Зиновьева[3]. О поведении Сталина Ленин узнал лишь в марте 1923 г., когда решил порвать с ним всякие личные отношения.

Кто во время болезни Ленина стал в первых рядах власти? Прежде всего нужно указать на Сталина. Выбранный

---

2. Во время дальнейшей болезни Ленина, Сталин после 30 авг. 1922 г. никогда больше в Горках Ленина не видел и с ним там не говорил. Это важно отметить.

3. Письмо Крупской, им адресованное, написано 23 декабря 1922 г. Оно приведено в напечатанном в "New York Times" секретном докладе Хрущева и в "Le Monde" (6 июня 1956 г.)

пленумом ЦК в апреле 1922 г. после XI съезда партии генеральным секретарем, Сталин с огромной быстротой захватил в свои руки, по выражению Ленина, "необъятную власть". Под его воздействием и управлением оказался центральный аппарат партии, ее областные, губернские, уездные комитеты, секретари производственных ячеек, волостных комитетов. Из данных, сообщенных на XII всероссийской конференции (4-7 августа 1922 г.) видно, что уже тогда эта управляемая им партийная масса насчитывала 15.325 человек[4]. Править этой армией, снабжать ее всякими наставлениями, производить перемещения и назначения внутри ее Сталину помогали тесно с ним связанные два секретаря партии — Молотов и Куйбышев (Молотов стал выдвигаться в первые ряды еще при Ленине).

На виднейшем месте стоял Каменев. Вместе с Цурюпой и Рыковым он был последнее время помощником Ленина в Совнаркоме и СТО. Ленин очень хвалил его. На пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. (за месяц до второго приступа паралича) Ленин назвал его лошадкой "исключительно способной и ретивой", которая "два воза везет". После вытеснения часто болевшего Цурюпы руководство советским хозяйством осуществлялось главным образом Каменевым и Рыковым, а фактически председателем Совнаркома и СТО был Каменев. Сверх того он был главою Московского Совета Рабочих депутатов и постоянным председателем Политбюро. Властвующее место его очевидно. Большой пост в Советской иерархии занимал и Зиновьев. В качестве председателя Исполнительного Комитета Коминтерна он хозяйски распоряжался иностранными коммунистическими партиями и в то же время, будучи председателем Петербургского Совета рабочих депутатов, как наместник правил Петербургом. Заметное место занимал Томский — шеф всего профессионального движения страны и Бухарин — идеолог партии, редактор ее центрального органа "Правда". В сравнении с этими членами Политбюро Троцкий в 1922 г. оказался как бы в тени. Он никогда не бывал на заседаниях таких важных

4. См. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК Изд. 7, т. 1, Москва, 1953, стр. 677.

органов, как СТО и Совнарком, считая, что для роли исполнителей указаний Ленина более подходят Каменев, Рыков, Цурюпа. Заседания Политбюро Троцкий стремился аккуратно посещать, но (и об этом он говорит в своей автобиографии) чувствовал и видел, что при нем не обо всем говорят, и за официально существующим Политбюро есть еще другое — из Зиновьева, Сталина, Каменева. Троцкий занимал важный пост — главы вооруженных сил страны, пост председателя Реввоенсовета. Но после окончания гражданской войны, с быстрым, по настоянию Ленина, сокращением состава армии с 3.200.000 до 600.000 человек значение этого поста поблекло. Задачами стало размещение войск по казармам, территориям, образование милиционных частей, самое обыденное их снабжение, обучение, управление. Троцкого с его любовью к большой позе и "героике" это не очень привлекало. Выпускать из своих рук Реввоенсовет он, разумеется, не хотел, но управление им в мирное время ему казалось занятием скучноватым. Отдаваясь воспоминаниям о героическом времени, он предпочитал составлять, собирать три тома "Как вооружалась революция". В свободное же от всяких занятий время принимал участие в руководстве антирелигиозной пропагандой.

Личные отношения его с другими членами Политбюро, внешне сдержанные, холодные, были внутренне враждебными. Особенно со Сталиным, о чем знал и Ленин, он отмечает это в своем завещании. Троцкий видел в Сталине зараженную огромным тщеславием "посредственность", но боялся его, зная его положение в аппарате партии, его способность вести интриги и подкопы, изготовлять "острые блюда". Что же касается Сталина, тот жгуче ненавидел Троцкого. Не только за то, что по настоянию Троцкого он и его подручный Ворошилов были удалены в 1918 г. от командования фронтом в Царицыне, позднее переименованном в Сталинград. У Троцкого был блеск, он был талантливым публицистом, превосходным оратором, образованным человеком, в частности знающим иностранные языки. Все это у Сталина абсолютно отсутствовало, а он, по словам Бухарина, не мог терпеть, чтобы у других было то, чего нет у него. Острая, ни на минуту не останавливающаяся его зависть разжигала у Сталина ненависть к Троцкому. Плохи были и отношения между

Зиновьевым и Троцким. Полный самомнения Зиновьев считал, что как писатель и оратор он не ниже Троцкого. Вдобавок, в Троцком он видел "чужака", лишь в 1917 году объявившего себя большевиком, тогда как он, Зиновьев, был близким Ленину человеком и уж давно занимал в партии большое место. Сложнее были отношения между Каменевым и Троцким. Каменев был женат на сестре Троцкого, однако, эти родственные отношения, по причинам известным, но на которых останавливаться не будем, не сближали, а наоборот, отдаляли. Было не только это. В 1908-1912 гг. Троцкий издавал в Вене газету "Правда", объявлявшую себя "внефракционной", якобы стоящей над и вне большевистско-меньшевистской распри. В 1910 г. объединенный в то время Центральный Комитет партии, вопреки желанию Ленина, решил оказать "Правде" денежную помощь. В качестве представителя ЦК в газете Троцкого должен был принимать участие и Каменев. Между ним, сторонником и выразителем воли Ленина, и Троцким, надменно провозгласившим свою "независимость" и "нефракционность", происходили такие споры и едкие стычки, что наложили печать на все позднейшие их отношения. Каменев не выносил самоуверенности и безапелляционности Троцкого, а этот видел в Каменеве "циника", случайно, а не в силу каких-либо больших качеств, попавшего на верх партии и власти. На личных отношениях нам пришлось и придется еще останавливаться по ходу событий. Они играли крупную роль. Историю делают не автоматы, а живые люди, повинующиеся своим чувствам, страстям, влечениям, своим симпатиям и антипатиям, а не только "идеям" и "программам". Не учитывать этого фактора значило бы безмерно упрощать, выхолащивать действительный ход исторических событий.

Мы сказали, что во время болезни Ленина наиболее важные "командные позиции" заняли Сталин, Каменев, Зиновьев. Они вошли в Политбюро, избранные Пленумом ЦК, в свою очередь избранного на XI съезде партии, последнем, на котором присутствовал Ленин. Это еще не легализировало обширность и высоту власти, которую они себе присвоили. В правление Ленина все они были лишь его спутниками. На них лишь отраженный свет от "солнца" Ленина. Во ВЦИКе они были *при* нем. В ЦК *при* нем. В Политбюро

при нем. В Совнаркоме *при* нем. За исключением (и то отчасти) Троцкого, ни один из них при Ленине не имел, так сказать, самостоятельного бытия и именно это обстоятельство и желание скорее избавиться от подавляющего влияния и зависимости от "старика" вызывало у Сталина вздох облегчения: "Ленину капут". Партия и население видели, что в "Правде", например, 4 января 1923 г., 25 января, 4 марта появляются статьи Ленина, носящие свойственный ему "директивный" характер. Отсюда законно заключали, что даже будучи больным, Ленин все же попрежнему управляет страной. Следовательно, степень властности его спутников, их положение и значение в партии и стране остаются такими же, как и при здоровом Ленине. Но 9 марта Ленин сражен третьим ударом паралича. На выздоровление его нет надежды. Скрывать то, что до сих пор скрывалось, больше нельзя. И 13 марта рядом с медицинским бюллетенем о резком ухудшении здоровья "тов. Ленина, председателя Совнаркома", появляется о том же "правительственное сообщение", составленное Политбюро. И то и другое в своих указаниях осторожны, тем не менее Москва, а за нею вся страна, охватываются убеждением, что вождем и руководителем государства Ленин уже быть не может. В свете этого факта вся политическая ситуация меняется. В стране, искони привыкшей к мысли, что во главе ее стоит царь, а со времени Октябрьской революции правит Ленин, естественно встал вопрос: кто же, какая личность его заменит? Та же постановка вопроса и в массе коммунистической партии, слагавшейся, воспитывавшейся в духе возглавления ее вождем, в духе подчинения ему. Как бы отвечая на это, производя огромное впечатление, привлекая к себе общее, обостренное внимание, 14 марта "Правда" выпустила специальный номер, посвященный 25-летию образования в России (в 1898 г.) социал-демократической партии, из недр которой появились большевики и партия коммунистическая. Все знаменитости партии дали в этом номере статьи, в том числе и Троцкий, озаглавивший свое произведение "Мысли о партии". Ни одна из них не читалась столь усердно, с таким вниманием, как помещенная на 4 странице статья Радека, а от нее получили особое освещение и "Мысли о партии" Троцкого. Уже в номере от 14 октября 1922 г. "Правды", когда оправившийся

от первого удара Ленин временно возвратился к работе, Радек, проводя параллель между Лениным и Троцким, кидал большие дифирамбы по адресу Троцкого: "Если товарища Ленина можно назвать разумом революции, господствующим через трансмиссию воли, то тов. Троцкого можно характеризовать как стальную волю, обузданную разумом".

В статье от 14 марта 1923 г., носящей заголовок "Лев Троцкий — организатор побед" — Радек пошел еще дальше в сторону безудержной апологии Троцкого. Он не только "человек с железной волей". Радек пробует раскрыть "тайну величия" Троцкого, он видит в нем "одного из лучших писателей мирового социализма", указывает на его "великий умственный авторитет", полный "глубокой моральной силы". У него "организаторский гений", у него "гениальное понимание военных вопросов". "Русская революция действовала через мозг, нервную систему и сердце этого великого своего представителя". Он "знаменосец вооруженного трудового народа". "Если наша партия войдет в историю как первая партия пролетариата, которая сумела построить великую армию, эта блестящая страница русской революции будет навсегда связана с именем Льва Давидовича Троцкого как человека, труд и дело которого будут предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию мира"[5].

Ныне, когда известно, как стараньями Сталина (убийцы Троцкого) заплевано, загажено имя Троцкого в образе предателя, фашиста, слуги капитализма, вычеркнутого из официальной истории русской революции — слова Радека звучат трагической иронией. Все же не нужно большого воображения, чтобы представить себе, какой эффект она произвела в марте 1923 г. Ставя Троцкого на высочайший пьедестал, Радек ясно намекал: Ленин ушел и его может и должен заменить только Троцкий. Статья Радека привела членов Политбюро в крайнее раздражение. Запретить ее было нельзя, это был бы скандал, но Сталин при первом же удобном случае постарался заявить, что нельзя относиться серьезно к тому,

---

5. Радек писал очень неправильным русским языком и не всегда был способен точно выразить свою мысль. Так, приводимая последняя фраза, как показывает ее смысл, словом "если" не должна начинаться.

что вообще пишет и говорит Радек: "Не язык подчинен ему, а он языку. Радеку дан язык не для того, чтобы управлять им, а для того, чтобы самому подчиняться своему языку, не зная, когда и что сболтнет этот язык".

В марте Политбюро постановило, что через месяц должен быть созван XII съезд партии, первый после определившегося ухода Ленина от власти, и этому съезду надлежало решить, какие же люди возглавят партию, заместят Ленина. В этой обстановке статья Радека, выдвигавшая на первое место Троцкого, приобретала особо важное значение. Внимание к Троцкому перед съездом, или точнее, накануне съезда, увеличивалось следующим обстоятельством. В завоеванную Грузию, где Красной Армией было свергнуто социал-демократическое правительство из меньшевиков, был послан для наведения "должного порядка" Орджоникидзе. Руководствуясь указаниями "генерального секретаря" Сталина, он стал подавлять в Грузии малейшие проявления национальных чувств. В борьбе с тем, что Сталин называл "национал-уклонизмом", "социал-национализмом", Орджоникидзе оскорблял виднейших грузинских коммунистов и даже прибегал к "рукоприкладству". Ленин, требовавший мягкого отношения к находящимся в России маленьким нациям и народностям, был возмущен поведением Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского, так как тот, посланный в Грузию с комиссией для беспристрастного расследования происходящих там национальных столкновений, вместо этого, следуя за Сталиным, обелял политику Орджоникидзе. Ленин превосходно знал, что в стремлении подавить всякий "национал-уклонизм", все подчиняя директивам из Москвы, очень часто в рядах коммунистической партии проявляется державный великорусский национализм. Возвратившись после первого приступа болезни к работе, он писал членам Политбюро 6 октября 1922 г.: "Великорусскому шовинизму объявляю борьбу не на жизнь, а на смерть"[6]. Придавая огромное значение отношениям между русскими и другими народностями, настаивая на отличии наступательного национализма большой державной нации от оборонительного

6. Это письмо в Политбюро долго скрывалось. Оно было опубликовано в "Правде" только 21 января 1937 г.

национализма маленьких и прежде угнетенных наций, Ленин продиктовал 30 и 31 декабря 1922 г. три записки, посвященные этому вопросу[7]. Он требовал в них "примерно наказать" Орджоникидзе, критиковал отсутствие беспристрастия у Дзержинского ("обрусевшего инородца, пересаливающего по части истинно-русского настроения"), а Сталина считал целиком ответственным за "администраторские увлечения" и инспирируемую им "великорусскую националистическую кампанию". Узнав, что в этом вопросе Троцкий с ним вполне солидарен, Ленин в "совершенно секретном" письме обратился к нему с просьбою взять на себя в ЦК защиту "грузинского дела" в духе прилагаемых к письму записок Ленина. Письмо и записки были переданы Троцкому 5 марта, за четыре дня до третьего удара паралича Ленина, а 24 марта Троцкий поместил в "Правде" вторую статью "Мысли о партии", где анализировал национальный вопрос, точно следуя за Лениным. "Великорусский шовинизм есть основная опасность, могущая подорвать всякое доверие ранее угнетенных народов к русскому пролетариату и к Союзу Республик. Это наш основной враг, если мы его свалим, то на 9/10 свалим и тот местный национализм, который сохраняется и развивается". В своей статье Троцкий имел возможность в замаскированной форме, опираясь на слова Ленина, сильно уколоть Сталина. Он этого не сделал. Не сделал он этого и выслушивая проект доклада о национальном вопросе, который Сталин написал для съезда. Троцкий вносил в него поправки, не говоря Сталину, что в его руках находятся записки Ленина. И только 15 апреля, т.е. за два дня до открытия съезда, он отправляет их Сталину и всем другим членам ЦК, сообщая, что если, по совершенно ясным мотивам (критики Лениным Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе) ЦК сочтет нужным не оглашать записки Ленина — он этому решению подчинится[8]. Раздраженный до бешенства тайными сношениями Ленина с Троцким, очень для него не-

---

7. Записки Ленина по национальному вопросу приведены в секретном докладе Хрущева. Они напечатаны в 1957 г. в томе 36 Полного собрания сочинений Ленина, стр. 553-559.

8. Валентинов ошибается. Письмо было написано 16 апреля. — Прим. ред.

приятными, Сталин пишет 16 апреля Троцкому, что находит недопустимым секретное хранение им в течение более месяца исключительно важных статей Ленина. Их нужно было немедленно сообщить членам ЦК, тогда как теперь не они, а некоторые прибывшие на съезд делегаты знают их содержание. "Я узнал, – пишет Сталин, – что тема этих статей делается предметом обсуждения, слухов, болтовни делегатов, статьи становятся известными лицам, не имеющим ничего общего с ЦК". Я считаю, добавлял Сталин, (он, конечно, лгал), что статьи Ленина должны быть опубликованы, "к сожалению, этого сделать нельзя, так как из письма секретарши Ленина Фотиевой видно, что они не были вторично пересмотрены товарищем Лениным и не получили окончательный вид, готовый для печати"[9].

Ссылка на Фотиеву послужила Сталину благовидным предлогом избежать оглашения в печати весьма неприятных для него записок Ленина, но из раздраженного письма Сталина явствует, что о существовании этих записок все-таки узнали некоторые делегаты съезда и как раз накануне его. Очевидно, не говоря о записках ни одного слова членам Политбюро, Троцкий их кому-то показывал, или говорил о них. Точного содержания этих документов делегаты сьезда, по-видимому, не знали. Все держалось на слухах, и из них делался вывод, что больной Ленин выражал доверие к Троцкому, дал ему какие-то важные в партийном отношении поручения и полномочия. Вот эти слухи ("болтовня", по злобному выражению Сталина), еще более усиливали впечатление от статьи Радека, превращая в большое событие ожидаемое выступление Троцкого на съезде. Доклад на нем сделали Каменев, Зиновьев, Сталин, Рыков, но после того, что сказано выше, станет понятным, что в центре съезда встали – не они, а Троцкий. От имени Политбюро (в первый раз и в последний) он сделал доклад о положении промышленности, пустив в оборот термин "ножницы", фигуральное выражение болезненного, режущего советскую экономику расхождения индустриальных и сельскохозяйственных цен. Отчет в "Правде" отмечает, что речь Троцкого была по-

9. См. также Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923-1927, в четырех томах, т. 1, Chalidze Publications, 1988, стр. 53-55. – Прим. ред.

крыта "бурными, долго несмолкаемыми аплодисментами". Этого мало сказать. Появление Троцкого на трибуне и уход с нее после доклада сопровождались такой действительно бурной овацией, таким длительным, несмолкаемым громом аплодисментов, что Сталин и другие члены Политбюро позеленели от зависти и злобы, а Ворошилов, находившийся в составе президиума съезда, не постеснялся громко сказать: "Подобные овации просто неприличны, так можно встречать только Ленина"[10].

Есть сведения, что после съезда некоторые делегаты съезда получили наставления в этом духе в секретариате ЦК. Можно твердо установить, что именно на XII съезде, в апреле 1923 г., оформилась та внутрипартийная ситуация, то настроение, с которым в прямой связи находятся многие последовавшие события. В беспримерных овациях по своему адресу Троцкий имел право видеть признание партийной массой его великого значения, таланта, ценности, авторитета. Из этого он мог вывести, что есть налицо нужная ему конъюнктура, при которой, увлекая за собой большинство партии, он должен подняться на самую высоту. Позднее, уже высланный из СССР, Троцкий в своей автобиографии, изданной в Берлине в 1930 г. ("Моя Жизнь", т. II, стр. 216-257) писал, что в ноябре 1922 г. имел особый разговор с Лениным. Из него он заключил, что Ленин хотел создать "такие условия в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли — преемником на посту председателя Совнаркома. Только в этой связи становится ясен смысл так называемого завещания. Бесспорная цель завещания — облегчить мне руководящую работу". Нужно с очень большим недоверием отнестись к этому сообщению Троцкого и его интерпретации "завещания". Но если он действительно верил, что Ленин хотел выдвинуть его в качестве своего "заместителя", становится понятным стрем-

---

10. Когда в залу заседания съезда вошел Троцкий, а за ним Радек, Ворошилов крикнул: "Вот идет Лев, а за ним его хвост". Остроумный Радек почти немедленно ответил на это следующим стихотворением:

У Ворошилова тупая голова,
Все мысли в кучу свалены,
И лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина.

ление Троцкого использовать в этом направлении овации съезда и на их крыльях подняться наверх руководства партией и государством. Но на том же съезде, и с большей, чем до этого, раздраженной, озлобленной упорностью, члены Политбюро, и в первую голову — Сталин, Зиновьев, Каменев — твердо решили, что взлета наверх Троцкого они ни в коем случае не допустят. Однако, съезд закрылся при двух заявлениях, маскировавших уже начавшуюся борьбу за власть. "Руководство нашей партией, государством и хозяйством, — сказал Троцкий, — не только останется незыблемым, но оно должно быть упрочено, укреплено и поднято на высокую ступень. Всякого, кто попытается направить свою энергию против руководства партией, государством и хозяйством, мы поставим все совместно по ту сторону баррикады. Я говорю это с тем большей энергией, что некоторые товарищи считают, что у меня есть ошибки по этой линии. Я заявляю и утверждаю, что в отношении к резолюции (предложенной съезду), которая говорит о необходимости укрепления и упрочения руководства партии во всех областях, я буду не последним в вашей среде для ее защиты, проведения и беспощадной борьбы со всяким, кто на нее покусится"[11]. Со своей стороны Сталин заявил, что никаких признаков раскола в ЦК нет, и отсюда единогласно принятая резолюция: "Съезд убежден, что констатированная среди самых широких слоев членов партии железная воля к единству обеспечит партии на ближайшие годы еще более прочную сплоченность и спайку, нежели это было до сих пор".

Не прошло и пяти месяцев, и скрытая борьба стала явной и разрушающей уверение в железном единстве партии. Посмотрим, как и в какой обстановке это произошло.

* * *

В средине лета 1923 г. экономическое положение страны стало крайне тяжким. Расхождение высоких цен промышлен-

11. "Правда", 24 апреля 1923 г. Если вдуматься в заявление Троцкого, нельзя не увидеть в нем большую двусмысленность. Он стоит за руководство партией, государством и хозяйством; но это еще не значит, что признает и одобряет существующее руководство.

ных товаров с низкими, падающими ценами сельскохозяйственных продуктов принимало угрожающий характер. Избыток хлеба не мог быть продан крестьянами. А экспорт его за границу не был налажен. Крестьяне не имели средств покупать, да еще по высочайшей цене, промышленные товары. Страна с ничтожной массой продукции, при неудовлетворении самых насущных потребностей населения, оказалась в тисках экономического абсурда — кризиса сбыта. Не сбывая свою продукцию, фабрики, переведенные с введением НЭПа на коммерческий расчет, не имели денег, чтобы выплачивать заработок рабочим, а если платили его, то падающими в своей ценности ничего не стоящими так называемыми "совзнаками". Положение рабочих стало нетерпимым. В Москве, Харькове, Нижнем Новгороде начались забастовки, по коммунистической теории, могущие иметь место при капитализме, но не в стране с "диктатурой пролетариата". Этими выплывшими острыми вопросами пришлось в спешном порядке заняться Политбюро и ЦК. В сентябре были организованы три комиссии: 1) по исследованию кризиса сбыта и образования ножниц; 2) по исследованию вопроса о заработной плате; и 3) внутрипартийному положению. Эта комиссия под председательством председателя ГПУ Дзержинского обнаружила, что под влиянием хозяйственного кризиса и других причин в партии начали слагаться группировки, критикующие Политбюро. В связи с обсуждением указанных вопросов в Политбюро и ЦК возникли споры с Троцким, приведшие его к резкому столкновению с правящей тройкой, т.е. со Сталиным, Каменевым, Зиновьевым. Этого момента как будто он и дожидался, чтобы броситься в атаку. Тогда-то и обнаружилась двусмысленность его заявления на съезде: да, говорил он, я стоял и стою за руководство партией, государством и хозяйством, но это совсем не значит, что я стою за то плохое руководство, которое сейчас осуществляется. Занося на бумагу суть обнаружившихся разногласий — а они были так остры, что Троцкий из одного заседания ЦК ушел, хлопнув дверью — он отправил 5 октября 1923 г. письмо в Политбюро:

"Руководства хозяйством нет, хаос идет сверху", — писал он, и лишь при отсутствии чувства ответственности можно "глядеть сквозь пальцы на такого рода руководство".

Партия перестает быть живым организмом, быстро и умело разрешающим возникающие пред нею большие проблемы. "За последний год создалась секретарская психология" (намек на Сталина и его подручных), главной чертой которой является убеждение, что секретарь способен решить все и всякие вопросы без знакомства с ними. "Секретарскому бюрократизму должен быть положен предел. Конечно, развернутая рабочая демократия несовместима с диктатурой, однако партийная демократия должна вступить в свои права, без нее партии грозит окостенение и вырождение"[12].

На это последовал следующий ответ Политбюро:

"Политбюро разошлось и расходится с тов. Троцким по вопросу о личных назначениях по хозяйственной линии. Мы считаем необходимым сказать, что в основе всего недовольства Троцкого, всего его раздражения, всех его продолжающихся уже несколько лет выступлений против ЦК, его решимости потрясти партию, лежит то обстоятельство, что Троцкий хочет, чтобы ЦК назначил его для руководства нашей хозяйственной жизнью. Против этого долго боролся Ленин. Троцкий состоит членом Совнаркома, членом СТО, ему был предложен Лениным пост заместителя председателя Совнаркома, но он ни разу не посетил заседаний Совнаркома, ни при Ленине, ни после отхода его от работы. Он ни разу не был на заседании СТО, ни разу не внес ни в Совнарком, ни в СТО, ни в Госплан какие бы то ни было предложения по хозяйственным, финансовым, бюджетным и т.п. вопросам. Он ведет себя по формуле: все или ничего. Троцкий фактически поставил себя перед партией в такое положение, что или партия должна предоставить тов. Троцкому диктатуру в области хозяйственного и военного дела, или он фактически отказывается от работы в области хозяйства, оставляя за собою лишь право систематической дезорганизации ЦК. Политбюро не может взять на себя ответственность за удовлетворение претензий Троцкого. За рискованный опыт в хозяйственной области мы ответственности на себя

12. Социалистический вестник, 1924. № 11. (См. Приложение 9. – Прим. ред.)

взять не можем"[13]. В начавшейся борьбе громадную поддержку Троцкому принесло поступившее 16 октября заявление в Политбюро, подписанное 46 видными членами партии[14]. Оно состоит из обширной декларации, составленной Преображенским, Бреславом, Сокольниковым, под которой, но с разными оговорками, подписались 43 человека, в том числе Белобородов, Розенгольц, Альский, Сапронов, Сосновский, Ваганьян, Стуков, Рафаил, Бубнов, Воронский, В. Смирнов, Бык[15], Дробнис[16]. Заявление 46 бьет по Политбюро в унисон с Троцким:

"Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии... Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними политическими осложнениями и с полным параличем нашей внешней активности и дееспособности. А последняя, как всякому понятно, нужна нам теперь больше, чем когда-либо, от нее зависят судьбы мировой революции и рабочего класса всех стран".

Заявление подвергает большому сомнению способность большинства Политбюро найти выход из хозяйственного кризиса и "продуманно" руководить советской экономикой. Для этого нужны сконцентрированные действия всех членов партии, а этому мешает установившийся в ней "фракционный режим", руководящийся "взглядами и симпатиями узкого кружка". Партия под тяжестью этого режима пере-

---

13. Это заявление Политбюро, также как письмо Троцкого в Политбюро, никогда не было опубликовано ни Троцким, ни его противниками. Выдержки из него напечатаны только в "Социалистическом вестнике" в 1924 г. № 11.

14. Опубл. в кн. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927, т. 1, стр. 83-88.

15. При наборе текста заявления в кн. "Коммунистическая оппозиция в СССР" эта фамилия по ошибке не попала в список подписавшихся. – Прим. ред.

16. Все перечисленные лица погибли в эпоху кровавой сталинской чистки 1937-38 годов.

стала быть живым коллективом. Общественное мнение в ней задушено. Сейчас не партия, не широкие массы избирают членов местных комитетов и ЦК, а секретарская верхушка назначает членов конференций и съездов, которые превращаются в исполнительные органы этой верхушки. Создавшееся положение объясняется режимом диктатуры части партии, который был установлен после X съезда, а этот режим пережил себя. Он должен быть заменен режимом товарищеского единения и внутрипартийной демократии[17].

Среди подписавших заявление 46 были лица, весьма близкие к Троцкому, особо к нему прислушивающиеся. Совпадение целого ряда мест в их заявлении с тем, что говорил в ЦК и писал Троцкий в письме в Политбюро, не могло не броситься в глаза. Это дало Политбюро основание обвинять Троцкого в том, что, находясь в составе Политбюро, он тайно руководит борьбою против этого учреждения и эту борьбу инспирирует и разжигает. Отсюда обвинение его в нелояльности, в желании потрясти партию, которое, по мнению Политбюро, объясняется тем, что он никогда полностью с ней не сливался и постоянно в самых важных вопросах расходился со взглядами вождя партии — Ленина. Упреки в расхождении с Лениным, крайне умалявшие в глазах партии ценность Троцкого, его остро задевали. Он не мог не знать, что в целях именно этого умаления среди партийцев распространяются грубые подпольные прокламации. Из них одна собрала все едкое и ругательное, что Ленин писал о Троцком, а другая доказывала, что Троцкий в сущности меньшевик, и лишь совсем недавно объявил себя большевиком. Отбрасывая обвинения в расхождении с Лениным, Троцкий направил в Политбюро 24 октября второе письмо, доказывая, что во всех важнейших последнего времени вопросах — монополии внешней торговли, функциях Госплана, национальном вопросе — он неукоснительно шел за Лениным[18]. Переходя от самозащиты к нападению на членов Политбюро, Троцкий приводит факты, на которых нужно подробно остановиться ввиду их

17. Текст заявления написан Преображенским, который, чтобы привлечь возможно больше подписей, ввел в него пункты, не совпадающие с его основными воззрениями.

18. См. Приложение 9. – Прим. ред.

исключительной важности в связи с вопросом, как внутри партии устанавливался переход к единоличной власти нового диктатора — Сталина. Запомнить указываемые в письме Троцкого факты нужно еще потому, что к этому письму придется возвратиться, передавая об унизительном положении Троцкого в средине 1925 г.

"Одним из центральных вопросов является,- писал Троцкий — поднятый Лениным вопрос о реорганизации Рабкрина и ЦКК. Замечательно, что даже этот вопрос изображается как предмет разногласий между мною и Лениным, тогда как этот вопрос, подобно национальному, дает прямо противоположное освещение группировкам в Политбюро. Совершенно верно, что я очень отрицательно относился к старому Рабкрину. Однако Ленин в статье "Лучше меньше, да лучше" дал такую уничтожающую оценку Рабкрина, которую я никогда не решился бы дать. "Наркомат Рабкрина, — писал Ленин, — не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают, что хуже поставленного учреждения, чем учреждение Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого Наркомата нечего и спрашивать". Если вспомнить, кто дольше всех стоял во главе Рабкрина (с 1919 по май 1922 г. им управлял Сталин), то не трудно понять, против кого направлена эта характеристика, равно как и статья по национальному вопросу. Как же, однако, отнеслось Политбюро к предложенному Лениным проекту реорганизации Рабкрина? Бухарин не решался печатать статью Ленина, который, с своей стороны, настаивал на ее немедленном помещении. Н. К. Крупская сообщила мне об этой статье по телефону и просила вмешаться с целью скорейшего напечатания статьи. На немедленно созванном, по моему предложению, Политбюро все присутствующие — Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин были не только против плана Ленина, но и против помещения статьи. Особенно резко и категорически возражали члены секретариата (т.е. Сталин и его подручные Молотов и Куйбышев). Ввиду настойчивых требований Ленина, чтобы статья была ему показана в напечатанном виде, т. Куйбышев предложил на указанном заседании Политбюро отпечатать в одном экземпляре специальный номер "Правды" со статьей Ленина для того, чтобы успокоить его, скрыв в то же время статью от партии. Куйбышев,

бывший член секретариата, был поставлен во главе ЦКК. Вместо плана Ленина был принят план "обезвреженья" этого плана. Получила ли при этом ЦКК, возглавленная Куйбышевым, характер независимого, беспристрастного партийного учрежденья, отстаивающего и утверждающего почву права и единство от всяческих партийно-административных излишеств — в обсуждение этого вопроса я здесь входить не буду, так как полагаю, что вопрос ясен и без того. Таковы наиболее поучительные эпизоды последнего времени по части якобы моей "борьбы" против политики Ленина".

Письмо Троцкого требует добавлений и комментарий. Напомним, что описываемый им инцидент относится ко времени, когда Ленин еще был в состоянии диктовать записки, статьи, давать директивы. Это было до третьего удара паралича. О полном уходе не было еще и речи. Если таково было положение, то каким же образом перечисленные Троцким члены Политбюро могли осмелиться до дерзкой мысли, что статью Ленина не нужно оглашать, нужно скрыть, не печатать? Откуда в голову Сталина, Молотова, Куйбышева и других залетела кощунственная мысль не считаться с указаниями Ленина, малейшее слово которого до сих пор почиталось непререкаемым, подлежащим исполнению каноном? Очевидно, Сталину удалось внушить членам Политбюро, что "Ленину капут" и нужно жить без него своим умом. Если бы такого суждения не было, не могло бы иметь место циничное предложение Куйбышева: обманем парализованного человека, напечатаем в одном экземпляре его статью и пусть Ленин думает, что ее читает вся партия. Но тут же встает другой вопрос: что в статьях Ленина было неприемлемо для членов Политбюро, какие предложения Ленина они отвергали? На это есть ответ. Ленин последнее время много думал, как должна быть организована власть после его смерти. В своем завещании он критически перебирает наличный состав Политбюро (пять его членов) и находит, что для опоры власти это слишком узкий кружок, к тому же способный раскалываться, раздираться всякими личными трениями и столкновениями. База власти должна быть более широкой. Ее должен составить увеличенный в своем составе ЦК, а это, как он указывал в письме к съезду, требует "в первую голову увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков

или даже до сотни". Расширенный ЦК должен быть не при Политбюро, а над Политбюро в качестве "высоко авторитетной группы", "высшей партийной конференции". Увеличивать состав ЦК нужно не из уже стоящего сейчас вверху слоя партийных людей, не из рабочих, "которые прошли длинную советскую службу" и имеют "известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно надо бороться". С несвойственной ему организационной наивностью Ленин указывает, что в ЦК должен войти новый слой, "принадлежащий ближе к числу рядовых рабочих", "преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих". В плане Ленина организация власти этим не ограничивается. В статьях "Как реорганизовать Рабкрин" и "Лучше меньше, да лучше", местами довольно путанных (болезнь давала себя знать — диктовать свои наставления Ленину было нелегко), он считает необходимым дополнить расширение ЦК расширенным составом ЦКК (Центральной Контрольной Комиссии), опирающейся на реорганизованный Рабкрин — Рабоче-Крестьянскую Инспекцию. На XI съезде партии в апреле 1922 года, когда начала организовываться ЦКК, ее составляли только 5 членов и два кандидата к ним. Ленин предложил выбрать в ЦКК "75-100 новых членов из рабочих и крестьян", со всеми правами членов ЦК. Преобразованная ЦКК должна играть важную роль в управлении партией и государством. Члены ЦКК должны присутствовать на заседаниях Политбюро, "проверять все документы, идущие на его рассмотрение". Все бумаги, относящиеся к заседаниям Политбюро, должны быть получены членами ЦК и ЦКК "не позже как за сутки до заседания Политбюро". "Члены ЦКК должны составлять сплоченную группу, которая, не взирая на лица, должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел". По всему видно, что перед смертью Ленин захотел внести какой-то элемент демократичности в созданную им диктаторскую (и предназначенную оставаться диктаторской) партию. Критически указывая на личные недостатки членов существующего Политбюро из "старой гвардии", он дал им понять, что настоящими заместителями его они

быть не могут: таковым может быть лишь коллектив из расширенных пленума ЦК и ЦКК. Во что при такой организации власти превращалось Политбюро? Теряя свой властный характер, оно превращалось в орган исполнительный, подотчетный, контролируемый, подчиненный. Из маленькой группы власть уходила в руки *каких-то новых людей*, входящих в ЦК и ЦКК. Против такого ухода от них власти и восстали члены Политбюро. Именно по этой причине они, особенно Сталин, на план Ленина ответили спонтанной реакцией: статью Ленина скрыть и не печатать. В доказательство, что группка Политбюро считала только себя и больше никого полномочной настоящей властью, сошлемся на следующее признание Сталина при обсуждении на XII съезде предложения о расширении состава ЦК и ЦКК. У нас, говорил он, сейчас 27 членов ЦК и внутри его ядро из 10-15 человек, "которые до того наловчились в деле руководства политической и хозяйственной работой наших органов, что рискуют превратиться в своего рода *жрецов по руководству*. С деланной, якобы добродушной насмешкой, Сталин говорил, что наловчившиеся жрецы, "набравшись большого опыта по руководству, могут заразиться самомнением, замкнуться в себе самих". Кроме того, они стареют, требуют отдыха, им нужна смена. И тут же после этого Сталин убежденно поведал съезду, что *смены-то нет*, и неизвестно, когда она будет. "Ковать руководителей партии очень трудно. Для этого нужно десять лет, более десяти лет. Гораздо легче завоевать ту или другую страну при помощи кавалерии тов. Буденного, чем выковать двух или трех товарищей из низов, могущих *в будущем* действительно стать руководителями страны[19]. Один из делегатов съезда, Стуков, отвечая Сталину, указал, что "нужно, чтобы касты жрецов не было. Это беда наша, что в ходе работ создались эти касты"[20]. Замечание Стукова "жрецы" пропустили мимо ушей. Ведь Сталин показал, что для "ковки" только двух-трех будущих руководителей нужны десятилетия. Сколько же десятилетий нужно, чтобы выко-

19. Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет, Москва, Изд. Красная Новь, Главполитпросвет, 1923, стр. 60-61.

20. Там же, стр. 129, 131.

вать, например, десяток таких руководителей! Ясно, что руководствующие ныне жрецы не могут быть сменяемы, не имеют смены, и все, что есть лучшего в партии, самый цвет ее, уже находится в Политбюро. Из всего сказанного как будто вытекало, что противоречащий убеждениям Политбюро наивно-демократический план, предложенный Лениным, должен был быть отвергнут. Этого не случилось. Скрыть предложения Ленина они побоялись, и следуя за его указаниями, XII съезд увеличил число членов ЦК с 27 до 40 и 15 кандидатов, а состав ЦКК с 5 человек до 50 с президиумом из 9 человек. Но одновременно, что правильно заметил Троцкий, план Ленина был "обезврежен". Опыт жрецов Политбюро, и особенно Сталина, опыт Организационного Бюро, где председательствовал Сталин, опыт секретариата ЦК, где генеральным секретарем был все тот же Сталин, убедительно свидетельствовал, что разными способами по части обработки членов партии, убеждениями, рекомендациями, лестью, угрозами, перемещениями, назначениями на высший пост, снижением с поста можно добиваться того, что состав партийных съездов, как и личный состав ЦК и ЦКК, будут отвечать желаниям жрецов и проводить им желательную политику. Так, председателем ЦКК, задачей которой была "охрана единства партии, укрепление партийной и государственной дисциплины, всемерное улучшение аппарата советского государства" — Сталин сумел поставить рабски послушного ему Куйбышева, а в президиум ЦКК ввел Ярославского и других угодных ему людишек. При окрепнувшем режиме, названном "секретарским", страх увеличивать составы ЦК и ЦКК полностью исчез. На съезде в 1924 г. число членов ЦК вместо 40 стало 53, а ЦКК с 50 увеличилось до 150. На съезде в 1925 г. число членов ЦК повысилось до 63 и 43 кандидатов, а в состав ЦКК введено 163 человека. На съезде в 1927 г. в ЦК введены 71 член и 50 кандидатов, а ЦКК уже разбухла до состава в 195 человек. И чем многочисленнее становились эти будто бы демократические, декоративные учреждения, тем более падала их независимость, тем более росло их послушание, тем более они становились простыми исполнителями воли жрецов Политбюро, среди которого все явственнее подымалась фигура главного жреца — иерофанта. По замыслу Ленина, расширенный ЦК есть выс-

шее, авторитетное учреждение партии, а фактически он превращался в простую покрышку Политбюро, в своего рода его псевдоним. Взглядов, отличных от правящего ядра Политбюро, он иметь не смел. По замыслу Ленина, ЦКК должна быть сплоченной, независимой, всех контролирующей группой, делающей свое дело "не взирая на лица". Вместо этого она стала подсобным органом главного жреца. На XIII съезде партии (в мае 1924 г.) председатель ЦКК глупый Куйбышев, подводя годовой итог деятельности этого обновленного учреждения, с откровенностью заявил, что управляемая им ЦКК не желает быть беспристрастным, независимым органом, а дубинкой, направляемой приказами Политбюро:

"Линия ЦК, — говорил он,-выразилась в безоговорочной решительной поддержке ЦК и его большевистской политики. Нам льстили, нам говорили — вы выбраны на съезде, вы равноправны с ЦК, вам нужно иметь собственную линию, как можно более независимую от ЦК. У членов ЦКК вызывали низменные чувства величия и тщеславия. Нас убеждали, что мы должны быть беспристрастны, должны быть инстанцией, стоящей над происходящей борьбой. Эта соблазнительная позиция не соблазнила ЦКК. Мы ее решительно отвергли".

Пройдет еще три года, и тот же Куйбышев весьма ясно даст понять, что ЦКК не орган Партии или Политбюро, а учреждение, услужающее только Сталину и всеми своими силами способствующее его возвышению. Вот его слова на XV съезде партии, в декабре 1927 г.: От имени всей ЦКК заявляю, что именно тов. Сталин, генеральный секретарь партии, является тем лицом, которое сумело сплотить вокруг себя все лучшие силы партии. От имени ЦКК заявляю, что это руководство и этот генеральный секретарь нашей партии является тем, что нужно для партии, чтобы итти от победы к победе".

После этой демонстрации последовательного "обезвреженния плана Ленина", превращенного в опору генерального секретаря, того самого Сталина, которого Ленин предлагал снять с поста генерального секретаря, — возвратимся к оппозиции 1923 г.

* * *

На письмо Троцкого от 24 октября немедленно последовал ответ Политбюро, но не будем на нем останавливаться, тем более что Политбюро решило, что у него кроме ответов Троцкому есть возможность обуздать эпистолярную литературу оппозиции. Для этого им были созваны пленумы ЦК и ЦКК и на это заседание были приглашены представители (конечно угодные Политбюро) десяти наиболее крупных партийных организаций и 12 человек из оппозиции. Хотя совещание осудило выступление Троцкого как "глубокую политическую ошибку, особенно в тот момент, который переживает сейчас международная революция", но большинством 102 против 2 и 10 воздержавшихся от голосования (это 12 оппозиционеров) постановило споры, поднятые Троцким, "не выносить за пределы ЦК", не оглашать писем Троцкого и заявления 46-ти, также как ответ Политбюро и осуждающую их резолюцию. Этим было ясно выражено желание Политбюро заставить оппозицию молчать; в награду за это ей обещали начать в ЦК и Политбюро разработку и освещение всех вопросов, связанных с функционированием в партии рабочей демократии. И действительно, в течение ноября происходил ряд совещаний "по внутрипартийному строительству". Не возражая против запрещения фракции в партии, Троцкий в то же время настаивал, чтобы была допущена некоторая свобода группировок. В конце концов удалось как будто добиться единогласия в этих вопросах, и принятая резолюция со всеми ее хорошими словами о рабочей демократии, свободе обсуждения, выборном начале в партии — была опубликована 7 декабря в "Правде". Она была подписана Троцким, а два дня спустя Троцкий выступил в той же "Правде" с письмом под заглавием "Новый курс", полным жестокой критикой ЦК и Политбюро. Что заставило его отречься от своей подписи? Наиболее правильное объяснение таково. Политбюро, изображая себя инициатором постановок вопроса о рабочей демократии и, якобы, сторонником выборного начала — этим самым вырывало из рук оппозиции оружие, которым та хотела сражаться, добиваясь смены бюрократизирующего партию руководства. Троцкий, как и многие из 46, понял этот маневр и счел нужным показать, что "рабо-

чая демократия", прокламируемая Политбюро — лишь пыль в глаза. Называя новое выступление Троцкого "фракционным манифестом", резолюция, составленная Политбюро, указывала, что с момента появления этого "манифеста" борьба перестала иметь скрытый характер. "Оппозиция" поднимает в Москве, в особенности в военных ячейках и в ячейках вузов небывалую еще в истории нашей партии кампанию против ЦК, сея недоверие к Центральному Комитету. По всей России "оппозицией" рассылаются ее представители. Борьба принимает неслыханно острые формы.

Нет места излагать подробно "манифест" Троцкого и его другие статьи, вышедшие потом брошюрой под общим заглавием "Новый курс". Приведем лишь некоторые выдержки из нее. Он пишет:

"Черты бюрократизма достигли в аппарате партии поистине опасного развития. Бюрократизм рождается не внизу, а на самом верху, он идет не от уезда к центру, а от центра в уезд. У нас два этажа — в верхнем решают, в нижнем только узнают о решении. В партийных организациях все сосредоточивается в руках одного секретаря. Руководство вырождается в простое командование. С этим старым курсом нужно решительно покончить и взять новый курс. Новый курс должен начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали снизу доверху, что никто не смеет терроризировать партию. Партия не выполнила бы своей миссии, если бы распалась на фракционные группировки, таким не должно быть места, но партия может справиться с этой опасностью, держа курс на внутрипартийную демократию, ибо аппарат бюрократизации является одним из важнейших источников фракционности. Необходимо постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим. Только оно может сохранить старую гвардию как революционный фактор. Иначе старики могут окостенеть. Перерождение нашей старой гвардии совсем не исключено. Средства против этой опасности — глубокая перемена курса и все большее вовлечение в партию пролетариев у станка. В настоящее время они составляют менее одной шестой части партии, нужно, чтобы фабрично-заводские ячейки составляли две трети партии. Нужно обратить особое внимание на учащуюся молодежь. Молодежь — это вернейший барометр, отражает все наши плюсы и минусы. Мы были бы тупицами,

если бы не прислушивались к ее настроениям. Они наша проверка, наша смена, завтрашний день".

Троцкий требует, чтобы перестали говорить и доказывать, что он расходился с Лениным, следовал не за ним. "Я не считаю путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути. Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком".

Полемике с "Новым курсом" Троцкого "Правда" и ее редактор Бухарин посвятили множество статей. Все "жрецы" из Политбюро выступали против него с речами и статьями:

"Большевизм,- писал Бухарин,- всегда очень ценил и ценит аппарат, противопоставлять (как то делает Троцкий) партию аппарату значит уклоняться в сторону от ленинизма. Большевики никогда не играли в формальный пустой демократизм. Троцкисты хотят "разбольшевичить" нашу большевистскую партию. Этого партия никогда не допустит"[21].

Что значат, спрашивал Каменев, призывы Троцкого к свободе обсуждения, к демократии? Понимает ли он, куда это ведет? "Сегодня говорят — демократия в партии, завтра скажут — демократия в профсоюзах, послезавтра беспартийные рабочие могут сказать — дайте нам такую же демократию, какую вы вызвали у себя. А разве крестьянское море не сможет сказать нам — дайте демократию"?[22]

Зиновьев, ополчаясь против попыток под флагом рабочей демократии образовать в партии группировки, заявлял:

"Время для свободы группировок не наступило и не наступит вообще в период диктатуры пролетариата. Этот вопрос связан с вопросом о свободе партии, о политических правах непролетарских слоев населения и пр. Допустить фракционность и группировки в нашей партии — означает допустить в зародыше два правительства, т.е. подготовить гибель пролетарской диктатуры. Дело идет о жизни или смерти партии"[23].

---

21. Н. Бухарин. Долой фракционность. 1924 г.

22. "Социалистический вестник" 1924 г. № 2.

23. Дискуссия 1923 года. Под общей редакцией К. Попова, ГИЗ, Москва – Ленинград, 1928, стр. 145.

Со свойственной ему грубостью Сталин бил по Троцкому и всей оппозиции. Вопрос и о "ножницах", и о рабочей демократии, писал он, поставило в сентябре Политбюро, а не оппозиция. Ее хорошие слова о рабочей демократии и страшные слова о бюрократизме в партии ей нужны, чтобы обосновать лозунг "о снятии сверху донизу руководящих элементов". Сталин высмеивает "демократизм недовольных партийных вельмож". Ни у Троцкого, ни у других членов оппозиции не видит он (и это правильно) демократизма. "В рядах оппозиции имеются такие товарищи как Белобородов, "демократизм" которого до сих пор остался в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от "демократизма" которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от "демократизма" которого не кричал, а выл Донбасс; Альский, "демократизм" которого всем известен; Бык, от "демократизма" которого до сих пор воет Хорезм"[24].

Удары Политбюро и его людей направлялись главным образом по Троцкому. В "Правде" и ее отделе "Партийная жизнь" помещались о нем такие статьи и заметки, что вызывали протестующие письма в редакцию (самого Троцкого, Пятакова, Радека и др.) и приводили к выводу, что с Троцким не спорят, а его просто "травят". Это возмущало ячейки вузов, так как учащаяся молодежь, польщенная вниманием к ней Троцкого, в большинстве своем стояла за него. Много сторонников было у него и среди военных ячеек, где высоко стоял престиж председателя Реввоенсовета. Поддерживая Троцкого, Антонов-Овсеенко (герой Октябрьской революции), подписавший заявление 46-ти, послал во все военные ячейки циркулярное письмо в духе "Нового курса" Троцкого. Не имея на это права, он сделал это в качестве начальника Политического управления армии. Привлеченный за это к суду ЦК и ЦКК, Антонов-Овсеенко ответил им дерзким письмом, в котором говорил о "бесшабашных и безыдейных нападках на Троцкого, на того, кто в глазах самых широких масс является вождем, организатором и вдохновителем победы революции"[25].

---

24. Статья Сталина в "Правде" 15 дек. 1923 г.

25. Тринадцатая Конференция РКП(б). Москва, Госполитиздат, 1951, стр. 191.

Чтобы показать, что оно не "травит" Троцкого, а занимает в борьбе с ним объективную позицию, Политбюро сочло нужным сделать следующее заявление:

"Будучи несогласным с т. Троцким в тех или иных отдельных пунктах, Политбюро в то же время отвергает как злой вымысел предположение, будто в ЦК партии есть хотя бы один товарищ, представляющий себе работу Политбюро, ЦК и органов государственной власти без активнейшего участия т. Троцкого. Подобное представление распространяется лишь из явно фракционных соображений и рассчитано только на обострение разногласий и внутрипартийной борьбы, какого во что бы то ни стало необходимо избежать. Находя совершенно необходимым дружную и совместную работу с т. Троцким во всех руководящих учреждениях партии и государственной власти, Политбюро считает своею обязанностью сделать все возможное для того, чтобы дружная работа была обеспечена и впредь"[26].

Заявление глубоко лживое. При ненависти Политбюро — особенно тройки — к Троцкому дружная работа с ним была немыслима. Но заявление Политбюро интересно вот с какой стороны. В это время Политбюро еще не думало, что победа над Троцким и оппозицией ему обеспечена. Соотношение борющихся сил не было ясно, и в Политбюро могли думать, что для собственного спасения может быть придется пойти на особый "пакт" с Троцким. У Зиновьева одно время даже был проект о каком-то высшем органе, состоящем из него, Троцкого и Сталина. Что же касается самого Троцкого, то вот что он писал позднее в своих воспоминаниях: "В 1923 г. было вполне возможно завладеть командной позицией открытым натиском на быстро складывающуюся фракцию национал-социалистических чиновников, аппаратных узурпаторов, незаконных наследников Октября, эпигонов большевизма". Почему же этот "открытый натиск" не удался? Говорят, Бородинское сражение французы не выиграли потому, что у Наполеона был насморк. Не будь его, распоряжения Наполеона были бы гениальными, русской армии не удалось бы уйти, она была бы раздавлена. Нечто подобное будто бы помешало

---

26. Дискуссия 1923 года, стр. 23-26.

и Троцкому выиграть победу над "незаконными наследниками Октября". Отправившись в самом конце октября на охоту на уток, Троцкий промочил ноги, простудился, заболел инфлюэнцей и у него началась какая-то "криогенная температура". Врачи запретили ему вставать с постели. "Так я пролежал весь остаток осени и зиму. Это значит, что я прохворал дискуссию 1923 г. против троцкизма". И Троцкий меланхолично заключал: "Можно предвидеть революцию и войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на утку"[27]. Неприятные "исторические" последствия охоты на утку сказались в том, что в дискуссии на стороне оппозиции не выступил во плоти и крови блестящий, находчивый, едкий, первоклассный оратор, каким был Троцкий. Отсутствие подобной силы сказалось на ходе дискуссии, ослабляло оппозицию. А говоря это, нельзя отбросить естественно рождающийся вопрос: что произошло бы, если бы Троцкому удалось опрокинуть тройку? Было бы наивно думать, что его победа создала бы какую-то "внутрипартийную" демократию и свободу. Ни Троцкий, ни люди, идущие с ним, "демократами" не были. Дух демократизма вообще чужд самому существу той диктаторствующей ленинской партии, к которой они принадлежали. Произошла бы лишь замена лиц и победители-троцкисты стали бы бороться с фракционностью и внутрипартийными группировками совершенно так же, как их предшественники и противники. Иначе в случае победы было бы в области общей государственной экономической политики: линия оппозиции весьма и весьма отличалась от существовавших тогда взглядов Политбюро. Характеризуя оппозицию, Политбюро указывало, что часть ее "отдает обильную дань "левой "фразе против НЭПа вообще, делая такие заявления, которые бы имели какой-либо смысл лишь в случае, если бы эти товарищи предлагали *отказаться от НЭПа и вернуться к военному коммунизму*". Нужно с максимальным вниманием отнестись к этому совершенно правильному указанию. Здесь ключ к пониманию многих крайне важных близких и дальних событий. Итак, среди оппозиции были люди, желавшие отказаться от НЭПа и вер-

27. Л. Троцкий. Моя жизнь. Изд. Гранит, Берлин, 1930, т. 2, стр. 219.

нуться к военному коммунизму. Проанализируем это желание. Ленин, вводя НЭП, писал: "Мы рассчитывали, поднятые волною энтузиазма, осуществить великие экономические цели. Мы предполагали, без достаточного расчета, непосредственным велением пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку"[28]. Возвращаясь к тому же вопросу, Ленин в докладе на съезде Политпросветов говорил: наша (до НЭПа) экономическая политика "безрассчетно предполагала, что произойдет непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах"[29]. В речи 29 октября 1921 г. на Московской губернской конференции он к этому прибавил:

"При оценке возможного развития мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, о непосредственном переходе к социалистическому строительству. Я нарочно перечитал то, что у нас писалось, например, в 1918 г. и убедился, что такое предположение у нас действительно было"[30].

Спустя четыре года Зиновьев на XIV съезде партии дал интересные добавления к словам Ленина:

"Если бы нас спросили в тот момент, когда мы начинали нашу революцию, сколько времени требует наша партия на то, чтобы завершить свою программу, едва ли кто-либо стал тогда говорить о десятилетиях. Если бы нам тогда дали пять лет, мы все считали бы, что срок этот весьма значителен и достаточен вполне"[31].

Это была коллективная вера партии в чудо. Будто пяти лет вполне достаточно, чтобы превратить старорусскую экономику с ее господством мелкокрестьянского хозяйства в

---

28. Правда, 18 октября 1921 г.

29. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 39.

30. Там же, т. 33, стр. 63.

31. Четырнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 18-31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. Москва-Ленинград, ГИЗ, 1926, стр. 99-100.

страну с коммунистическим производством и распределением. Разумеется, такая вера не имела ничего общего с основными воззрениями марксизма, до сих пор господствовавшими в России, начиная с 1883-84 гг. Она была каким-то воскрешением или продолжением — но в марксистском облачении — народнических и народовольческих верований. При введении НЭПа эту предшествующую ему политику назвали "военным коммунизмом", т.е. коммунизмом не настоящим, а, как объяснял Ленин, продиктованным соображениями, потребностями, условиями только военными, а не экономическими. Ленин заявил, что необходимость отхода от военного коммунизма никто не отрицал и что новая политика принята партией "совершенно единогласно". Это абсолютно не соответствовало действительности. По словам того же Ленина, замена военного коммунизма НЭПом вызвала в партии "панику", "жалобы, уныние, негодование"[32]. В партии был и в 1923 г. продолжал существовать, в частности среди подписавших заявление 46-ти, значительный слой (и не маленьких людей) считавших, что в своей основе военный коммунизм был стройной системой, подлинно коммунистической политикой, только потому сопровождавшейся неудачами, что она не могла во время гражданской войны выявить все присущие ей качества. В военном коммунизме ценили полное уничтожение им какой-либо организационной формы промышленного и торгового частного капитала и властное воздействие на сельское хозяйство с устранением в нем зажиточных "кулацких" элементов. Особенно ценили основной принцип военного коммунизма — централизованное планирование, охватывающее все без исключения области хозяйства. На IX съезде Советов в декабре 1921 г., настаивая на том, что военный коммунизм не мог решить "навязанные нам задачи", Ленин тем не менее объявил, что "прошлый опыт был великолепен, высок, величественен, имел всемирное значение". Именно так и смотрели на военный коммунизм многие партийцы. Они были уверены, что они-то и являются законными наследниками Октября, верными последователями принципов "величественного, великолепного опыта". Они были убеждены,

32. И даже самоубийства. Так, в отчаянии от НЭПа и созданной им обстановки застрелился видный член партии – рабочий Лутовинов.

что нужно возможно скорее уйти от НЭПа. Это было их убеждение, а не просто "левая фраза". Внимательно присматриваясь к докладу Троцкого о промышленности, сделанном в апреле на съезде 1923 г.[33], можно усмотреть, что хотя он шел от имени Политбюро, тогда полностью стоявшего за НЭП, в нем явно чувствуется противоборствующая НЭПу тенденция. Троцкий признает, что нужно пройти через НЭП, но нужно делать это ускоренным ходом, "по сокращенному учебнику". Он пугает грозными последствиями, созданными тем, что "вызван рыночный дьявол на свет". "Начинается эпоха роста капитала, причем этот зверь прыгает большими прыжками. Кто знает, не придется ли нам в ближайший год, в следующий год, каждую пядь нашей социалистической территории отстаивать зубами, когтями против центробежного влияния частного капитала". Два года не прошли с тех пор, как Ленин ввел НЭП, а из речи Троцкого видно, что уже следует думать о "диалектических победах над НЭПом". Нужно, чтобы "развитие производительных сил шло по социалистическому каналу", а это невозможно без охватывающего все хозяйство плана. Если этого не будет, "наш транспорт, наша тяжелая промышленность пойдет на слом и промышленность через рынок возродится как частно-капиталистическое предприятие".

Антинэповская мысль еще более выражена у одного из виднейших оппозиционеров — Пятакова. В 1923 г. он постоянно твердил, что после отказа от военного коммунизма и введения НЭПа "зародыш капиталистической системы вырос, окреп и грозит в дальнейшем развитии неисчислимыми опасностями только что складывающимся зачаткам социалистического хозяйства". НЭПу надлежит противопоставить подлинную коммунистическую политику, и утверждая это, Пятаков несомненно инспирировался духом военного коммунизма. "Очередной нашей задачей является собирание всех государственных предприятий в одну систему государственного хозяйства, объединенного, сознательно, планово направляемого в ту сторону, которая нам необходима. Кто этого не понимает, тот не понимает, что в борьбе между частно-капи-

33. См. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927, т. 1, стр. 35-48. – Прим. ред.

талистическим началом, которое развивается, и государственно-социалистическим — неизбежно поражение будет терпеть государственно-социалистическое начало". Также как Троцкий, выдвинувший для усиления планирования предложение о придании законодательных прав Госплану[34], Пятаков стоит за властное планирование хозяйства. В записке, составленной им, Преображенским, В. Смирновым и Осинским, отправленной в конце декабря 1923 г. в Политбюро — ее авторы доказывают, что разрешение всех хозяйственных вопросов упирается в плановое начало, и вне планирования деятельность Политбюро перестает быть социалистической.

Главным теоретиком, обосновавшим экономическую политику, оппозиционного течения, скоро названного троцкистским — стал Е. Преображенский, выступивший со статьей по этому вопросу в октябре 1923 г. в "Вестнике социалистической академии" (ее вскоре переименовали в академию Коммунистическую). Он доказывал, что в рамках единого национального хозяйства не могут "рядом существовать социалистическая система и система частно-торгового производства. Одна система должна пожирать другую. Либо социалистическое производство будет себе подчинять мелкобуржуазное хозяйство, либо оно само будет рассосано стихией товарного производства. Тут полное отрицание НЭПа. Это совсем не сходилось со словами Ленина, что НЭП вводится "всерьез и надолго". К теории Преображенского еще придется возвратиться в связи с "платформой", защищавшейся оппозицией в 1926 и 1927 гг. Пока же отметим, что для выхода из НЭПа Преображенский требовал ускоренного и максимального развития промышленности, долженствующей, по выражению оппозиционеров, занять в хозяйстве "диктаторское" место. Максинальное развитие промышленности, опирающееся на максимальное увеличение ее основного капитала, должно стать, согласно Преображенскому, первейшею задачей планового руководства страною.

---

34. К предложению Троцкого, но с очень большими поправками, присоединился Ленин. В четырех записках, продиктованных Лениным 27-29 декабря 1923, он разбирает этот вопрос, вводя в его рассмотрение несколько любопытных замечаний о Кржижановском и Пятакове. Записки Ленина оглашены после 1956 г., см. т. 36 его сочинений, стр. 548-551.

Необходимые средства для этого должны приноситься тем, что Преображенский назвал "первоначальным социалистическим накоплением" — увеличением ресурсов из "досоциалистических форм хозяйства", главным образом с помощью сурового налогового обложения крестьянства. Требование нажима на крестьянство с целью превращения сельского хозяйства в своего рода кормильца промышленности в форме обнаженной или слегка прикрытой вошло составной частью в слагавшуюся доктрину оппозиции. В этом пункте она явно склонилась к тому отношению к крестьянству, которое практиковалось военным коммунизмом 1918-1920 гг. Здесь было расхождение и с последними наставлениями Ленина, и с политикой Политбюро, подготовлявшего пуск лозунга "лицом к деревне". Резолюция XII съезда о сельском хозяйстве и крестьянстве во многих отношениях интересна. Вполне соответствуя троцкистским взглядам на значение международной революции для построения социализма в России, она далеко отходит от них, отвергая "нажим" на крестьянство:

"Сельское хозяйство, несмотря на то что все еще находится у нас на низком техническом уровне, имеет первенствующее значение для всей экономики Советской России. Как долго будет длиться период преобладающего значения крестьянского хозяйства в экономике нашей федерации — это определится не только внутренними нашими хозяйственными успехами, которые могут иметь лишь постепенный характер, но и ходом развития за пределами России, т.е. прежде всего ходом революции на Западе и Востоке. Низвержение буржуазии в какой-либо из передовых капиталистических стран очень скоро отразилось бы на всем темпе нашего хозяйственного развития, умножив материально-технические ресурсы социалистического строительства. Имея перед собой эту интернациональную перспективу, наша партия в то же время не должна ни на минуту забывать при оценке любого своего шага фактически преобладающего значения крестьянского хозяйства. Недостаточно внимательное отношение к этому обстоятельству было бы чревато неисчислимыми опасностями как в области экономической, так и политической, ибо неизбежно подрывало бы или ослабляло тот союз пролетариата и крестьянства, то доверие крестьянства к пролетариату, которое для данного исторического переход-

ного периода является одной из самых основных опор диктатуры пролетариата, основным условием устойчивости Советской власти, а следовательно, и основной задачей партии"[35].

При такой оценке политико-экономического положения не могло быть и речи (вопреки Преображенскому), что промышленность должна жить и укрепляться за счет сельского хозяйства и крестьянства.

Троцкий, Пятаков, Преображенский и их единомышленники имели в виду образование некоего властного, планирующего всю экономику аппарата, который все будет учитывать, всему давать директивы, все двигать в согласии с поставленной целью — направить развитие производительных сил по "социалистическому каналу". На значение планирования указывало и Политбюро, но мыслило его иначе, чем оппозиция. Политбюро утверждало, что при НЭПе планирование не может иметь такого характера, как при военном коммунизме. "Главкократическое администрирование (военного коммунизма) сменяется хозяйственным маневрированием". Плановые методы должны проводиться "с чрезвычайной осторожностью путем тщательного прощупывания почвы". "План социалистического хозяйства не может быть установлен априори теоретическим или бюрократическим путем". План определится, станет жизненным "только в результате длительного подготовительного опыта", "непрерывных усилий практического согласования работы разных отраслей хозяйства и правильного учета результатов"[36]. Из сказанного видно, что взгляды оппозиции, с ее боязнью НЭПа, ненавистью к НЭПу, с ее ностальгическим притягиванием к прошлому "великолепному и величественному опыту" во многом отличались от позиции тогдашнего Политбюро. И если бы в развернувшейся в 1923 г. борьбе победа оказалась на стороне Троцкого, Пятакова и их единомышленников — несомненно началось бы быстрое возвращение к какой-то обновленной форме военного коммунизма. Конец НЭПа был бы приближен на несколько лет. Но

35. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, т. I, стр. 687-688.

36. Там же, стр. 690, 692.

экономическая программа оппозиции в 1923 г. особой ясностью не отличалась. На авансцене дискуссии стояла не она, а вопрос о "внутрипартийной демократии" и "бюрократизации партии". Однако члены Политбюро, с наибольшей авторитетностью защищавшие официальную хозяйственную политику, а таковыми тогда были Рыков и Каменев, усмотрели, куда ведет экономическая политика оппозиции. Рыков в речи 2 декабря 1923 г. заявил, что мы живем при НЭПе и никакого поворота к военному коммунизму не будет и не может быть. Еще раньше его (27 декабря) такое же категорическое заявление сделал Каменев. Ссылаясь на "первенствующее значение в советской экономике крестьянского хозяйства", он указал, что это хозяйство "мелкобуржуазное и прямого командования над ним мы не имеем и иметь не можем".

Это был ответ апологетам "всеохватывающего планирования", не переставая заявлявшим — все вопросы упираются в "плановое начало".

Осуждая тянувшуюся три месяца внутрипартийную борьбу, Зиновьев говорил: "Партию лихорадило, она не спала. Дискуссии продолжались целыми ночами. Партия была взбудоражена как улей". В середине декабря не было достаточно ясно, на чьей стороне может быть победа, но к началу января полностью определился перевес сил на стороне Политбюро. В его руках был аппарат партии, печать, большее число ораторов. Победе Политбюро способствовали, кроме того, три обстоятельства. Больной Троцкий с защитой своих взглядов ни разу не выступал и не мог выступать на собраниях. Бюллетень о его здоровьи, помещенный 8 января 1924 г. в "Правде" за подписью шести врачей, сообщал, что больному нужно предоставить на срок не менее двух месяцев отпуск для климатического лечения — уехать из Москвы на Кавказ. Другое обстоятельство, неприятное для оппозиции, — это выступление на районном собрании Крупской с критикой оппозиции и Троцкого. Так как все исходили из предположения, что она не может расходиться с оценками и взглядами Ленина, из этого заключали, что в развернувшейся борьбе Ленин не был бы на стороне Троцкого. Наконец, третьим обстоятельством, вредившим успехам оппозиции, был несколько раз бросавшийся по ее адресу упрек, что она

хочет возврата к военному коммунизму. А от этого отшатывался большой слой партийных людей, весьма чувствующих благодеяния НЭПа в сравнении с голодными годами военного коммунизма. Учтя все это, Политбюро решило покончить с лихорадкой дискуссии, придушить оппозицию и победу над ней закрепить постановлением не пленума ЦК и ЦКК, а более высокой инстанцией — всесоюзной конференцией. Такая конференция, а ей для усиления ее значения предшествовало дирижируемое Зиновьевым осуждение оппозиции в Исполнительном комитете Коминтерна, состоялась 16-18 января 1924 г. При одобрении и соучастии Каменева и Зиновьева, Рыкова и Бухарина ее организовывал Сталин с помощью способов и методов, которые позднее привели всех четырех к небытию. Конференцию сфабриковали так, что на ней не могло быть никаких сюрпризов. Все ее постановления были сделаны заранее, их требовалось только принять. На ней присутствовало 128 делегатов с решающим голосом и 222 с совещательным. С энергичными речами против Политбюро выступили от оппозиции Пятаков, Преображенский, В. Смирнов и другие, но они были приглашены на конференцию лишь с совещательным голосом. Что же касается тех 128, кто имел право решать и выносить постановления, то среди них было только три оппозиционера. Эту конференцию можно в некотором отношении назвать "исторической". Таких при Ленине еще не бывало: ею начата серия будущих съездов и конференций, бесстыдно циничных организационных аранжировок. В них в такой степени исчезало выборное начало, заменяясь подбором сверху, что в дальнейшем они делались лишь глорификацией главного жреца, а когда он обожествил себя — стали совершенно ненужными. Атмосферу конференции правильно определил один из оппозиционеров — Вечев: "Может быть, мы имеем еще только несколько часов полной демократии. Позвольте же нам воспользоваться этими часами"[37]. Резолюция, принятая всеми против трех, гласит:

"Конференция приходит к выводу, что в лице нынешней оппозиции мы имеем перед собой не только попытку

---

37. Тринадцатая конференция РКП(б), стр. 129, 133.

ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный мелкобуржуазный уклон. Оппозиция отражает напор мелкой буржуазии на позицию пролетарской партии. Нужно принять самые суровые меры для охраны железной большевистской дисциплины, карать особо сурово за попытку вести фракционную "работу" среди Красной армии. Немедленно принять самые решительные меры, вплоть до исключения из партии, против тех, кто в главном политическом центре СССР — Москве — пытается внести раскол в ряды партии. Принять решительные меры, вплоть до исключения из партии, против распространения непроверенных слухов и запрещенных к опубликованию документов. Опубликовать до сих пор еще неопубликованный пункт 7-й резолюции, принятой по предложению Ленина и дающий право совместному заседанию ЦК и ЦКК 2/3 голосов исключить из партии любого члена ЦК в случае нарушения им партийной дисциплины или допущения фракционности"[38].

При распинании оппозиции главные удары падали, конечно, на Троцкого. У него Сталин насчитал шесть основных ошибок — лозунг ломки партийного аппарата и дискредитирование его, противопоставление молодежи кадрам партии, намеки на ее перерождение, требование свободы группировок и т.д. Наибольшее преступление Сталин видит в том, что Троцкий "противопоставил себя ЦК, возомнил себя сверхчеловеком, для которого законы не писаны". Объявляя, что дискуссия с оппозицией закончена, надевая намордник на оппозицию, конференция все же не могла пройти мимо вопроса о "рабочей демократии", стоявшего в центре дискуссии. Из принятой резолюции можно усмотреть, что отрицая "свободу фракционных группировок", партия признает принцип рабочей демократии, "свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, свободу дискуссий по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху". Ценность этого заявления равна нулю. Это измятые бумажные цветочки на гроб убитой рабочей демократии.

---

38. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, т. 1, стр. 782, 784, 785.

В XIII конференции, заслуживающей название "исторической", нужно отметить некоторые факты, обращающие на себя внимание тем, что повторяются в дальнейшем движении партии вплоть до 1929 г. Еще до начала внутрипартийной борьбы Троцкий настаивал на увеличении состава партии "рабочими от станка". Конференция (не упоминая о Троцком) предложение принимает: нужно вовлечь в партию не менее 100 тысяч таких рабочих. Троцкий настаивал на внимании к молодежи, особенно учащейся. Конференция, называя демагогией заигрывание Троцкого с молодежью, тем не менее требует "особого внимания к молодежи" и напитания ее "основами ленинизма". Троцкий и оппозиция твердили о плане, без него нет настоящего руководства. "От успешности централизованного планового руководства хозяйством, писал Троцкий в "Новом курсе", — зависит судьба революции — полностью и целиком". Конференция поддается гипнозу планированием, вводит требование об "усилении планового начала", говорит об "исключительной важности Госплана — хозяйственного штаба социалистического хозяйства". Скрывая в этом пункте влияние оппозиции, конференция замечает, что на значение плана якобы достаточно указал XII съезд.

В течение ближайших годов мы увидим, как шествующий к неограниченной власти Сталин будет душить троцкистскую оппозицию и в то же время вооружаться многими идеями и мыслями этой оппозиции. Сталинизированное овосточенное заимствование из арсенала троцкизма станет столь заметно, что, высланный в Среднюю Азию, в Алма-Ату, Троцкий в декабре 1928 г. в своем послании президиуму Коминтерна, с полным правом мог заявить: "Сталинская фракция живет обломками и осколками идей оппозиции".

Отчеты о конференции почти совпали с извещением о смерти Ленина. В это время Троцкий уже не был в Москве. Он был на Кавказе, в Тифлисе. На запрос в Политбюро — когда похороны — он получил (так он позднее писал) сознательно неверно сделанное указание, из которого вытекало, что приехать на похороны не успеет. Ему осталось лишь послать по телеграфу маленькую статью. "Ленина нет, но есть ленинизм. Наша партия есть ленинизм в действии. В каждом из нас живет частица Ленина, то, что составляет лучшую часть каждого из нас. Пойдем вперед с факелом лени-

низма". В мае Троцкий из Сухума возвратился в Москву и 19 мая сделал публичный доклад о Доброхиме, встреченный и сопровожденный самыми горячими аплодисментами.

Это свидетельство прежнего к нему внимания его не ослепляет. Он видит и чувствует — вся политическая атмосфера весьма отличается от 1923 года. Он узнает, что сочувствующие ему ячейки высших учебных заведений разгромлены, в том числе ЦК комсомола, ряд лиц из оппозиции перемещены из столицы в провинцию, в военных ячейках произошла чистка, начальник ПУРа Антонов-Овсеенко снят со своего поста. Троцкому ясно, что его замысел — натиском, лобовой атакой опрокинуть Политбюро или принудить к существенным уступкам — потерпел полное фиаско. В соответствии с создавшимся положением Троцкий решает на предстоящем съезде радикально изменить свое поведение, высказать послушание решениям руководства партии, желание с ним примириться. Тринадцатому съезду партии (23-31 мая 1924 г.) — первому после смерти Ленина — предстояло обсуждение многих важных политических, хозяйственных и организационных проблем, но, разумеется, он не мог пройти мимо трехмесячной ожесточенной внутрипартийной борьбы. Зиновьев, принимающий на этом съезде вид вождя, делает, как в свое время Ленин, политический доклад и говорит, что нужно подвести итог спорам: "Впервые в истории нашей революции делалась попытка либо изменить политику ЦК коренным образом, либо изменить самый состав ЦК, перепрячь лошадей на ходу". Ответ на эти попытки дала XIII конференция, ее решения XIII съезд должен подтвердить. Взгляды всех обращены на Троцкого, что он на это скажет? Ведь главным образом против него и были направлены резолюции конференции. Любопытно, что хотя Политбюро в течение дискуссии мяло, топтало, всячески поносило имя Троцкого, и из 748 делегатов с решающим голосом подавляющее большинство пришло на съезд с твердо внушенным им наставлением — бить Троцкого, появление его на трибуне вызвало, что пришлось отметить в газетах, - "бурные аплодисменты". Вопреки рекомендациям свыше, престиж Троцкого стоял еще очень высоко. Что сказал Троцкий? "Если бы на XII съезде кто-нибудь взошел на трибуну и внес резолюцию, что необходимо серьезное изменение внутрипар-

тийного курса, иначе партии грозит отрыв от масс, то можно сказать с уверенностью, что он не нашел бы на съезде никакой поддержки". А между тем в период от XII к XIII съезду ЦК 5 декабря принял огромной важности резолюцию "о наблюдающейся бюрократизации партийных аппаратов" и "необходимости "серьезного изменения партийного курса в смысле действительного проведения принципов партийной демократии". "Я никогда не признавал и не признаю свободы партийных группировок, но я должен напомнить, что резолюция ЦК требует для преодоления группировок, чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, не считали всякую критику проявлением фракционности и не толкали этим добросовестных партийцев на путь замкнутости и фракционности". Настаивая, что в этом и была самая суть борьбы, которую он вел, Троцкий выражает свое недоумение пред решением XIII партийной конференции, усмотревшей в его поведении мелкобуржуазный уклон. "Отдельные решения последней конференции, продолжал Троцкий, я считаю в своих частях неправильными и несправедливыми, но у партии не может быть таких решений, хотя бы неправильных и несправедливых, которые могли бы поколебать на иоту нашу беззаветную преданность партии, готовность каждого из нас на своих плечах нести дисциплину партии при всяких условиях. Никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счете всегда права, потому что партия единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных исторических задач. Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правды история не дала. Мы можем сказать, права или не права (партия) в отдельных частных конкретных вопросах, в отдельные моменты, но это моя партия. И если партия выносит решение, которое тот или другой из нас считает решением несправедливым, то он говорит: справедливо или несправедливо, но это моя партия, и я несу последствия ее решения до конца"[39].

---

39. Тринадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет, Москва, изд. Красная Новь, Главполитпросвет, 1924, стр. 166-168.

Трудно представить себе большее фетишизирование партии, унизительное падение ниц перед превращенным в святыню партийным аппаратом. Однако даже такое самораспятие Троцкого не удовлетворило командующий слой. От Троцкого требовали безоговорочного самоосуждения и признания резолюции XIII конференции и так как, прославляя партию, он от этого увильнул, против него с ядовитыми речами выступили Каменев, Зиновьев, Угланов, Рухимович, Рудзутак, Ярославский, Бухарин и целая серия делегатов из провинции. Зиновьев не нашел в книге Троцкого "Новый курс" даже "грана большевизма" (шумные аплодисменты), а по поводу фразы, что партия всегда права, заявил: "Такие кислосладкие комплименты нам не нужны". Сталин высмеивает ту же фразу Троцкого: "Неверно, что партия никогда не ошибалась. Партия нередко ошибается. Неумной хитростью и дипломатничанием вам не провести съезд". Крупская, а при появлении ее на трибуне все с почтением встают, тоже несогласна с Троцким, будто партия всегда права. Вместе с тем она пользуется случаем заявить, что политика ЦК была совершенно правильна, оппозиция неправа, и "мы не можем себе позволить роскошь дублированных дискуссий". Расчеты Троцкого примириться с командующим аппаратом с помощью беспримерной лести по адресу партии не оправдались. В защиту его на съезде, в сущности, встал только один человек — молодой французский коммунист, речь его переводил Луначарский. Во французской компартии, говорил он, взволнованы острой полемикой, происходившей в России, и особенно нападками на Троцкого. Его имя имеет интернациональное значение и нельзя допускать деградацию достоинства этой большой революционной фигуры. Троцкий в значительной степени синоним революции, несправедливые обвинения против него наносят удар всей коммунистической партии и Коминтерну. Лично я, заявил этот французский коммунист, в более, чем кто-либо, резкой форме высказывался в пользу позиции Троцкого. Предвидя победу ЦК на XIII съезде и отдавая себе отчет в рискованности моей позиции, я, тем не менее, не считаю нужным от нее отказываться и готов за это полностью нести ответственность[40]. Имя этого коммуниста —

40. Правда, 30 мая 1924 г.

Б. Суварин. В скором времени он был исключен из Коминтерна. В наше время во французской прессе он непримиримый враг советского коммунизма. Восхваление Троцкого Сувариным делегаты XIII съезда слушали со сжатыми кулаками и с криками: "позор, позор".

Максимум униженности, уступчивости, отказа от самого себя, Троцкий проявил и после съезда, когда встал вопрос о выборе членов Политбюро. Считаясь с завещанием Ленина снять Сталина с поста генерального секретаря, тот заявил, что свою кандидатуру на этот пост не выдвигает. Всеми голосами, в том числе и Троцкого, Сталин вновь, и на сей раз уже бессменно, избран генеральным секретарем. Подражая Борису Годунову, лицемерно изображавшему нежелание сесть на трон и требовавшему, чтобы народ умолял его стать царем, Сталин разыграл ту же комедию, и среди упрашивающих его взойти на трон генерального секретаря подвизался Троцкий[41]. Этим самым он превращал в ничто свою борьбу против "секретарской верхушки" и "секретарского режима".

Погром оппозиции совершился, все же она не исчезла, а лишь притаилась. В это время в ее рядах, не считая осколка, еще при Ленине разгромленного, группы Шляпникова и Медведева, существовало два главных оттенка. Один оттенок, неофициальным главою которого был Троцкий, а официальными представителями такие лица, как Пятаков, Преображенский и Дробнис, скоро получил название "троцкизма" В другом оттенке, провозглашавшем так называемый "демократический централизм", в 1924 г. стали выделяться в качестве его выразителей В. М. Смирнов и К. Сапронов. Оба они подписывали заявление 46-ти, а В. Смирнов, кроме того, уже упоминавшееся заявление четырех экономистов, посланное в декабре 1923 г. в Политбюро. Позднее группа Смирнова-Сапронова, имевшая в своем составе большинство из рабочих, обособилась от троцкизма. В 1924 г. этого еще не было, но уже тогда замечалось, что в ней говорят о Политбюро, о ЦК, о курсе партии, таким крутым языком, в сравнении с которым казался мягким и изысканным ядовитый язык бро-

41. См. Предисловие. – Прим. ред.

шюры Троцкого "Новый курс". Особенно резким в своей критике был Т. Сапронов, в прошлом рабочий-маляр, не стеснявшийся в 1920 г. самым непочтительным образом полемизировать с самим Лениным. Сапронов — тип непреклонного фанатика с чертами Аввакума, знаменитого протопопа-раскольника 17 века, за свою веру без страха погибающего на костре. Октябрьская революция была его святыней, и когда Сапронов говорил кто и что ее "изгадили", и не превратили в "подлинное царство рабочих", он ожесточенно употреблял самые нецензурные площадные выражения. Речь на съезде Троцкого, будто партия всегда права, оба течения оппозиции несомненно ошарашила, но если троцкистов она привела в неприятное смущение, то в группе Сапронова встретила уже негодование. Сапронов назвал ее "интеллигентски-лакейскими брызгами". Такая реакция оппозиции, конечно, стала известной Троцкому, и все говорит за то, что он сам начал считать свою речь большой ошибкой. Признать таковую Троцкого толкал и вывод, что его примиренческая позиция ничего ему не принесла. Политбюро ее оттолкнуло и высмеяло. Он видел, что, мало считаясь с ним, Политбюро вмешивается в дела и порядки подчиненного ему военного ведомства, устраняет работавших с ним лиц (напр., Склянского), и эта политика приобретает уже вызывающий характер, когда после XIII съезда его помощником назначается скоро сменивший его Фрунзе. Уже будучи высланным из России, Троцкий в изданной в 1929 г. книге "Что и как произошло" (стр. 36) писал:

"Я до последней возможности уклонялся от борьбы. Здесь не место обсуждать, правильно ли было ценою величайших личных уступок стремиться сохранить почву коллективной работы или нужно было самому перейти в наступление по всей линии. Я избрал первый путь".

Эти слова лживы, далеки от действительности. В наступление он бросился в 1923 г., когда был разбит, склонил голову на XIII съезде с декларацией "партия всегда права". Во вторичное наступление, и на сей раз действительно уже по всей линии, он вступил в конце 1924 г., написав в Кисловодске большую статью "Уроки Октября", содержание которой, в несколько измененном виде, повторено в его автобиографии "Моя жизнь". Так как (писал он, и с этим нужно

согласиться) партийные писатели не дали ни единой работы, серьезно и критически представляющей ход и картину октябрьской революции, он ставит своей задачей этот пробел устранить. К деятельности в то время большевистской партии он подходит без малейшего подкрашивания, и изображает ее высший слой в виде далеко не героическом. До апрельских тезисов Ленина она совсем не имела твердой революционной линии. Наверху стояли косные люди с фаталистическим пониманием марксизма, чуждые идее октябрьской революции и на всем протяжении 1917 года оказывавшие то глухое, то открытое сопротивление революционному курсу. До приезда Ленина "Правда" (редактируемая Каменевым и Сталиным) стояла на точке зрения демократически-оборонческой, а не пролетарски-революционной. На захват власти ЦК пошел только под хлыстом Ленина. Сопротивление призыву к восстанию и захвату власти для перехода к социализму у Каменева и Зиновьева, и не только у них одних, явление не случайное, а нечто, вытекающее из порочных частей их общего мировоззрения. В отличие от них, Троцкий был подготовлен к такой задаче своей доктриною перманентной революции. Тезис, что путь к социализму идет через долгий период демократии, он не считал обязательным законом, полагая, что для отставших стран этот путь идет через диктатуру пролетариата. Еще в 1906 г. Троцкий утверждал, что "в стране экономически отсталой пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой, и представление о какой-то автоматической зависимости пролетарской диктатуры от технических сил и средств есть предрассудок упрощенного до крайности экономического материализма". Таким образом, к октябрьской революции Троцкий был подготовлен как идейно, так и психологически, а этого не было у большинства членов ЦК и менее всего у Каменева и Зиновьева. Им всем предстояло идейно "перевооружиться" и устранить косные части своего мировоззрения и только в таком виде получить возможность следовать за Лениным. Самая картина октябрьской революции изображается Троцким весьма несхожей с обычным ее представлением. Революционному военному комитету петроградских рабочих депутатов, во главе которых он стоял, его схема придает крупнейшую роль. Когда на

требование правительства Керенского вывести две трети войска гарнизона на фронт петроградский Совет и гарнизон, под влиянием агитации Троцкого, ответили отказом, а это было 10 октября, то, утверждает Троцкий, исход восстания 25 октября был уже на три четверти предопределен. Оставалось лишь приурочить захват власти к моменту всероссийского съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Троцкий, между прочим, указывает, что Ленин, находившийся в подполье и плохо информируемый, в письме в начале октября к московскому и петроградскому Советам считал, что лучше и легче всего произвести захват власти в Москве, тогда как, наоборот, "мирное восстание 10 октября местного гарнизона сделало очень легким захват власти именно в Петрограде, а не Москве, в которой большевикам пришлось вести долгие и кровавые бои". Таково, если его полностью расшифровать, содержание статьи Троцкого "Уроки Октября". Провозгласив, что "партия всегда права и правым можно быть только с партией", Троцкий в указанной статье этот тезис полностью опрокинул: только идя против партии, борясь с ее консерватизмом, отсутствием политического чутья, можно было в 1917 г. взять подлинно революционную линию и осуществить великую октябрьскую революцию. Статья ясно говорила: нынешнее руководство партии не имеет права считать себя активными деятелями октябрьской революции и потому не имеет права судить его — Троцкого. "Уроки Октября" бросили в неистовое озлобление всех тех, кого открыто или намеками Троцкий задел. Немедленно полились речи, доклады об очередной гнусности Троцкого, появилось топтание троцкизма в сборнике статей Каменева, Зиновьева, Сталина, Квиринга, Сокольникова, редакции "Правды". Чтобы показать, что Троцкий не ленинец, а упорный и давнишний враг Ленина, опубликовали письмо, посланное им Чхеидзе в довоенное время. К адресату оно не попало, было перехвачено охранкой и из ее архива вытащено на свет Сталиным и Ко.

"Все здание ленинизма, — писал в 1913 г. Троцкий, — в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Каким-то бессмысленным навождением кажется дрянная склока, которую разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональ-

ный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении".

Конечно, такое письмо произвело большое впечатление, подкашивая Троцкого. Тем не менее, его доводы против эпигонов не теряли силы. Сталин, делая вид, что критика Троцкого к нему не относится, брал под свою защиту Зиновьева и Каменева. Если бы, говорил он на пленуме ВЦСПС 19 ноября 1924 г., эти товарищи, не соглашаясь с Лениным и его призывом к восстанию, представляли, как доказывает Троцкий, самое правое крыло в нашей партии, почти социал-демократическое, нельзя было бы обойтись без раскола. "Раскола же не было, разногласия длились всего несколько дней, потому что мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев-большевиков". По настоянию Зиновьева ленинградский губернский комитет за опубликование Троцким "Уроков Октября" потребовал немедленного изгнания его из партии. Когда ЦК на это не пошел, Зиновьев и Каменев потребовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро. Сталин, передавая об этом на XIV съезде, напоминал, что "мы не согласились с тов. Зиновьевым и Каменевым потому, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии. Метод отсечения, метод пускания крови, а они требовали крови — опасен, заразителен. Сегодня одного отсечем, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется от партии"[42].

Совершенно устранить с политического горизонта ненавистного Троцкого было затаенной целью Сталина, но, внешне украшаясь великодушием и объективностью, он охотно предоставил Каменеву и Зиновьеву произвести необходимые предварительные операции для низвержения Троцкого.

Так называемая "дискуссия" об "Уроках Октября", в сущности, никакой дискуссией не была. В ней участвовала одна сторона: снова больной Троцкий никому не возражал, и пленум ЦК, заседавший 17-20 января 1925 г. лишь подвел

---

42. Четырнадцатый съезд партии. Стенографический отчет., стр. 502-503. Двенадцать лет спустя, став уже абсолютным диктатором, Сталин, убивая Зиновьева и Каменева, показал, что нужно, пред тем как пустить кровь, людей замучить и пытать.

итог, что говорилось и писалось против "Уроков Октября". Пленум констатировал, что Троцкий, вступив в партию, постоянно с ней не соглашался, но на этот раз его "Уроки Октября" обнаружили всеобъемлющие разногласия между ним и большевистской партией: он пошел уже в прямой поход против основ большевистского мировоззрения". Троцкий клевещет на партию, доказывая, что ей пришлось "идейно перевооружиться, перерасти в "троцкизм", чтобы вступить в октябрьскую революцию. Картина самой революции изображена им совершенно ложно, в ней исчезает роль партии и выделяется на первый план роль личности — самого Троцкого. Взаимоотношения Ленина и ЦК он искажает, а роль Ленина в революции рисует крайне двусмысленно, будто тот проповедовал взятие власти заговорщическим путем". Пленум ЦК постановил:

Сделать Троцкому предупреждение в том смысле, что принадлежность к большевистской партии требует "полного безоговорочного отказа от какой бы то ни было борьбы против идей ленинизма".

Ввиду обнаружившихся взглядов Троцкого признать "невозможной дальнейшую работу Троцкого в Реввоенсовете", тем более, что сам Троцкий с своем заявлении от 15 января тоже признает, что "интересы дела требуют скорейшего освобождения его от обязанностей председателя Реввоенсовета".

Отложить вопрос о дальнейшей работе Троцкого в ЦК, но "принять к сведению" выраженную им в заявлении готовность выполнять под контролем партии ту работу, которая ему будет поручена.

В статьях и речах на Пленуме самыми ожесточенными, озлобленными противниками Троцкого были Каменев и Зиновьев. Ими было пущено в ход все, что может ранить больнее Троцкого. Их нападки на него продолжались и в апреле 1925 г. на XIV конференции партии. Что же произошло, из-за чего пять месяцев спустя Каменев и Зиновьев стали приближаться к ряду идей Троцкого, в 1926 г. вместе с ним и троцкистской оппозицией составили "объединенную оппозицию", а в 1927 г. с помощью Бухарина, Рыкова и Томского были выброшены из все более сталинизирующейся партии? Ко всем перипетиям этой истории мы сейчас и перейдем.

ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СТРАНЕ

В истории отношений и разделения католической и православной церкви огромную роль сыграла прибавка "filioque", сделанная римскими папами к символу веры, установленному вселенскими соборами. Не впадая в шутливый тон, а говоря серьезно, можно сказать, что в идеологической истории коммунистической партии СССР роль, подобную "filioque", имела фраза в статье, продиктованной Лениным 4 и 6 января 1923 г. Базируясь, главным образом, на этой фразе и создалась теория, которая для одной части коммунистической партии имела "особое значение"[1], как "неоспоримая истина"[2], возвещающая возможность построения полного социалистического общества в России без помощи извне, а в глазах другой части партии — представляющая искажение "азбучных истин марксизма", приводящее, по убеждению Троцкого, к "курсу на самодовлеющее национальное развитие" и к "реакционной теории марксизма в отдельной стране"[3]. История появления этой фразы Ленина, а вместе с нею новой доктрины, имевшей, не побоимся сказать, мировую важность и последствия, представляет исключительный интерес, и естественно, что к этому вопросу, на наш взгляд, мало исследованному, нужно подойти с макси-

1. Коммунистич. партия Советского Союза в резолюциях т. 2, стр. 169.

2. См. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1952, стр. 143.

3. Троцкий. Моя жизнь. т. 2, стр. 262.

мальной внимательностью. Его начало таково. Ленин был убежден, что возглавленная им октябрьская революция лишь прелюдия к революции мировой, охватывающей прежде всего передовые страны Европы. "От победы октябрьской революции до побед международной социалистической революции не может быть грани". Такие заявления Ленина находятся во многих его статьях и речах и по датам этих речей и статей можно проследить течение его мысли, ее уверенность, удивительные прыжки и отступления.

21 февраля 1918 г. "Международная социалистическая революция в Европе зреет с каждым месяцем".

7 марта 1918 г. "Мы подходим и мучительному периоду начала международной социалистической революции. Может быть, она победит через несколько недель, даже несколько дней".

28 августа 1918 г. "Австрия и Италия переживают канун революции. Крах капиталистического строя неизбежен".

3 октября 1918 г. "Кризис в Германии начался. Он кончится неизбежным переходом политической власти в руки германского пролетариата".

22 октября 1918 г. "Теперь для всех становится ясным, что революция во всех воюющих странах неизбежна. Она назреваст не по дням, а по часам. Никогда мы не были так близки к мировой революции, никогда не было так очевидно, что русский пролетариат установил свое могущество и за нами пойдут миллионы и десятки миллионов мирового пролетариата. Германская революция разразится с такой силой и организованностью, что разрешит сотню международных вопросов".

Революции в Европе происходят, но не те, о которых мечтал Ленин. Нет ни перехода власти к пролетариату, ни крушения капитализма. Хилиазм Ленина временно приглушается, но в 1919 г. снова вспыхивает с огромной, почти безумной силою.

23 марта 1919 г. "Семя, посеянное русской революцией, всходит в Европе. Издыхающий зверь международного империализма погибнет".

29 марта 1919 г. "Революция близится. На днях она победила в Венгрии. В ней установлена Советская власть. К этому неминуемо придут все народы".

11 апреля 1919 г. "Мы обещали, что начинаем революцию, которая станет мировой, и она началась. Международное положение наше блестяще. Теперь только несколько месяцев отделяют нас от победы над капитализмом во всем мире".

16 июля 1919 г. "С уверенностью говорим, что этот июль последний тяжелый июль, а следующий июль мы встретим победой международной Советской республики".

17 июля 1919. "Россия со своею Советской властью вначале была в одиночестве, впоследствии к ней присоединилась Советская Венгрия, а теперь дело идет к передаче власти Советам в Германии. Недалек день, когда вся Европа соединится в единую Советскую республику".

22 ноября 1919 г. "Социальная революция зреет в Западной Европе не по дням, а по часам. То же происходит и в Америке, и в Англии. Версальский мир является только внешней победой торжествующих империалистов, а на деле означает крах всего империалистического мира".

События упрямо не идут по схеме Ленина, и в 1920 г. ему уже приходится вносить в нее изменения и смягчения. Он начинает указывать на замедление хода мировой революции. Он говорит об этом 6 марта 1920 г.

"В первое время у многих была надежда, что в Западной Европе начнется социальная революция с момента окончания войны. Развитие революции пошло путем более медленным. Европа идет к революции не так, как мы пришли, но по существу проделывает то же".

6 ноября 1920 г. он уже признает, что "дело международной революции за это время потерпело ряд поражений в маленьких странах, в которых задавить движение помогли гигантские хищники".

Уверенность в скором приходе мировой революции настолько у Ленина исчезает, что в марте 1921 г. на съезде партии он говорит, что "мы просто были бы сумасшедшими", если бы верили, делали предположения, что из Европы " в короткий срок помощь придет в виде прочной пролетарской революции"[4]. А через четыре месяца, 5 июля, Ленину

---

4. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 156.

приходится констатировать, что в "капиталистических странах после заключения мира, как бы плох он ни был, вызвать революцию не удалось".

В страстном желании Ленина видеть ее приход и всеми способами содействовать ее осуществлению, конечно, нет ничего неожиданного и непонятного. Мысль о крушении капиталистической системы в результате мировой революции стала, со времени появления "Коммунистического манифеста" Маркса и Энгельса (т.е. с 1848 г.), основным пунктом ортодоксального марксистского мировоззрения в том его виде, который не изменялся происходившими с 90-х годов громадными поправками, вносимыми в марксизм "ревизионизмом", т.е. развивающейся при учете новых фактов критической исследовательской марксистской мыслью. Но в вере и призыве к мировой революции, выражаемых в речах и статьях Ленина, есть две переплетающиеся стороны, и крайне важно их не смешивать и отделить одну от другой. У Ленина было ясное сознание, что передовые капиталистические страны в военном отношении настолько сильнее Советской России, что при желании сделать решительный натиск могут опрокинуть Советскую власть. Отсюда желание гибели этих капиталистических государств, так как, по его мнению, только гибель этих государств даст прочную гарантию самого существования Советского государства и не прерываемого в нем внешней силой социалистического строительства. В этом смысле Ленин говорил, что конечная победа советской революции не может иметь места, если она останется одинокой. Тот же смысл и в формуле, постоянно употребляемой Лениным: "Когда мы ставим вопрос о задачах и условиях победы пролетарской революции в России, мы говорим, что прочной не может быть эта победа, если только ее не поддержит пролетарская революция на Западе. Правильная оценка нашей революции возможна только с точки зрения международной. Чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех, или, по крайней мере, в нескольких главных капиталистических странах".

В помыслах Ленина о мировой революции была и другая, как уже сказано, сторона. Несмотря на бросаемые безответственные, агитационные, его самого разжигающие слова, вроде заявления в 1918 г., что "от социализма

несостоявшегося, декретированного, мы переходим к истинному социализму"[5], Ленин считал, что ряд очень важных внутренних причин и условий делает невозможным построение социализма в одной стране — в России, несмотря на то, что она первая начала социалистическую революцию. Для преодоления внутренних препятствий, мешающих окончательному построению социализма в России, необходима помощь переходящих к социализму передовых капиталистических стран. Снова прибегая к указанию дат, полезно установить, что и когда Ленин говорил и писал по этому поводу.

22 марта 1917 г. "Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию, но он может придать русской революции такой размах, который облегчит обстановку для вступления в решительные битвы своего главного, самого верного, самого надежного сотрудника — европейского и американского социалистического пролетариата".

11 января 1918 г. "Мы никогда не обольщали себя надеждой, что можем окончить переход от капитализма к социализму без помощи международного пролетариата. Окончательная победа социализма в одной нашей стране невозможна. Мы теперь ясно видим, как пойдет развитие революции — русский начал, немец, француз, англичанин доделает и социализм победит".

7 марта 1918 г. "Конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, была бы безнадежной. Наше спасение от всех трудностей во всеевропейской революции".

23 апреля 1918 г. "Наша отсталость двинула нас вперед, и мы погибнем, если не сумеем удержаться до тех пор, пока не встретим мощную поддержку со стороны восставших рабочих других стран".

26 мая 1918 г. "Социалистической революции в одной стране, если бы она была даже менее отсталой, чем Россия, всецело не выполнить".

---

5. Заявление на заседании ВЦИК 22 октября 1918 г., см. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 105.

17 апреля 1919 г. "Победить полностью, окончательно, нельзя в одной России".

6 февраля 1921 г. "Капитал по самой сущности дела победить одной стране до конца нельзя. Это сила международная, и чтобы победить до конца, нужны совместные действия рабочих тоже в международном масштабе".

Ленин указывал, что, будучи после октябрьской революции "по политической власти рабочих впереди любой Англии и любой Германии", Россия вместе с тем "позади самого отсталого из западно-европейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному "введению социализма"[6].

При победе социалистической революции хотя бы в одной из передовых капиталистических стран сразу обнаружится, что, в сравнении с этой страной, Россия "в советском и социалистическом смысле отсталая страна"[7]. Чтобы Россия могла итти к социализму, социалистическому пролетариату передовых стран придется ее взять, так сказать, на буксир. Ленин не определял подробно, какого рода помощь должен принести России пролетариат передовых стран, переходящих к социализму. Из его отдельных, отрывистых замечаний можно заключить, что эта помощь выразится в принесении политического и организационного опыта, технических знаний, культурных учреждений и порядков, доставке недостающих России материальных ресурсов, умения пользоваться, разрабатывать имеющиеся в ней естественные богатства. Подобного рода помощь извне и должна оформлять, укреплять, по выражению Ленина, "доделывать" строящийся в России социализм. Без нее, оставаясь одинокой, предоставленной собственным силам, она достроить социализм, построить его по-настоящему не в состоянии. Это положение с особой отчетливостью Ленин сформулировал в статье "Заметки публициста". Вот что он тогда писал:

"Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху, эпоху политического

---

6. Слова Ленина в апреле 1921 г. (см. Ленин. Сочинения, том. 32, стр. 318).

7. Там же, т. 31, стр. 5.

господства пролетариата. Этого назад взять уже нельзя, хотя "доделать" советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран. Мы "не доделали "даже фундамента социалистической экономики. Надо отчетливо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий. Нет решительно ничего "страшного", ничего дающего законный повод к малейшему унынию в признании этой горькой истины, ибо мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран"[8].

Со ссылкой на азбучную истину марксизма такого рода "исповедывание" высказано в статье, написанной Лениным в феврале 1922 г. Однако в печать она не поступила. Она была напечатана в "Правде" лишь 16 апреля 1924 г., после смерти Ленина. Что мешало Ленину ее напечатать? Конечно, не включенные в нее ругательные окрики по адресу немца Леви и итальянца Серрати, отошедших от директив Коминтерна. И не слова, что меньшевики, будучи "агентами буржуазии", в отдельных случаях бывали правы против большевиков. Было другое, что заставляло Ленина колебаться и написанную статью отложить. Дело в том, что создававшиеся в последнее время у Ленина новые взгляды входили в растущее, обостряющееся противоречие с насаждавшимся им самим мировоззрением *военного коммунизма* 1918-1919 гг. Крайне характерна его фраза на XI съезде партии: "Годы 1918-1919 были великие годы, но если бы смотреть назад на эти годы и не видеть, какая теперь задача впереди, то это была бы гибель, несомненная, абсолютная гибель"[9]. Читая речи и статьи Ленина с середины 1920 г., видно, как чрез жесткую оболочку старых взглядов вылезают, проступают новые взгляды, правда в форме дробящейся, противоречивой, с постоянными оговорками. Ново, например, уже то, что он совсем перестал верить в мистическое действие приходящей из Европы мировой революции. Он даже насмехается над теми, кто слово "революция" пишет с большой буквы, возводит "революцию в нечто почти божественное" и думает,

8. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 180.
9. Речь 27 марта 1921 г. (см. там же, стр. 262).

будто "великая, победоносная, мировая революция обязательно все и всякие задачи может решить по-революционному"[10]. Неосуществившаяся в Европе социальная революция не опрокинула капиталистическую систему, но и капиталистические державы не опрокинули Советскую Республику. Прежде, пишет Ленин, казалось "просто немыслимым, чтобы социалистическая республика могла существовать в капиталистическом окружении" — "а это уже доказано, это уже факт"[11]. Это действительно ново, неожиданно и со старыми взглядами никак не согласуется. Прежде Ленин считал, что помочь России "доделывать" переход от капитализма к социализму может лишь ставший у власти социалистический пролетариат. Теперь Ленин находит, что в этом деле может играть большую роль и "буржуазный капитал". Поэтому уже с конца 1920 г. он с большой страстностью пропагандирует политику концессий этому капиталу. "Союз с государственными трестами передовых стран, убеждает Ленин, необходим для нас. Своими силами восстановить хозяйство без оборудования и технической помощи из-за границы мы не можем". "Промышленность капиталистических стран уже оказывает нам помощь, несмотря на то, что все они руководятся капиталистами, от всей души ненавидящими нас"[12]. В Германии заказано оборудование, — "содружество (обратите внимание на термин) с этой передовой капиталистической страной началось"[13]. Советская Россия, указывает Ленин, потихоньку "обрастает целым рядом постоянных торговых сношений, представительств, договоров" с капиталистическими странами Европы. Значит, при умелой политике, переходя от военных отношений к мирным, торговым, экономическим отношениям с капитализмом — "единственная в мире Социалистическая Советская Республика" может существовать и "в одиночку" пробовать строить социализм. Обнаружилось и другое явление, имеющее в глазах Ленина столь же важное значение. Коммунизм всегда проповедовал

---

10. См. статью "О значении золота" в "Правде" 6 и 7 ноября 1921 г.

11. Речь 23 дек. 1921 г., см. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 126.

12. Там же, т. 33. стр. 127.

13. Там же, стр. 44.

"теснейший союз и слияние " с деревенской беднотой, а на остальную подавляющую часть крестьянского населения — на середняка — смотрел с недоверием, как на мелкобуржуазную враждебную стихию. Ее нужно как-нибудь сдерживать, "нейтрализовать", но это дело нелегкое. "Крестьянин столетиями воспитывался, что хлеб его и он волен его продавать". "Как продавец хлеба он тянет к буржуазии. Обстановка товарного хозяйства (а ее нужно уничтожить без остатка) делает крестьянина торгашом. Крестьяне собственники, и с ними приходится бороться. Крестьянин — мелкий хозяйчик — по природе своей склонен к свободной торговле, а мы считаем это дело преступлением"[14]. "Той фазы отношений, которые установились у нас с крестьянством, оно не хочет. Воля его выразилась определенно". Политики "нейтрализации" недостаточно, нужно заменить ее политикой соглашения". "Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России", иначе крестьянство "нас скинет", "пошлет к черту". Но соглашение с средним крестьянством требует материальных уступок, а у нас, — откровенно сказал Ленин 19 марта 1919 г. на съезде партии — "нет таких благ, которые мы могли бы дать среднему крестьянину, а он материалист"[15]. Положение было бы безнадежным, если бы не была по порциям введена новая экономическая политика, отвергающая режим военного коммунизма, вводящая товарообмен, свободу торговли и прочие важные изменения. Эта политика в значительной доле удовлетворила желание крестьян и крестьянские восстания, бывшие до 1921 г., по словам Ленина, "общим явлением в России", прекратились. При новой политике появилась возможность не только пойти на какое-то с ним соглашение, а по мысли Ленина, осуществить нечто большее — "экономический союз между рабочим классом и крестьянством". Такой союз — "альфа и омега Советской власти, необходимое и достаточное условие ее прочности". Идя на него, нужно "сомкнуться с крестьянской массой и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы

14. См. там же, т. 29, стр. 330, 336; т. 30, стр. 477; т. 31, стр. 103, 428.

15. Там же, т. 29, стр. 139.

мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда наше дело будет абсолютно непобедимо и никакие силы в мире нас не победят"[16].

Мы, конечно, не исчерпали все то новое, что, сталкиваясь со старыми взглядами, кусками входило в мысли Ленина. Все-таки даже из того, что очень кратко мы отметили, видно, куда, то колеблясь, то отклоняясь в сторону, стала направляться его мысль. От идеи о невозможности построить социализм в одной России без торжества мировой социалистической революции, Ленин шел к идее о возможности для России строить социализм "в одиночку" даже при существовании капиталистического окружения. И к этой идее он уже вплотную подошел в статье "О кооперации", продиктованной им 4 и 6 января 1923 г., после того как он несколько пришел в себя от ударившего его 16 декабря 1922 г. приступа паралича. Заголовок статьи слишком узок для ее содержания, а изложение в ней, и еще более в других его статьях 1923 г., спотыкающееся. При парализованной правой руке Ленин не мог писать, а только диктовать, а это ему никогда не удавалось, этого он всегда избегал. Врачи ему позволили диктовать сначала не более 5-10 минут, лишь позднее эта порция была доведена до 30 минут в день. Желая в позволенный ему малый срок возможно больше продиктовать возможно больше сказать, и очень стесняясь, что стенографистке приходится долго ждать его слов, он спешил и в спешке не находил достаточно отчетливых формулировок своей мысли. Кроме того, Ленин был, конечно, болен. Были острые головные боли, при которых с компрессом на голове Ленин все-таки диктовал: этот человек отличался почти патологической страстью писать, заносить на бумагу свои мысли, безустанно направлять партию на верный путь, непременно давать ей "директивы", составлять поучения. При недостаточно удачном оформлении, мысли в статье "О кооперации" все же совершенно ясны. Допуская, что капиталистические державы дадут России "передышку", он ставит вопрос, сможет ли она строить и достроить социализм? Какие основные, самые важные, условия для этого требуются и существуют? Ленин их перечисляет:

---

16. Там же, т. 33, стр. 243. Речь 27 марта 1922 г.

Первое условие: государственная власть в России находится в руках рабочего класса, или, говоря правдивым языком, в руках всемогущей коммунистической партии, ни с кем власть не разделяющей.

Второе условие: земля и подавляющая часть важнейших средств производства социализирована, принадлежит рабочему государству, а это значит, что государственные предприятия являются предприятиями "последовательно-социалистического типа".

Третье условие: в России оказался осуществленным союз пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян и в этом союзе пролетариату "обеспечена" роль руководителя крестьян.

Четвертое условие: — строительство кооперации. Но это условие требует некоторых объяснений.

Октябрьская революция, уничтожив частную торговую сеть, заменила ее "принудительной организацией всего населения в потребительские общества". После всяких неудачных экспериментов в этой области правительство стало восстанавливать существовавшие до войны свободные кооперативы, изгоняя из них до тла действительно кооперативный дух, приспособляя их к режиму военного коммунизма, делая из них чисто государственную организацию, работающую с прежним докооперативным персоналом. "Положение кооперативов, — объяснял Ленин в марте 1918 г., — в корне, принципиально меняется с момента приступа пролетарской государственной власти к систематическому созданию социалистических порядков. Кооператив в капиталистическом обществе — есть лавочка. Но кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы — *есть социализм.* Задача Советской власти, после того как буржуазия экспроприирована политически и экономически, состоит в том, чтобы распространить кооперативные организации на все общество, превратить всех граждан данной страны поголовно в членов одного общенационального, или вернее, общегосударственного кооператива"[17].

---

17. Там же, т. 27, стр. 189.

С введением НЭПа положение кооперации, существовавшее в годы военного коммунизма, должно было измениться. Раз допущена свободная торговля и частная торговля, кооперация уже не могла быть единственной, монопольной товары-проводящей и распределительной государственной организацией. В 1921 г. Ленину еще не ясно, как при НЭПе должна быть организована торговля и каковы будут отношения между частной торговлей и кооперацией. На съезде партии в марте 1921 г. он говорил:

"Каким образом будут развиваться отношения свободного хозяйственного оборота в смысле его фонда — через кооперацию или путем воссоздания мелкой частной торговли — мы едва ли можем сейчас окончательно установить. В этом отношении нам предстоит внимательно присмотреться к местному опыту. Я думаю, однако, что известное преимущество кооперации останется"[18]. Через месяц в брошюре "О продовольственном налоге" Ленин уже категорически высказывается за преимущество кооперации. В частности, он указывает, что в деревне кооперация с полученной при НЭПе некоторой свободой, неизбежно "порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения", но этот "кооперативный капитализм" нам не страшен, а выгоден: облегчает государству учет, контроль, надзор, договорные отношения". "Кооперация как форма торговли выгоднее и полезнее, чем частная торговля не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это есть гигантский плюс с точки зрения перехода от капитализма к социализму"[19]. После приведенных слов не должно казаться слишком уж неожиданным то, что Ленин продиктовал в 1923 г. в статье "О кооперации". В ней кооперация объявлена самой существенной частью строящегося в России социализма. Исключительную важность приобретает, так сказать, заключительный аккорд, которым Ленин завершает свою статью. Он говорит:

"Мы перегнули палку, переходя к НЭПу, в том отношении, что забыли думать о кооперации, начали забывать

---

18. Там же, т. 32, стр. 206.
19. Там же, т. 32, стр. 327.

гигантское значение кооперации. Не все товарищи дают себе отчет о том, какое теперь значение приобретает для нас кооперирование России. Кооперация дает возможность перехода к новым порядкам путем простым, легким и доступным для крестьянства. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Общественный строй, который мы должны поддерживать, есть строй кооперативный, но под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, при котором действительно участвуют действительные массы населения. Нам нужно заставить всех поголовно участвовать, и не пассивно, а активно, в кооперативных операциях. Чтобы достигнуть через НЭП участия в кооперации поголовно всего населения — требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождествен с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.п. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную работу".

Соединяя вышеуказанные четыре условия осуществления социализма в России, т.е. власть пролетариата, власть государства на землю и крупные средства производства, союз пролетариата и крестьянства при руководстве его пролетариатом, развитие кооперации — Ленин счел возможным заявить, что этот комплекс условий представляет "все необходимое для построения полного социалистического общества. Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое для этого построения".

Так, в кратчайшей форме, в рамках одной только фразы из нескольких слов выражена совершенно новая теория построения социализма. Сакраментальные слова о "социализме в одной стране" в ней не сказаны, но они на губах. Это,

конечно, новый взгляд на социализм, резко расходящийся с той "азбучной истиной марксизма", на которую Ленин ссылался в своих "Заметках публициста" "Азбучную истину марксизма" Ф. Энгельс установил еще в 1847 г., говоря, что в одной какой-нибудь стране не может произойти революция пролетариата. "Коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет во всех цивилизованных странах, по крайней мере в Англии, Америке, Франции, Германии. В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, более накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Она окажет значительное влияние на остальные страны мира, и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития. Она есть всемирная революция и поэтому будет иметь всемирную арену".

Развитие революции Энгельс ставил в прямую связь с такими ее предпосылками, как подготовка промышленности, накопление богатств, количество производительных сил. В ленинской формуле на это нет указаний. В статье "О нашей революции", составленной в то же время, что и статья "О кооперации" он даже высмеивает "разных ученых" господ (кавычки Ленина), доказывающих, что мы не доросли до социализма, ибо "у нас объективных экономических предпосылок для социализма нет". Но если отсутствие объективных экономических предпосылок не является препятствием для строительства социализма, тогда его можно осуществлять во всякой самой отсталой стране — будь то Болгария или Корея, Эфиопия или Ливия. Для этого лишь необходимо захватить власть, объявить государственным имуществом все средства производства, национализировать землю, подчинить крестьянство революционной партии, загнать поголовно все население в "кооперацию", или колхозы. "Чтобы быть культурными, нужна известная материальная база". Но вот, оказывается, что чтобы приступить к строительству социализма, можно не иметь ни этой материальной базы, ни быть культурными. По мысли Ленина это не должно обязательно предшествовать захвату власти партией, именующей себя коммунистической, а должно последовать за этим захватом. В статье "О кооперации" ничего не говорится о мировой

революции. Строительство "социализма в одной стране" мыслится почти вне связи с нею. В других, следующих статьях, продиктованных им в 1923 г., мировая революция мельком упоминается, однако в образе новом, необычном. Вместо ссылки на социалистическую революцию в передовых капиталистических странах Ленин выдвигает революцию в таких отсталых восточных странах, как Индия, Китай. "Исход борьбы, — писал Ленин в статье "Лучше меньше, да лучше", — зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т.п. (так и напечатано "и т.п.") составляют гигантское большинство населения (мира). Это большинство втягивается в борьбу за свое освобождение, и в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена".

Сравнивая с тем, что раньше писал и говорил Ленин о мировой революции, можно определить, сколь велика переделка, которой подверглась у него эта идея. Взор от Запада начал поворачиваться к Востоку...

* * *

Статьи, продиктованные Лениным в 1923 г., сначала не имели успеха у руководителей партии. В течение почти двух лет, ко конца 1924 г., они не привлекали к себе внимания. Пятаков объяснял это тем, что в глазах "многих, в том числе членов Политбюро, эти статьи были неудачными, написаны под давлением обескураживающей Ленина болезни"[20]. Как мы уже сообщали, статья Ленина о реорганизации ЦКК и Рабкрина была принята в Политбюро столь непочтительно, что ее даже не хотели печатать. Исключительная по важности статья о кооперации, оконченная 6 января, напечатана в "Правде" лишь 26 и 27 мая[21]. С опубликованием ее не спешили. Содержание статьи, устанавливающей новый взгляд

20. Н. Валентинов. Суть большевизма в изображении Ю. Пятакова. Новый журнал (Нью-Йорк), 1958, кн. 52, стр. 149.

21. Другая со многих отношениях крайне важная статья "О нашей революции", продиктованная Лениным 17 января, с некоторыми поправками к ней, сделанными до 9 февраля, напечатана в "Правде" лишь 30 мая.

на строительство социализма в России, было уже известно членам Политбюро, однако резолюция XII съезда, происходившего в апреле 1923 г., с этим взглядом не считается. В соответствии с прежними, старыми взглядами она определяет темп и ресурсы социалистической революции в России в зависимости от хода развития социалистической революции "за пределами России". XIII съезд партии, заседавший в мае 1924 г., в своей резолюции о деревне упоминает о статье Ленина и даже приводит из нее важнейшую часть, но отношение к ней чисто поверхностное. Резолюция скользит по ней. Ни в этой, ни в других резолюциях съезда нет ни малейшего свидетельства о принятии им теории или лозунгов о строительстве социализма в одной стране. Это вне его сознания. В статье Ленина съезд видит лишь "программу развития кооперирования сельского населения" и настаивает на внимании к торговле и кооперации. Убедительным доказательством, что самое главное в статье Ленина в то время в мозг партии еще не вошло, служит следующий факт. В апреле 1924 г. Сталин читал в Свердловском университете лекции "Об основах ленинизма", опубликованные к съезду в мае в виде брошюры. Не имея собственных мыслей и языка, Сталин нанизывал цитаты и фразы из сочинений Ленина, их пересказывал, давая в то же время понять, что выступает как самый верный, самый точный передатчик его мыслей. Замечательно, что генеральный секретарь партии игнорирует, явно не придает значения статье Ленина о кооперации. Более того: фактически он выступает против Ленина, категорически заявляя, что построить социализм в одной стране невозможно. Несколько месяцев позднее, ужаснувшись своего антиленинизма, впадения в ересь, особенно тяжкую в его положении генерального секретаря партии, хранителя "заветов Ленина", Сталин бросился заминать свою ошибку. В последующем издании его брошюры "Об основах ленинизма", вошедшей в сборник "Вопросы ленинизма", антиленинские слова уже выкинуты, еретические фразы фальсифицированы разными вставками, позволяющими думать, что Сталин от мыслей Ленина никогда не отклонялся. Что же такое он сначала написал? Брошюра "Об основах ленинизма" в ее первом издании представляет библиографическую редкость. Сталин, пользуясь своею властью как генерального секре-

таря, повидимому дал указание изъять ее под благовидным предлогом из обращения в партии. Но пользуясь клочками из его прежних заявлений, которые он сам позднее приводил, пытаясь оправдать сделанные им "исправления", мы в состоянии восстановить все то, что утверждал Сталин в апреле 1924 г. Помощником в этом деле является следующий документ. Немедленно после появления его брошюры, до фальсифицирующих ее исправлений, она была переведена на французский язык и издана в Париже коммунистической партией: см. J. Staline. Le Leninisme. Librairie de e'Humanite, 1924 г. Текст на стр. 35 дает право заявить, что интересующее нас заявление Сталина мы передаем совершенно точно. Оно гласит:

"Свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производства — остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма *в одной стране*, без совместных усилий пролетариата нескольких передовых стран? *Нет, невозможно.* Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской, как Россия, уже недостаточно, для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах".

Убеждение Сталина здесь выражено с полнейшей ясностью. Он утверждает, что победа социализма в одной стране, а тем более такой крестьянской, как Россия, невозможна. На долю России, страны, свергнувшей власть буржуазии, выпадает роль только "подспорья", "средства" для разжигания мировой революции, ибо лишь победа и помощь "пролетариата" нескольких передовых стран даст России возможность построить социализм. Как раз в апреле, когда

Сталин читал лекции, в "Правде" появились взятые из архива Ленина "Заметки публициста" с напоминанием "азбучной истины марксизма", что "для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран". Сталин повторяет слова Ленина, но ему невдомек, почему эту статью, написанную в феврале 1922 г., Ленин не сдал в печать. Что же такое случилось, заставив Сталина, как и других членов Политбюро, изменить свое убеждение? На это их толкнул ряд обстоятельств, и в том числе борьба с Троцким. Напомним, что поздней осенью того же 1924 г. появилось произведение Троцкого "Уроки Октября", вызвавшее припадки бешенства у всех остальных членов Политбюро и в качестве наказания снятие Троцкого с поста Председателя Революционного Военного Совета, шефа вооруженных сил СССР. В этом произведении доказывалось, что в октябре 1917 г. трусливые верхи партии пошли на восстание под кнутом Ленина, тогда как он, Троцкий, давно вооруженный теорией перманентой революции, сыграл в октябре руководящую, истинно революционную, доминирующую роль. Опровергая Троцкого, нужно было разрушить его теорию перманентной революции, иначе, защищенный ею как броней, он неуязвим. В брошюре "Октябрьская революция и тактика русских коммунистов", датированной 17 декабря 1924 г., Сталин и занялся рассмотрением и критикой "троцкистской" теории. Рассматривая по годам главные выражения этой теории, Сталин цитировал следующие слова Троцкого:

"Пролетариат, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками в революции. Для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшее вторжение не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене

мировой революции пролетариата". (Предисловие к книге "1905 год", написанное в 1922 г.)

"Тот факт, что рабочее государство (СССР) удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершить поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли. Подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы". (Послесловие к новому изданию брошюры "Программа мира", написанное в 1922 г.)

"Ни одна страна не должна "дожидаться" других в своей борьбе — это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах. Если бы этого не произошло, то безнадежно думать — так свидетельствует опыт и теоретические соображения — что, например, революционная Россия могла бы устоять пред лицом консервативной Европы или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире".

В приводимых цитатах из сочинений Троцкого нет противоречия с тем, что раньше писал Ленин. Ведь писал же он, что "крестьянин, мелкий хозяйчик, после победы демократической революции неизбежно повернет против пролетариата". И тот же Ленин утверждал, что "поражение российского пролетариата было бы неизбежно, если бы на помощь ему не пришел европейский социалистический пролетариат". Никакого противоречия нет между Троцким и Сталиным. В апреле 1924 г. Сталин просто повторял слова Троцкого, написанные в 1922 г.: построение социализма в одной стране "невозможно". И если Троцкий указывал, что проблема социализма может найти разрешение "только на арене мировой революции пролетариата", ту же мысль, высказанную в другой и более грубой форме, защищал Сталин,

говоря, что российская революция не более как "подспорье" к мировой революции. При таком согласии с ненавистным Троцким можно ли было разрушать его теорию о перманентной революции? К счастью для Сталина и других произошел, по словам Сталина, "тщательный анализ трудов Ленина"[22] и в статье Ленина, написанной в августе 1915 г., найдены следующие фразы:

"Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих, или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране".

Позднее (в 1916 г.) Ленин к этому прибавил:

"Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах".

Открытый Лениным закон "неравномерного развития", во-первых, совершенно подобен "закону", делающему "непреложный вывод", что, например, люди отличаются друг от друга своим ростом, внешним видом, умственным развитием и прочими чертами. Для этого вывода не нужно изучать экономические науки. Нужно только глядеть. Во-вторых, непонятно, почему неравномерность экономического развития объявляется "безусловным" законом именно капитализма. Разве такой "неравномерности" не существовало в докапиталистическое время? В третьих, объяснять неравномерность развития "товарным производством" уже просто нелепо. Различие экономического уровня стран объясняется их историей, климатом, географическим положением, естественными богатствами. В приведенных цитатах Ленин имел в виду передовые, экономически развитые капиталистические страны, и когда он говорит, что в одной из этих стран социализм может установиться раньше, чем в других, — такое положение, вообще говоря, особого возражения не вызывает. В 1915 и 1916 гг. он еще не делал вывода, что так как неравномерность экономического развития есть безусловный

22. См. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 9-е, 1933, стр. 194.

закон, то социализм может быть введен и в одной, притом очень отсталой, экономически неразвитой стране. Сей бьющий по голове странный вывод был им сделан позднее, притом в форме самой твердой, в статье о кооперации. И вот за эту-то статью, которой ни он, ни другие особого значения не придавали, и ухватился Сталин. Она явилась для него озарением, откровением, содержащим "неоспоримую истину"[23]. Эта "неоспоримая истина" составляет, по мнению Сталина, таран, навзничь опрокидывающий всю троцкистскую теорию перманентной революции. Однако для этого Сталину предварительно нужно было "очиститься" от того, что несколько месяцев до этого, впадая в ересь, он писал о невозможности построения социализма в одной стране. Пускаясь в эту операцию, он стал доказывать, что никогда не отрицал возможности "построения полного социалистического общества силами нашей страны, без помощи извне", а лишь утверждал, что гарантировать социалистическое общество СССР от всяких опасностей извне, интервенции капиталистических стран, может лишь революция пролетариата в этих странах. Некоторый небольшой недостаток своей формулировки Сталин видит лишь в том, что "она связывает в один вопрос два разных: вопрос о возможности построения социализма силами одной страны, на что должен быть дан положительный ответ, и вопрос о том, может ли страна с диктатурой пролетариата считать себя вполне гарантированной от интервенции, и, стало быть, от реставрации старых порядков без победоносной революции в ряде других стран, на что должен быть дан отрицательный ответ"[24].

Попытка Сталина замазать, перекрасить свою прежнюю позицию весьма неудачна. Он совсем не смешивал эти вопросы, а категорически заявлял, что во всех случаях построение социализма в одной стране, да еще такой крестьянской, как Россия, невозможно.

Мгновенно усвоив новый взгляд на построение социализма, Сталин уже без колебаний пустился в поучение:

"Универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности

---

23. Сталин. Вопросы ленинизма, 1952, стр. 193.
24. Там же, стр. 143.

победы социализма в одной стране, оказалась искусственной, нежизненной теорией. Семилетняя история пролетарской революции в России (Сталин это пишет в декабре 1924 г.) говорит не за, а против этой теории. Она противоречит очевидным фактам. Она еще более неприемлема как лозунг, ибо связывает, а не развязывает инициативу отдельных стран, получивших возможность в силу известных исторических условий, к самостоятельному прорыву фронта капитала. Она дает не стимул к активному натиску на капитал со стороны отдельных стран, а к пассивному выжиданию момента всеобщей развязки".

С высот нового взгляда на социализм в одной стране Сталину уже легко указать "пропасть", отделяющую ленинскую теорию от теории Троцкого о перманентной революции.

"Ленин, — декларирует Сталин, — говорит о союзе пролетариата и трудящихся слоев крестьянства", у Троцкого же получаются "враждебные столкновения" "пролетарского авангарда с широкими массами крестьянства". Ленин говорит о руководстве трудящимися массами со стороны пролетариата. У Троцкого же получаются "противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения". По Ленину, революция черпает силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы она может черпать "лишь на арене мировой революции пролетариата". А как быть, если международной революции суждено придти с опозданием? Есть ли какой-нибудь просвет для нашей революции? Троцкий не дает никакого ответа, ибо "противоречия в положении рабочего правительства смогут найти свое разрешение только на арене мировой революции пролетариата". Как ни вертись, а "подлинного подъема социалистического хозяйства" не получишь, пока не победит пролетариат "в важнейших странах Европы". Ну, а так как победы нет еще на Западе, то остается для революции в России "выбор": либо сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство. Недаром Троцкий говорит вот уже два года о "перерождении нашей партии".

Так, с помощью "неоспоримой истины", обретенной в статье "О кооперации", Сталин стремился загнать Троц-

кого в тупик. И уже смело выводил: "Кто отрицает возможность построения социализма в одной стране — тот должен обязательно отрицать и правомерность Октябрьской революции".

Полемикой, вызванной "Уроками Октября" Троцкого, занимался не один Сталин и не один он ставил вопрос о перспективах строительства социализма в России. Партия вступила в эпоху НЭПа, по горло занятая не теоретическими, а конкретными практическими вопросами, выдвигаемыми применением к жизни новой экономической политики, и партия выслушивала поучения Ленина, (22 ноября 1922 г.), что НЭП — главный, очередной, все исчерпывающий лозунг сегодняшнего дня, а в общих своих перспективах на дальнейшее время продолжала теоретически стоять на том, что настоящее строительство социализма в России начнется лишь после победы пролетарской революции в Европе. Мысль партии отставала от хода мыслей Ленина, и не случайно статья о кооперации в месяц ее появления была прочитана с таким малым вниманием. Но в 1924 г. всем уже стало ясно, что в ближайшее время нужно оставить надежду на социалистическую революцию в Европе. После краха в 1923 г. революции в Германии и полного провала направляемой из Коминтерна революции в Болгарии, упрочения фашизма в Италии, не было уже нигде признаков подымающейся революции. Пришлось говорить о "замедлении" прихода революции, о "стабилизации капитализма", отсутствии "непосредственно-революционной ситуации в Европе". Естественно, что у многих руководителей партии в связи со всем этим вопрос встал и вне отношения к Троцкому и к его теории: если продолжать мыслить, что строительство социализма в одной нашей стране без мировой революции невозможно и безнадежно, а этой революции нет, и неизвестно, когда она придет, то в этой обстановке каково наше положение, наши задачи? Каково значение того, что мы строили и можно ли уверенно строить, не имея твердого, ясного представления, куда идем? Произведенный в это время "тщательный анализ", в сущности, пересмотр под новым углом зрения, статей Ленина 1923 года, и особенно его статьи о кооперации, имел огромное значение. Произошла "психологическая встряска": указания Ленина устраняли

неопределенность, неизвестность, колебания. Они убеждали, что можно строить социализм и без помощи социалистического пролетариата Европы. Насколько нам известно, первым, кто начал указывать на это, был Рыков, поддержанный Бухариным, а не Сталин. Обсуждение этого вопроса началось еще в октябре 1924 г., до статьи Сталина. За исключением нескольких туманных отголосков — об этом нет ничего существенного ни в партийной печати, ни в отчетах о Пленумах ЦК. Но решение уже намечалось и официальное признание нового взгляда на строительство социализма "в одной стране" впервые выражено в резолюции, принятой XIV конференцией партии, происходившей 27-29 апреля 1925 г. Позднее эта резолюция была объявлена "одним из важнейших документов в истории нашей партии", а тезисы, высказанные в ней, "законом, обязательным для всех членов партии". Вот что говорит о принятой новой теории "История всесоюзной коммунистической партии", изданная в 1938 г. (хотя она написана Митиным и несколькими другими лицами, Сталин повелел считать "Историю" его произведением):

"Изучая доимпериалистический капитализм, Энгельс и Маркс пришли к выводу, что социалистическая революция не может победить в одной, отдельно взятой стране, что она может победить лишь при одновременном ударе во всех или в большинстве цивилизованных стран. Это было в середине XIX столетия. Этот вывод стал потом руководящим положением для всех марксистов. Однако к началу XX столетия капитализм доимпериалистический перерос в капитализм империалистический, капитализм восходящий в капитализм умирающий. На основании изучения империалистического капитализма Ленин, исходя из марксистской теории, пришел к выводу, что старая формула Энгельса и Маркса уже не соответствует новой исторической обстановке, что социалистическая революция вполне может победить в *одной, отдельно взятой* стране. Оппортунисты всех стран стали цепляться за старую формулу Энгельса и Маркса, обвиняя Ленина в отходе от марксизма. Но настоящим марксистом, овладевшим теорией марксизма, был, конечно, Ленин, а не оппортунисты, ибо Ленин двигал вперед марксистскую теорию, обогащая ее новым опытом, а оппортунисты тянули ее

назад, превращая ее в мумию. Что было бы с нашей партией, с нашей революцией, с марксизмом, если бы Ленин спасовал перед буквой марксизма, если бы у него не хватило мужества откинуть один из старых выводов марксизма, заменив его новым выводом о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране, соответствующим новой исторической обстановке? Партия блуждала бы в потемках, пролетарская революция лишилась бы руководства, марксистская теория начала бы хиреть. Проиграл бы пролетариат, выиграли бы враги пролетариата"[25].

Признавая, что кроме всенаправляющего и всеопределяющего мозга Ленина, устанавливающего абсолютные истины, его партия своего мозга не имела, приведенные слова вместе с тем правильно аттестуют исключительную важность в истории партии (прибавим — и в истории мира) принятой теории о строительстве социализма в одной стране — именно в России. Нельзя не заметить, что принятие партией новой "абсолютной истины" произошло в несколько странной, необычайной обстановке. Сначала от имени ЦК были составлены тезисы о задачах и тактике Коминтерна в эпоху "замедления международной революции и стабилизации капитализма". И в эти тезисы, составленные главным образом Зиновьевым, вставлены статьи о троцкизме, цитаты из статьи Ленина о кооперации и из его же статьи "О нашей революции". После того как эти тезисы ЦК были приняты 6 апреля на расширенном пленуме Исполнительного Комитета Коминтерна, они, сопровожденные большой речью того же Зиновьева, были им доложены 29 апреля 1925 г. на XIV конференции партии и ею одобрены. Важнейший тезис о строительстве социализма в одной стране, можно сказать, прошел фуксом, косвенно через тезисы ЦК о задачах Коминтерна, а не в форме обычного, прямого обращения к партии. Основной пункт принятой резолюции таков:

"СССР — страна рабочей диктатуры, являющаяся основной базой международной революции, должна рассматривать себя, как ее могущественный рычаг и подспорье. С другой стороны, господствующая в ней партия пролетариата должна

---

25. История всесоюзной коммунистической партии, 1950, стр. 341.

прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество в уверенности, что строительство может быть и наверняка будет победоносным, если удастся отстоять страну от всяких попыток реставрации".

Резолюция имеет несомненно компромиссный характер. Можно догадаться, что вносил в нее Сталин и что вносил Зиновьев. Полтора года спустя Троцкий на XV конференции партии (26 октября — 3 ноября 1926 г.), продолжая считать, что "победа (социализма) в нашей стране обеспечена только совместно с победоносной революцией европейского пролетариата", спрашивал:

"Почему требуется теоретическое признание построения социализма в одной из стран? Откуда взялась эта перспектива? Почему до 1925 г. никто этого вопроса не выдвигал?"[26]

Мы полагаем, что вопрос *как* и *откуда* появилась эта перспектива, достаточно выяснен на предыдущих страницах...

Часть партии в лице Троцкого, Зиновьева, Каменева, Радека, Раковского, Евдокимова, Залуцкого, Лашевича, Смилги и многих прочих тезис о построении социализма в одной стране не приняла, его отвергла, то открыто, то прикрыто. Для нее это была ересь. Так как наиболее ярким выразителем этого течения был Троцкий, оно получило наименование троцкизма, хотя до 1917 г. под троцкизмом понималась "концепция, согласно которой буржуазная революция в России не сможет разрешить свои задачи, иначе как поставив у власти пролетариат"[27]. В 1927 г. люди, принадлежащие к троцкизму и так называемой "новой оппозиции", были изгнаны из партии. Многие из них, сделавшись покорными, были в нее возвращены, но во время кровавых чисток 1936-38 гг. все без остатка были Сталиным истреблены.

Подавляющая часть остальных верхов партии приняла тезисы о построении социализма в одной стране и эта идея, воплощаемая в жизнь в царствование Сталина, привела к величайшим страданиям и бедствиям страны, к голоду, террору, каторжному труду рабочих, истреблению крестьян,

---

26. Пятнадцатая конференция ВКП(б). Москва, Госполитиздат, 1950, стр. 533.

27. Л. Троцкий. Моя жизнь. т. 2, стр. 470.

концентрационным лагерям, кровавым чисткам, создав на базе миллионов трупов огромное развитие техники, тяжелой и военной индустрии. Но до установления абсолютной диктатуры Сталина, идею о построении социализма в одной стране, при свойственном им понимании этой идеи, проводили те кадры партии, которых их противники пренебрежительно или с ненавистью называли "правым уклоном", а мы будем называть правым коммунизмом.

В 1928 г. правые коммунисты, пред их уничтожением в 1936-38 гг. Сталиным, уже затаптывались, но в 1925 г., максимально развивая НЭП, особенно в деревне, правый коммунизм оказывал огромное руководящее влияние на всю жизнь страны. Этот год и отчасти следующее время, будучи своеобразным и самым интересным периодом в истории коммунистической партии СССР, интересен еще и тем, что политику именно в духе правого коммунизма пытался проводить (до запрещения ее Москвой) Гомулка в Польше и Венгрия после восстания и накануне кровавого подавления ее наследниками Сталина в 1956 году. В чем же основные черты советского правого коммунизма, среди кадров которого особенно выделялись Рыков и Бухарин?

ДОКТРИНА ПРАВОГО КОММУНИЗМА

В истории Советского государства есть особый, крайне интересный период, которому посвящено очень мало внимания в огромной, почти безбрежной литературе, относящейся к СССР. Начало этого периода — в 1924 г., конец или начало его конца — в середине 1926 г., а апогей расцвета — 1925 г. Это время явно и крепко отмечено влиянием "доктрины" правого коммунизма и первенствующей ролью правых коммунистов в правящей государством группе. Напрасны поиски какого-то сочинения, в котором в одном с исчерпывающей полнотой было бы изложено то, что мы называем и имеем право назвать "доктриной правого коммунизма". В систематизированном виде она не существовала, и отдельные части ее нужно искать в ряде постановлений партии (например, решениях Пленума ЦК, решениях XIV конференции в апреле 1925 г., в газетных статьях, различных сборниках, речах руководителей партии). Нужно к этому прибавить, что доктрине правых коммунистов и их влиянию сопутствовала особая общественная психология. Без знания ее самая эта доктрина не может быть достаточно понята. Можно даже сказать, что эта доктрина не могла бы и пробовать слагаться, если бы в качестве предпосылки у правящей части коммунистической партии не зародилась бы указанная психология. С какими событиями связано появление этой психологии? В гармонии с общим взглядом на социалистическую революцию руководители компартии всегда считали, что основным условием успешности социалистического строительства в России яв-

ляется помощь международной революции, и, конечно, в первую очередь пролетарской революции в Европе. Но в 1924 г., после поражения германской революции 1923 г., с полной уже ясностью обнаружилось, что на победу пролетарской революции в Европе в ближайшие годы никакой надежды нет. Вместе с этим как будто исчезла и возможность построения социализма в России. А такой вывод создавал в партии растерянность и неуверенность: какую же политику она должна вести, какое будущее стоит перед нею? Из этого положения партию вывела статья Ленина о кооперации. Она была написана еще 4 и 6 января 1923 г., но на нее сначала главари компартии не обратили почти никакого внимания, что подтверждается, в частности, и тем, что ее не спешили публиковать. Она помещена в газете "Правда" лишь 26 и 27 мая, после третьего удара паралича, поразившего Ленина. Не придавали ей значения ни в 1923, ни в начале 1924 г., и за нее обеими руками ухватились во второй половине 1924 г. именно потому, что полностью исчезли надежды на пролетарскую революцию в Европе. Статья Ленина внесла огромное теоретическое успокоение в смятенную голову правящей верхушки. В явном противоречии с тем, что до сих пор принималось за непоколебимую истину, Ленин объявил, что в СССР есть "все необходимое и достаточное для построения полного социалистического общества. Есть диктатура пролетариата, есть социализация средств производства, есть союз с крестьянством и руководство им пролетариатом, не хватает только кооперирования, вовлечения в кооперацию всего населения, но "на хороший конец" достигнуть участия в кооперации всего населения можно "в одно-два десятилетия". При такой перспективе вопрос о пролетарской революции в Европе как условии успешности строительства социализма в СССР терял свою остроту. Раз есть все необходимое для построения социализма — будем его строить в одной нашей стране, не считаясь с тем, что его нет еще в других странах и может быть скоро и не будет. Резолюция в этом смысле принята XIV конференцией партии, происходившей 27-29 апреля 1925 г., и признана "одним из важнейших документов партии". Но принята она не прямым решением конференции, а одобрением тезисов ЦК, предложенных Исполнительному комитету Коммунистического Интернационала, в кото-

рых с полемикой против Троцкого и ссылкой на Ленина декларируется, что в СССР возможно построение социализма без революции в Европе и без "государственной помощи" стран с пролетариатом во главе. Принимая "теорию построения социализма в одной стране", правые коммунисты трактовали эту проблему с большим реализмом. У Ленина она была поставлена догматично и метафизически. Говоря, что в СССР есть все необходимое для построения социализма, он прошел мимо нужных для этого объективных предпосылок, без всякого анализа естественных богатств, высоты экономического развития и техники. В заметках "О нашей революции", написанных 17 января 1923 г., и тоже, как и статья о кооперации, с большим опозданием помещенных в "Правде" лишь 30 мая, Ленин иронически говорит о тех "ученых господах", которые во власти старых шаблонов указывают на необходимость "объективных экономических предпосылок для построения социализма". В противоположность Ленину считая, что его фраза, по словам Рыкова, написана "больше всего для утешения партии", правые коммунисты при постановке вопроса о построении социализма в одной стране находили, что нужно особенно считаться с наличностью в стране объективных экономических предпосылок. Подсчет этих экономических и технических предпосылок, будучи предметом обсуждений многих заседаний Политбюро уже в конце 1924 г. и начале 1925 г. дал, как и нужно было ожидать, очень неблагоприятную картину. Поэтому Зиновьев и Каменев высказали убеждение, что в СССР при ее огромной технической отсталости нельзя без помощи международного пролетариата и мировой революции построить социализма. Иную позицию заняли правые коммунисты в Политбюро. Признавая, что отсутствие экономических и технических предпосылок делает построение социализма до крайности трудным, они устами Бухарина заявили, что ничего кроме социализма коммунисты все равно строить не могут и его будут строить, хотя для этого придется "плестись черепашьими шагами". Происходившие в это время споры и разговоры в Политбюро нигде не опубликованы, однако представление о них дает речь Бухарина на XIV съезде.

"Мы, — говорил он, — не погибнем из-за нашей технической отсталости, мы будем строить социализм даже на

нашей нищенской базе, мы будем плестись черепашьим шагом, а все-таки социализм построим. По этому поводу у нас и разгорелся спор на одном заседании Политбюро примерно ко времени XIV партийной конференции. Каменев и Зиновьев защищали ту позицию, что мы не сможем построить до конца социализм из-за нашей отсталости. Мы оспаривали со всей страстностью, что должны погибнуть из-за этой отсталости"[1].

На это позднее Троцкий и его единомышленники (среди которых стали Зиновьев и Каменев) отвечали, что социализм в СССР, идя черепашьими шагами, никогда построить нельзя, так как пока не свергнут капитализм в Европе, он теми или иными способами, в особенности своим контролем мирового рынка, от которого всецело зависит СССР, в нем задушит и разложит социализм. Отрицая возможность без мировой революции построения социализма в одной стране, троцкисты (Пятаков, Преображенский) уже в 1925 г. начали изменять свою концепцию исключительно важным дополнением: если допустить, говорили они, что возможно построение социализма в одной стране, то для этого нужны не черепашьи шаги, нужно итти с максимальной быстротой, форсируя темпы строительства, напрягая все силы страны, стремясь "в минимальный срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран". Так гласит решение XV конференции, происходившей 26 октября – 3 ноября 1926 г. Оно сделано уже под прямым влиянием троцкистской идеологии и могло быть принято потому, что доктрина правого коммунизма уже теряла влияние.

Правые коммунисты в 1925 г. относились не только с недоверием, но с явной враждебностью к "форсированию темпов", так как, по их мнению, этот метод, уже примененный во время военного коммунизма, привел страну к катастрофическому положению, из которого пришлось выходить с помощью НЭПа. Отрицание правыми коммунистами болезненных для страны "ускоренных темпов", приемов строительства революционными методами. свидетельствовало о

---

1. Четырнадцатый съезд, стр. 135-136.

том, что в их психологии произошла очень большая перемена. Они пропитались "реформизмом". Правые коммунисты все время напоминали, что нужно следовать за последним заветом Ленина — "двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали"[2], "перестать нервничать, кричать, суетиться"[3], твердо усвоить, что теперь нужны не "революционные приемы", а "действия реформистские" и "реформистский подход" к вопросу о строительстве социализма[4].

Кого мы имеем в виду, говоря о правых коммунистах как создателях доктрины правого коммунизма? Конечно, это Бухарин. Из его заявления на XIV съезде мы знаем, что ему принадлежат важнейшие части решений XIV конференции, свидетельствующей о торжестве идей правых коммунистов. Для всех, кто встал под троцкистское, а позднее под сталинское знамя, Бухарин — одиозная фигура. На XIV съезде партии Зиновьев говорил:

"Бухарин хочет навязать партии свою точку зрения. Долг всех нас сказать — нет. Вокруг Бухарина теперь создается целая школа, пытающаяся затушевать действительность и отступить от классовой точки зрения"[5].

О том, что около Бухарина создалась особая "школа" (мы называем эту "школу" доктриной правого коммунизма), на том же XIV съезде говорил и Каменев:

"Складывающаяся в партии теория, школа, линия Бухарина, не находившая до сих пор и не находящая теперь достаточно отпора — гибельна для партии. Молодежь, которая оформляется в школе Бухарина, представляла бы для нас величину мало интересную, если бы эта молодежь не получила фактически монополию на политически-литературное представительство партии, если бы фактически в руках этой школы не находилась вся наша печать и все политико-просветительные работы"[6].

---

2. Ленина. Сочинения т. 34, стр. 243.
3. Там же, стр. 255.
4. Там же, стр. 86 и 87.
5. Четырнадцатый съезд, стр. 109.
6. Там же, стр. 254.

Каменев был прав: около Бухарина, проникаясь доктриною правого коммунизма, тогда сложилась целая группа молодых "красных профессоров": это Марецкий, Стэн, Стецкий, Слепков, Астров, Гольденберг, Зайцев. Статьи и брошюры некоторых из них, особенно Марецкого, весьма удачно разъясняли и пропагандировали идеи правого коммунизма.

Рыков – другая виднейшая фигура среди правых коммунистов. Частичку их доктрины он ясно представил в своем докладе о кооперации на XIV конференции. Он несомненно преуменьшал свое значение, заявив, что "моя роль в кооперативной комиссии заключалась в том, чтобы собрать опыт мест и провести практические директивы в соответствии с общей политикой партии". Рыков был не только простым собирателем этого опыта. В освещение его он вносил и нечто свое, и оно было ценно, ум этого человека был трезвый, и у него было большое практическое знание экономических вопросов, приобретенное им сначала в качестве помощника Ленина на посту председателя Совета Народных Комиссаров, и после ухода Ленина заменившего его на этом посту. Есть основание утверждать, что идею построения социализма в одной стране он воспринял раньше других и раньше Бухарина, но оба быстро сошлись в том, что строить социализм в России будет очень трудно и в этом направлении быть может долго придется идти "черепашьим шагом". Своим знакомым Рыков часто говорил, что после поражения Германской революции он отчетливо понял, что вера в революционный фейерверк в Европе должна быть оставлена, и что более, чем когда-либо, нужно проникнуться и руководствоваться следующими указаниями Ленина:

"Нужно перестать писать "революцию" с большой буквы, возводить революцию в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным, самым трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому".

Эти слова находятся в статье Ленина "О значении золота", написанной им еще в ноябре 1921 г. В важности это-

го указания Бухарин полностью сходился с Рыковым. На XIV съезде партии, назвав приведенную цитату "великолепной", Бухарин, опираясь на нее, обосновывал переход с революционного метода на "мирно-организованный характер работы"[7]. Третьей выдающейся фигурою правого коммунизма был Ф. Дзержинский, хотя отнесение его в эту рубрику должно казаться огромной несообразностью очень многим, видящим в Дзержинском лишь грозного шефа ГПУ. Но Дзержинский с февраля 1924 г. по июнь 1926 г. был председателем ВСНХ и на этом посту сказался руководителем индустрии, осуществляющим ее развитие с самым трезвым отношением к имеющимся в стране ресурсам, с бережным и внимательным отношением к нуждам сельского хозяйства, врагом "форсированных темпов" и всяких тяжелых обложений населения. О Дзержинском придется говорить еще в дальнейшем. сейчас только напомним, что он умер от разрыва сердца в июне 1926 г. после речи, произнесенной им на пленуме ЦК против троцкиста Пятакова, своего помощника в ВСНХ, и против Каменева, уже перешедшего на точку зрения левой троцкистской оппозиции. Полезно указать, что исчезновение Дзержинского и замену его Куйбышевым немедленно почувствовали все кадры, составляющие ВСНХ. Со смертью Дзержинского доктрина правого коммунизма оказывалась уже не ко двору, и стала замещаться другой, пропитанной иным духом.

К трем только что указанным, всем известным, главным фигурам правого коммунизма нужно отнести еще четвертую. В большой истории коммунизма на нее не обращено никакого внимания, хотя тем, кто жил в СССР в то время и прикасался к происходящему за кулисами, известна большая роль этого лица в выработке доктрины правого коммунизма именно в области его отношения к крестьянству и сельскому хозяйству. Мы имеем в виду народного комиссара земледелия А. П. Смирнова. Его не следует смешивать с троцкистом

И. Н. Смирновым, ни с представителем группы демократического централизма В. М. Смирновым, занимавшим одно время пост наркома земледелия. Вечно на всех злобствую-

---

7. Четырнадцатый съезд, стр. 150-151.

щий Ю. Ларин с насмешкой говорил, что А. П. Смирнов создал свою ложную "теорию о зажиточном крестьянстве, чуждом эксплуататорских моментов". Смирнов действительно приложил много усилий, пытаясь укрепить в партии правильный взгляд на зажиточного трудового крестьянина. По его убеждению, только такой вид зажиточного мелкого буржуа и может принять при развитии сельского хозяйства "середняк", крестьянин, объявленный Лениным "центральной фигурой" сельского хозяйства. Мысли, развиваемые Смирновым еще в 1924 г., предвосхищали многое из того, что потом говорили Бухарин и Рыков. Его вклад в доктрину правого коммунизма нужно признать бесспорным[8]. В число сторонников этой доктрины, но с значительно меньшим значением в ее разработке нужно отнести члена Политбюро Томского, Цурюпу, большого помощника Ленина при проведении политики НЭПа, и Калинина, бывшего, особенно в первую половину 1925 г., под влиянием Рыкова, Бухарина и Смирнова, очень ревностным защитником идей правого коммунизма. Было бы упущением, если бы мы не указали, что весь 1925 г. в хвосте правых коммунистов (это мы покажем на следующих страницах) шел генеральный секретарь партии Сталин и всегда, как тень, за ним идущий его помощник — Молотов (с декабря 1926 г. ставший членом Политбюро). Доктрина правого коммунизма, признанная партией на XIV конференции, была тогда действительно господствующей. Ни Сталин, ни Молотов никаких своих конструктивных взглядов и предложений не имели, а лишь с вариациями, чаще всего неудачными, повторяли то, что говорили Бухарин и Рыков. Каменев был близок к истине, когда заявил, что "тов. Сталин целиком попал в плен той неправильной политической линии, творцом и подлинным представителем которой является Бухарин"[9].

---

8. Крайне любопытна защита Калининым Смирнова от нападок на последнего в статье в "Правде" от 8 апреля 1925 г. Калинин это сделал в речи на московском губернском съезде Советов (см. Известия, 15 апреля 1925 г.).

9. Четырнадцатый съезд, стр. 254.

* * *

Правые коммунисты пробовали дать и давали ответ на целый ряд крайне важных вопросов. Сумма таких ответов, как уже сказано, далеко не систематизирована, и все-таки ясно определяет, в какую сторону направлялись их взгляды, слагая то, что мы называем доктриной правого коммунизма. Но для определения ее нужно обязательно откинуть обволакивающий ее густой туман ходовых, вечно находящихся на языке партии коммунистических формул. Доктрина правого коммунизма вроде ореха. Чтобы дойти до ее ядра, нужно скинуть с нее скорлупу.

Построение социализма в одной стране вызывало необходимость не только восстановить разрушенное хозяйство, но и значительно его расширить, так как прежняя довоенная хозяйственная база была узка и слаба и на ней нельзя было воздвигнуть здание социализма. Если восстановление хозяйства требует средств, капитальных вложений, его расширение требует их еще больше. Откуда взять эти средства, зная, что нельзя рассчитывать на их получение из-за границы? Правый коммунизм отвечает на это: необходимые средства должны и могут быть привнесены процессом накопления, созданием прибавочной ценности (прибавочного продукта) внутри хозяйства СССР. Термин накопление, как увидим дальше, постоянный элемент в речах и статьях правых коммунистов. Партия целиком его усваивает, но — это можно легко проследить — характер искомого накопления изменяется в зависимости от изменения политической атмосферы и постепенного падения влияния правых коммунистов. О процессе накопления Ленин и его эпигоны знали из первого тома "Капитала" Маркса, знали лишь то, что накопляющийся капитал создается всякого рода эксплуатацией рабочего. И можно почти с уверенностью сказать, что всякий раз, когда у марксиста вставал вопрос о накоплении, немедленно вставала в памяти знаменитая картина жестокого первоначального капиталистического накопления, изображенная Марксом в главе двадцать четвертой тома I его "Капитала". Эта картина до такой степени заполнила мозг иных коммунистов, приобретая для них характер универсального во все времена действующего закона, что Е. Преображенский в

статье, появившейся в 1923 г. в восьмой книге "Вестника коммунистической академии" стал доказывать, будто накопление, необходимое для строительства хозяйственной базы социализма в СССР, может и должно быть создано лишь методом первоначального капиталистического накопления. Преображенский различал два рода могущих быть в СССР накоплений. Одно — это "социалистическое накопление, присоединяющее к функционирующим средствам прибавочный продукт, создаваемый внутри социалистического хозяйства". Другой род накопления, который он называет "первоначальным социалистическим накоплением", черпает свои средства "вне комплекса государственного хозяйства", выгребая их разными способами из деревни. Именно этот вид накопления с явной эксплуатацией мелких производителей Преображенский и считает необходимым для начального построения социализма[10]. Что такова его мысль — в том нет сомнения. Вот что он пишет:

"Такие страны, как СССР, должны пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистических форм хозяйства. Задачи социалистического государства не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать еще больше... Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства. Мысль, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского хозяйства, является несомненно реакционной мелкобуржуазной утопией".

---

10. Статья Преображенского, написанная в 1923 г., была позднее дополнена статьей "Закон ценности в советском хозяйстве" и составляла книгу "Новая экономика", изданную в 1926 г. "Коммунистической академией". Возмущение, вызванное его теорией, привело его к некоторому смягчению термина "эксплуатация".

Теория Преображенского, немедленно подхваченная Пятаковым и некоторыми другими троцкистами, вне этого небольшого круга ни в 1923, ни в 1924 г. внимания к себе не привлекала. Но когда в 1925 г. в связи с построением социализма в одной стране был поставлен вопрос о необходимости для этого накопления — теория Преображенского, с циничной ясностью указывающая, как и откуда оно может быть получено, не могла не стать предметом обсуждения. Правые коммунисты — это делает им честь — отнеслись к взглядам Преображенского с негодованием.

"Эта теория, — говорил Рыков, — возмутительна. Преображенский нас убеждает, что социализм должен строиться методами первоначального капиталистического накопления. Можно ли придумать большее, чтобы смертельно скомпрометировать социализм? Нам трудно установить эквивалентность обмена между городом и деревней, индустрией и сельским хозяйством. К нарушению этой эквивалентности, к изъятиям доходов деревни нам неизбежно приходится прибегать, но это не должно быть высасыванием до последней кровинки из крестьянства, это не должно быть "пожиранием" деревни, о чем с такой настойчивостью говорит Преображенский. У него деревня только дойная корова для индустрии".

Очень резкую критику этой теории дал Бухарин в вышедшей в 1925 г. брошюре "Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабочекрестьянский блок". Взгляды Преображенского Бухарин называл "чудовищными", правильно указывая, что весь анализ Преображенского "построен по аналогии с периодом первоначального накопления капитала". Чего хочет Преображенский? — спрашивает Бухарин и отвечает: он хочет, чтобы, делаясь эксплуататором, "рабочий класс сидел верхом на мелких производителях". Подобную критику теории Преображенского дали и молодые профессора из "школы Бухарина" и с этой же теорией боролся в ВСНХ Дзержинский, выступая против своего помощника Пятакова, в согласии с Преображенским желавшего получить накопление с помощью самых невыгодных для крестьянства высоких цен промышленности. Необходимо сказать, что в 1925 г. Сталин тоже отвергал теорию Преображенского, заявляя, что она "не имеет ничего

общего с взглядами партии". Через четыре года теория Преображенского была полностью и в еще более чудовищном виде усвоена Сталиным и сделана основным законом генеральной линии партии. Накопление капитала, строительство социализма в одной стране с помощью пятилетних планов Сталин базировал на "дани" (это его слова), взимаемой жесточайшими мерами с крестьянства. На это 9 февраля 1929 г. Бухарин, Рыков и Томский в декларации, обращенной к Центральному Комитету, заявили, что провозглашенная Сталиным линия "есть политика военно-феодальной эксплуатации крестьянства" и категорически ими отвергается"[11]. Мы видим, что правые коммунисты последовательно придерживались позиции, на которую они встали в 1925 г., негодованием отбросив теорию Преображенского. Они прекрасно знали, что без накоплений, без инвестиций капитала, без капитальных затрат нельзя двинуть развитие хозяйства, но они желали, чтобы накопление капитала не носило характер беспощадной эксплуатации крестьянства и мелких производителей и не приводило к тяжелому понижению уровня потребления всего населения. Взгляды правых коммунистов в этой области, неоднократно излагаемые на протяжении 1925 г., в частности представлены в статье Марецкого в номере 18 журнала "Большевик" (1926). Критикуя троцкистскую оппозицию, Марецкий писал:

"Линия, которой придерживается в своей промышленной политике партия, состоит в том, чтобы планомерно и систематически развертывать и тяжелую, и легкую промышленность, растущую долю средств обращать на производство капитальных затрат, нужных для ускорения темпа индустриализации, но так, чтобы при этом происходило необходимое расширение производства предметов потребления.

---

11. О декларации Бухарина, Рыкова, Томского, направленной в ЦК, в печати известно из речи Сталина о "Правом уклоне в ВКП" на пленуме ЦК в апреле 1929 г. В отчете о ней, напечатанном в 1929 г., в газетах нет указания правых коммунистов, что политика Сталина есть "военно-феодальная эксплуатация крестьянства". Нет ее и в отчете об этой речи, напечатанном в 1932 г. в IX издании "Вопросов ленинизма" Сталина. Она появилась много позднее, когда в речи Сталина было восстановлено более 30 страниц текста, которые не были в свое время опубликованы в печати. В этом полном виде речь Сталина приведена в одиннадцатом издании "Вопросов ленинизма", вышедших в 1952 году.

Расширять капитальное строительство за счет снижения производства предметов потребления мы не можем. Это означало бы ускорение темпа индустриализации ценою снижения жизненного уровня трудящихся масс". Не нужно забывать, напоминает Марецкий, "чем выше нормы накопления, тем ниже нормы потребления".

Накопление, необходимое для развития хозяйства, требуя роста производства, должно, по мнению правых коммунистов, сопровождаться тем, что они называли "развязыванием товарооборота". В резолюции XIV конференции, написанной Бухариным, есть следующее место:

"Необходимо развязывать хозяйственный оборот во всех отраслях хозяйства, в том числе и деревни. В результате более быстрого товарооборота будет расти и темп накопления во всем народном хозяйстве, и все больший абсолютный и относительный рост социалистических элементов хозяйства"[12].

Бухарин и его единомышленники указывали, что огромным, вреднейшим препятствием "развязывания" товарооборота являются все еще неизжитые в стране взгляды, пережитки, методы военного коммунизма. Крайне резкое, враждебное отношение к военному коммунизму является одной из самых существенных черт правого коммунизма. У Бухарина, бывшего в начале революции виднейшим "левым" коммунистом, апологетом и теоретиком военного коммунизма, вражда к нему, видимо, больше, чем у других, и носит страстный характер. Сталин позднее говорил, что от чрезвычайных мер военного коммунизма Бухарин "убегает как черт от ладана"[13]. В речи 17 апреля 1925 г. Бухарин требовал "искоренить", вырвать все корни военного коммунизма:

"Настоящую хозяйственную политику победоносный пролетариат может вести только при условии развернутого хозяйственного оборота. Но развитие товарооборота возможно лишь при искоренении остатков военного коммунизма в административно-политической работе".

---

12. Коммунистическая партия Советского Союза, т. 2, стр. 132.
13. И. Сталин. Вопросы ленинизма", 1952, стр. 262.

Проводя взгляды правых коммунистов, резолюции Пленума ЦК в апреле 1925 г., XIV конференции и XIV съезда в декабре 1925 г. требуют искоренить, покончить с приемами, с духом военного коммунизма:

"Необходимо решительное устранение пережитков военного коммунизма в деревне, прекращение борьбы административными мерами против частной торговли кулачества, противоречащих допускаемому в условиях НЭПа развитию рыночных отношений в стране".

"Необходимо действительное устранение всяких административных препятствий, тормозящих рост и укрепление крестьянских хозяйств, *в том числе и зажиточных их слоев*".

"Развитие крестьянского хозяйства и растущая культурно-политическая активность крестьянства приходят в противоречие с остатками военного коммунизма". "Необходим смелый и решительный переход на линию революционной законности и искоренения остатков военного коммунизма в административно-политической работе".

"Одобряя решения ЦК о материальной помощи бедноте (в деревне) и организации групп бедноты, XIV съезд подчеркивает, что здесь не может быть и речи ни о возврате к комитетам бедноты, ни о возврате к системе нажима периода военного коммунизма и практике раскулачивания. Съезд еще раз подчеркивает, что нельзя в настоящих условиях укреплять диктатуру пролетариата методами военного коммунизма и административного нажима"[14].

Может показаться, что в этих призывах правых коммунистов нет ничего нового, что они только простое продолжение мероприятий, которые Ленин вводил, переходя к НЭПу, и недостаточно энергично и последовательно проведенные, они оставили в стране, особенно в деревне, "пережитки" военного коммунизма. В действительности идейная позиция правых коммунистов гораздо сложнее. Из-за того, что их психология, под влиянием ряда причин, стала более "реформистской", у правых коммунистов отрицание насильственной политики военного коммунизма сильнее, чем у Ленина, что не мешает им, как и всем другим, постоянно на

14. Там же, стр. 117, 118, 131, 199.

него ссылаться. Рекомендуемый Лениным "реформистский" метод внедрился в сознание правых коммунистов, и ими усвоен, конечно, более глубоко, чем этого желал бы Ленин. Часть своей прежней революционности они несомненно потеряли, и Сталин в 1928-29 г., указывая на это, был прав, называя их оппортунистами, покинувшими непримиримо-насильственную политику диктатуры пролетариата. С точки зрения Сталина реформизм правых коммунистов — величайшее, достойное смертной казни преступление. Но Россия не испытала бы многих постигших ее ужасных несчастий, если бы ее повели правые коммунисты, а не Сталин.

У правых коммунистов есть и другое важное расхождение с Лениным. Будучи несомненным, оно все-таки не высказано ими в достаточно законченной и отчетливой форме. Нужно напомнить, что из системы военного коммунизма Ленин уходил поневоле, по принуждению, ибо для выхода из экономической катастрофы не было другого пути, кроме НЭПа. Это отнюдь не означало его отрицания системы военного коммунизма. На IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. опыт военного коммунизма он назвал "великолепным, высоким, величественным, имевшим всемирное значение"[15]. С внешней, формальной стороны в этом опыте было все, что соответствовало господствующим среди марксистов-коммунистов понятиям о социалистическом строе. Он вел к устранению денежной системы, прекращению купли и продажи, к уничтожению товарного обращения и введению централизованного государственного распределения продуктов. Когда правые коммунисты, настаивая на развязывании товарооборота, считали это "настоящей политикой победоносного пролетариата" и в сжатии, в препятствиях, уничтожении товарооборота видели самую неприемлемую, вредную сторону военного коммунизма, — они впадали в противоречие с обычным у Ленина, у всех других и раньше у них самих представлением о социализме. Государственному распределению товарной продукции они противопоставляли развязанный товарооборот, а в области потребления это означало свободу потребления, возможность выбора предметов потре-

15. Ленин, Сочинения. т. 33, стр. 133.

бления, а не назначения их потребителю согласно государственным планам и нарядам. Для Ленина введение купли и продажи, обращения товаров, уход от системы военного коммунизма был вынужденным, но явным отступлением от идеала. Переход от распределения к торговле для него был уходом от социализма к капитализму. НЭП в его глазах есть "отступление", которому он стремился придать возможно меньший размер. Иная точка зрения у правых коммунистов. По убеждению Бухарина, "НЭП вовсе не есть сплошное отступление; развитие НЭПа вовсе не есть попятный ход красного пролетарского рока. Мы можем сказать наоборот, что мы наступаем на рельсах новой экономической политики"[16]. Такого же взгляда придерживался Рыков и его же проводила вся "школа" Бухарина. "НЭП, — писал Гольденберг, — не есть отступление. Новая экономическая политика нас не отдалила от социализма, а приблизила к нему. Если бы мы в 1921 г. перехода к НЭПу не совершили, рабоче-крестьянский союз был бы взорван и могла бы погибнуть пролетарская диктатура. Проведение НЭПа было не только необходимостью, но шагом вперед к социализму".

Так, под навесом и прикрытием общих грозных слов о диктатуре пролетариата, происходила весьма серьезная ревизия прежних надуманных, идущих чуть не со времен Т. Моора представлений о социализме. Но ревизия не была достаточно осознанной, ибо будь она до конца осознана, стало бы ясно, что "искоренение" методов духа военного коммунизма с одновременным "развязыванием товарооборота" как политики "торжествующего пролетариата" приводило к новой концепции, новому представлению об экономической основе социализма. Нам уже приходилось говорить в другом месте, что Политбюро не хотело печатать статью Ленина "Как нам реорганизовать Рабкрин", написанную им 23 января 1923 г. Однако два года спустя один из тезисов этой статьи в виде несколько измененном и дополненном стал весьма важной частью доктрины правого коммунизма. Ленин писал:

---

16. Бухарин, Три речи. ГИЗ, Москва – Ленинград, 1926, стр. 30-34.

"В нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и "нэпманы", т.е. буржуазия"[17].

Подхватывая указание Ленина, Бухарин дал ему следующее оформление:

"По отношению к белогвардейцам, буржуазнопомещичьим слоям и их остаткам функция диктатуры состоит в подавлении и только в подавлении. Иным является отношение пролетариата и его государственной власти к новой буржуазии, которая при данном соотношении общественных сил является общественно *необходимым слоем*, выполняющим в известной мере, в известных пределах, в известном отрезке времени общественно полезную работу. Частный капитал не отрубается механически одним взмахом революционного меча, он преодолевается в процессе хозяйственной борьбы на основе роста наших государственных учреждений"[18].

Мысль Бухарина представляется более ясной, если взять то, что он говорил 17 апреля 1925 г. на московской губернской конференции:

"Развитие мелкобуржуазных хозяйственных стимулов надо поставить в такие условия, чтобы они нам помогали и мы им помогали и чтобы в то же время укреплялось наше хозяйство. *Мелкая буржуазия* сейчас может быть вдвинута в такие рамки, что вместе с нами будет участвовать в социалистическом строительстве".

Брошюра "Путь к социализму" дополняет только что сказанное:

"Основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из ячеек, врастающих в систему наших общегосударственных органов и становящихся звеньями единой цепи социалистического хозяйства".

Из приведенного видно, что главнейший теоретик правых коммунистов Бухарин полагал, что мелкая буржуазия при известных условиях может участвовать в социалистичес-

---

17. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 444.

18. Об экономической платформе оппозиции. Сборник статей. ГИЗ, 1926, стр. 38,39.

ком строительстве. В томах, представляющих "Коммунистическую партию в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК", в седьмом издании, появившемся в 1954 г., т.е. много лет спустя после казни Бухарина, можно найти (часть II, стр. 130) следующие слова:

"XIV партконференция дала отпор попыткам бухаринцев противопоставить установке партии свою "теорию" мирного врастания буржуазии в социализм".

Большая Советская Энциклопедия (1946 г., т. 53, стр. 324) тоже сообщает, что XIV конференция "дала решительный отпор капитулянтским теориям бухаринцев, начавших противопоставлять линии партии свою теорию мирного врастания буржуазии в социализм".

Все это ложь и фальсификация, бессмысленно рассчитанная на то, что никто не будет знакомиться с решениями XIV конференции. Конференция никакого отпора бухаринцам не дала, наоборот, все их предложения и соображения одобрила. Пленум ЦК, заседавший за два дня до конференции, принял следующую резолюцию, внушенную Бухариным, Рыковым и Дзержинским. Она напечатана на стр. 123 второй части той самой книги (КПСС в решениях съездов, конференций и т.д.), которая измышляет о якобы "отпоре бухаринцам":

"Облегчение существующего налогового обложения и устранение административных препятствий для частной торговли в деревне, чтобы правильными и исключительно экономическими мерами включить ее работу в общую товаропроводящую цепь советской торговли".

В форме, несколько отличающейся от приведенных выше цитат, здесь проводится все та же мысль, что мелкая буржуазия может оказывать пользу, быть не врагом, а спутником, даже участником социалистического строительства. Для этого нужно, чтобы мелкая торговая буржуазия работала не вне сети советской торговли, а была разными способами в нее включена. Такое отношение к мелкой буржуазии не могло бы иметь места, если бы у правых коммунистов не создалась психология, о которой мы выше говорили, вызывавшая расположение к реформистским методам социалистического строительства, а вместе с их приятием толкавшая на все большее смягчение основного священного принципа всей

коммунистической идеологии, т.е. классовой борьбы. В самом деле, если мелкая буржуазия несет или может нести общественно полезную работу, если она даже может быть включена в социалистическое строительство, если совершенно должны быть оставлены, "искоренены" из практики насильственные методы военного коммунизма, тогда, очевидно, не может быть и речи о ведении какой-либо обостренной классовой борьбы. Бухарин, разумеется, не отрицает классовую борьбу, но он настаивает, что при изменившейся обстановке "обострение" классовой борьбы не должно иметь места, тем более в "форме вышибания зубов", которую, по словам Бухарина, проповедует Ю. Ларин. С Лариным полемизировал и Рыков на XIV конференции. "Частный капитал, который работает легально, преступным ни в коем случае не является"[19]. Он может быть "пособником социализма". Призывы Ларина вести против него обостренную классовую борьбу, по мнению Рыкова, являются лишь повторением речей, "которые в революционных кружках говорили в дореволюционное время". Позиция Бухарина в этом вопросе становится особенно ясной из его речи на XIV съезде. Критикуя книгу Зиновьева о ленинизме, Бухарин указывал, что "напрасно стали бы в ней искать такое принципиально важное место, как перемена лозунга гражданской войны на лозунг гражданского мира. А это важнейшая вещь для понимания всей тактики нашей партии. Меня поносили за эту ленинскую мысль и только тогда успокоились, когда я привел цитату". Зиновьев, продолжал Бухарин, приводит слова Ленина, призывающие к обострению борьбы с кулаками как кровопийцами и вампирами. "Тов. Зиновьев думает, что он на волостном сходе". Ведь приводимые им слова Ленин писал в 1918 г., а с тех пор все изменилось. Зиновьеву цитата о "кровопийцах и вампирах" нужна с целью внушить, что таким языком мы должны будем разговаривать не раз. А если мы должны будем так разговаривать не раз, то значит, должны будем организовывать крестовые походы в военно-коммунистическом духе. Между тем основная линия нашей партии заключается в том, что мы уничтожаем остатки военного коммунизма"[20].

---

19. Известия, 3 мая 1925 г.
20. Четырнадцатый съезд, стр. 150-151.

Появление лозунга о гражданском мире говорит больше, чем что-либо другое, о политическом воздухе 1925 г. Поэтому мы и имеем право говорить о нем как о периоде, занимающем в истории СССР особое место. Для 1925 г. чрезвычайно интересен и характерен следующий факт. В 1927 г. Сталин стал призывать к обостренному наступлению на "капиталистические элементы". В 1928 г. он считал нужным извлекать хлеб из деревни. В 1929 г. он слагал теорию о "дани" с крестьянства и "феодально-военной" его эксплуатации, одновременно доказывая (ссылками, конечно, на того же Ленина), что чем ближе будет страна подходить к социализму, тем беспощаднее, тем "ожесточеннее" в ней должна вестись классовая борьба. Со свойственной ему грубостью, с презрением говоря о Бухарине как теоретике, Сталин требует "расколотить" бухаринскую теорию о "потухании классовой борьбы", о "врастании кулаков в социализм", "глупую", "антимарксистскую" теорию, ставшую "знаменем правого уклона нашей партии".

Но в 1925 г. теория этого "правого уклона" была *знаменем партии*. Пока Сталин не проникся идеями троцкистской оппозиции, он ничего не мог противопоставить доктрине правого коммунизма. Он плелся в хвосте Бухарина и самым вульгарным образом, как попугай, повторял его слова о недопустимости и ненужности "обострения классовой борьбы". Эту идею он считал тогда "гибельной" и взятой из "меньшевистской энциклопедии". 9 мая 1925 г. он сделал доклад о решениях XIV конференции активу московской организации. В нудном и сером докладе, опять и опять повторяющем, что если международный капитализм не помешает, то СССР построит социалистическое общество, можно найти весьма любопытные фразы. По его словам, "изменение международной обстановки", "отлив революции в Европе", "временная стабилизация там капитализма" диктуют в СССР "выбор наименее болезненных, хотя бы длительных путей для приобщения крестьянства к социалистическому строительству". Отсюда можно заключить, что если бы международное положение изменилось и в Европе началась бы пролетарская революция, следовало бы "приобщать крестьянство к социалистическому строительству не "длительными" мерами, а в ускоренном порядке, не избегая "болезненных"

(для крестьянства) путей. В связи с этими фактами, спрашивает Сталин, в чем теперь заключается основная задача партии в деревне? Вот как он на это отвечает:

"Некоторые товарищи, исходя из факта дифференциации деревни,приходят к выводу, что основная задача партии — это разжечь классовую борьбу в деревне. Это, товарищи, неверно. Это — пустая болтовня. Не в этом теперь наша главная задача. Это перепевы старых меньшевистских песен из старой меньшевистской энциклопедии. Главное теперь вовсе не в том, чтобы разжечь классовую борьбу в деревне. Главное теперь состоит в том, чтобы сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень и двинуться вместе с этой массой по пути к социализму. Надо добиться того, чтобы крестьянское хозяйство было включено в общую систему советского хозяйственного развития. Но как включить крестьянское хозяйство в систему хозяйственного строительства? Через кооперацию кредитную, кооперацию сельскохозяйственную, кооперацию потребительскую, кооперацию промысловую. Сообразно с этим должен измениться и метод партийного руководства в деревне. У нас есть люди в партии, утверждающие, что коль скоро имеется НЭП, а капитализм начинает временно стабилизироваться, то наша задача состоит в том, чтобы провести политику максимального зажима как в партии, так и в государственном аппарате так, чтобы все скрипело кругом. Я должен сказать, что эта политика является неправильной и гибельной. Нам нужен теперь не максимальный зажим, а максимальная гибкость как в политическом, так и в организационном руководстве. Без этого нам не удержать руля при настоящих сложных условиях. Необходимо, чтобы коммунисты в деревне отказались от уродливых форм администрирования. Нельзя выезжать на одних лишь распоряжениях в отношениях к крестьянству. Чтобы руководить ныне, надо уметь хозяйничать, надо знать, понимать хозяйство. На одной лишь трескотне о "мировой политике", о Чемберлене и Макдональде теперь далеко не уедешь. У нас пошла полоса хозяйственного строительства. По-старому руководить нынче нельзя, ибо поднялась хозяйственная активность деревни. Руководит тот, кто насаждает в деревне кооперативную общественность".

Отчет о его докладе был включен в его книгу "Вопросы ленинизма" и приведенные только что цитаты взяты из страниц 127-130 девятого издания этой книги. В следующих после 1933 г. изданиях книги этого доклада уже нет. Сталин прятал то, что он писал и печатал раньше, когда, по правильному замечанию Каменева, находился "целиком в плену" бухаринской политики. В защиту теории смягчения, потухания классовой борьбы Сталин выступил и в речи 9 июня, отвечая на вопросы студентов Свердловского университета. Он говорил, что есть в деревне три "фронта", где может происходить, но не должна иметь места классовая борьба:

"Первый фронт таков: крестьянство в целом, покупая изделия промышленности и сбывая продукты своего хозяйства в города рабочим, предпочитает получать фабричные изделия по возможно дешевым ценам, а сбывать свои продукты по возможно дорогим ценам. Равным образом крестьянство хотело бы, чтобы не было вовсе сельскохозяйственного налога, или чтобы он был доведен до минимума. Здесь, несомненно, противоречие между желанием крестьянства и интересами пролетариата и пролетарского государства. Следовательно, здесь почва для возникновения между ними классовой борьбы. Но следует ли из этого, что мы должны разжечь на этом фронте классовую борьбу? Нет, не следует. Наоборот. Из этого следует лишь то, что мы должны всячески умерять борьбу на этом фронте, регулируя ее в порядке согласований и взаимных уступок, ни в коем случае не доводя ее до резких форм, до столкновений. На втором фронте выступает пролетариат (в лице советского государства), и кулачество. Государство, желая придать сельскохозяйственному налогу резко выраженный подоходный характер, перекладывает главную тяжесть его на плечи кулачества. В ответ кулачество старается извернуться всеми правдами и неправдами и использует свою силу и влияние в деревне, чтобы переложить тяжесть налога на плечи середняков и бедноты. Кулачество, кроме того, закупает продукты у бедноты и середняков, собирает большие запасы, держит их у себя в амбарах и не выпускает их на рынок, для того чтобы искусственно взвинтить цены на продукты и довести их до уровня спекулятивных цен. Может показаться, что лозунг разжигания классовой борьбы (против кулачества) вполне

применим к условиям борьбы на этом фронте. Но это неверно, совершенно неверно. Мы здесь также не заинтересованы в разжигании классовой борьбы, ибо мы вполне можем и должны обойтись здесь без разжигания борьбы и связанных с ним осложнений. Мы можем и должны держать в распоряжении государства достаточные продовольственные запасы, необходимые для того, чтобы давить на продовольственный рынок, когда это необходимо, поддерживать цены на приемлемом для трудящихся уровне и срывать таким образом спекулятивные махинации кулачества. Вполне возможно, что в некоторых случаях кулачество само начнет разжигать классовую борьбу, попытается довести ее до точки кипения, попытается придать ей форму бандитских или повстанческих выступлений. Но тогда лозунг разжигания борьбы будет уже не нашим лозунгом, а лозунгом кулачества, стало быть, лозунгом контрреволюционным. Возьмем третий фронт — действующими лицами здесь две силы — беднота и прежде всего батраки, с одной стороны, и кулаки, с другой стороны. Дело здесь идет об эксплуатации наемных и полунаемных со стороны кулака-предпринимателя, и мы не можем здесь заниматься политикой смягчения и умерения борьбы. Наша задача здесь состоит в том, чтобы организовать борьбу бедноты и руководить этой борьбой против кулачества. "Но значит ли, что мы тем самым беремся разжигать классовую борьбу? Нет, не значит. Разжигание борьбы означает искусственное взвинчивание и намеренное раздувание классовой борьбы. Есть ли необходимость в этих искусственных мерах теперь, когда мы имеем диктатуру пролетариата и когда партийные и профессиональные организации действуют у нас совершенно свободно? Конечно нет".

Приведенные цитаты взяты из 156-160 страниц девятого издания "Вопросов ленинизма" Сталина. В изданиях после 1933 г. его доклад в Свердловском университете тоже исчезает. Он, вероятно, содрогался от стыда, что, находясь в плену у Бухарина, проповедовал в 1925 г. "гражданский мир". Но то, что он его проповедовал, показывает, какова была политическая атмосфера в то время.

* * *

Интересную, и нужно сказать, ценную часть правокоммунистической доктрины составляет ее "аграрная часть" — программа мероприятий в деревне. Как и многое другое, важное в доктрине правого коммунизма, эта программа находится в неоднократно нами цитируемых решениях Пленума ЦК и XIV конференции в апреле 1925 г. Но составляющие эту программу мероприятия даны не в упорядоченном виде, а сопровождаются заслоном из вороха обычных, затасканных коммунистических слов, призывов, формул и аграрную программу из них нужно извлечь. Приступим к этому занятию.

"Основными экономическими задачами партии и советской власти в деревне в настоящий период являются подъем и восстановление всей массы крестьянских хозяйств на основе дальнейшего развертывания товарного оборота страны. Нашей задачей является всемерное содействие дальнейшему росту сельского хозяйства всей крестьянской массы и особенно внимательное отношение к еще очень значительной бедняцкой части деревни[21].

Дважды на одной странице повторенные слова о "всей массе крестьянства" указывают, что правый коммунизм, говоря о содействии росту крестьянства, имел в виду не одни бедняцкие и середняцкие слои деревни, а также слои зажиточные, из которых неизбежно "вырастает новая крестьянская буржуазия", "кулачество". И в этом уже было нечто новое.

Но что такое "кулачество"? Вопрос о кулаке был всегда темным в коммунистической теории. Богатый крестьянин, практикующий ростовщичество, или, при наличности в его распоряжении большой земельной площади, не обрабатывающий с помощью плохо оплачиваемых и изнуренных работой наемных батраков, может быть законно отнесен к кулакам. Но можно ли считать кулаком зажиточного крестьянина, с помощью членов своей семьи, не прибегая к наемному труду, обрабатывающему свыше 16 десятин земли? (По Ларину, это кулак). Можно ли кулаком считать зажиточного крестьяни-

---

21. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, т. 2, стр. 117.

на, имеющего, опять-таки без наемного труда, предприятие, перерабатывающее сельскохозяйственные продукты или купившего такие сельскохозяйственные машины, которых нет ни у одного из его соседей в деревне? Такой крестьянин выделяется своим "богатством". Где грань между ним и кулаком?

От этого вопроса легко (и правильно!) ушел "всероссийский староста" М. Калинин в статье, помещенной 22 марта 1925 г. в "Известиях":

"Говорить о кулаке как об общественном слое сейчас можно только в том случае, если считать, что всякий сельскохозяйственный предприниматель есть кулак, если по инерции военного коммунизма всякого исправного крестьянина считать кулаком. Кулак – это тип дореволюционной России. Кулак это жупел, это призрак старого мира. Во всяком случае, это не общественный слой, даже не группа, даже не кучка. Это вымирающие уже единицы".

В конце 1925 г. такого рода заявления уже никто не осмелился бы сделать. Он был бы немедленно объявлен адвокатом кулаков и покровителем эксплуататоров бедноты. В марте 1925 г. слова Калинина, и это характерно для того времени, никакой бури в партийных кругах не произвели. Однако Пленум ЦК и XIV конференция без всякой полемики с Калининым в своих резолюциях оперировали с понятием о кулаке не как с "призраком старого мира", а как с существующей в действительности социальной единицей. При признании этого факта отношение к этому слою далеко не укладывалось в избитую старую формулу об очищении советской деревни от "кровопийцев и вампиров". Чтобы показать, как по-новому определялось отношение к кулакам, приведем три речи лиц с наибольшим политическим весом и авторитетом в партии. Начнем с председателя Совета Народных Комиссаров – Рыкова:

"Хотя по вопросу о кулаке теперь диспутируют, кажется, решительно все, начиная с сельского схода и кончая губернскими комитетами и ЦК, для многих он остается неясным. Так, мне кажется совершенно неправильной попытка противопоставить зажиточного крестьянина кулаку. Вести дискуссию в таком разрезе значит заниматься схоластикой. Точной грани между ними провести невозможно. Наше отно-

шение к кулаку должно строиться по аналогии к частному капиталу в городе, в торговой и промышленной сфере. Административными мерами мы не должны бороться с частным капиталом. Взаимодействие между государством и частным капиталом складывается на почве экономического соревнования, конкуренции. По этому же типу отношений должно складываться и наше отношение к буржуазному слою в деревне. Необходимо прекратить зажим этого слоя. Ограничение, закрывающее совершенно двери в кооперацию этого слоя, должно быть отменено, но нужно принять меры, гарантирующие партию от перехода командных пунктов кооперации в руки буржуазного слоя деревни. При предоставлении условий для свободного накопления в кулацких хозяйствах увеличивается темп накопления во всем хозяйстве, быстрее возрастает общенациональный доход, увеличиваются материальные возможности реальной хозяйственной поддержки малоимущих бедняцких хозяйств, расширяются возможности уменьшения избыточного населения, того населения в деревне, которое не находит себе работы".

Во второй речи, произнесенной Рыковым на XIV конференции, он опять говорил, что "хозяйственному подъему деревни препятствуют практикующиеся отношения к растущей сельской буржуазии". Нужно "устранить административные препоны к накоплению". "Нам не опасно развитие буржуазных отношений в деревне, мы сумеем использовать средства, отлагающиеся в растущем слое новой буржуазии", и направить их на поддержку бедняцких слоев деревни, а "о бедняках мы больше говорим, чем им помогаем". Настаивая на том, что деревня через кооперацию должна войти в общую систему советского хозяйства, Рыков еще раз указал, что от участия в кооперации не должны быть отстранены и кулаки, но в правлении кустарно-промышленной кооперации не может находиться крестьянин-скупщик ее изделий и продуктов; в потребительской кооперации нет места крестьянину-лавочнику; в кредитной кооперации — крестьянину, занимающемуся ссудой денег"[22].

---

22. Речи Рыкова напечатаны в "Правде" 30 апреля и 3 мая 1925 г.

А вот речь на ту же тему Молотова, главного помощника Сталина в секретариате Политбюро:

"Нам не столько нужно гоняться за определением "кулака", сколько за тем, чтобы дать правильное определение, кого из крестьян ни в коем случае не должно относить к кулакам. Нужно обратить внимание на недопустимость причисления к кулакам середняка и старательного культурного крестьянина, по отношению к которому партия ведет линию поддержки их хозяйственного развития. Но при теперешнем развитии, при теперешней нашей политике на допущение рыночных отношений мы будем в известной мере допускать даже кулака. Мы допускаем развитие крепкого хозяйства, допускаем, по крайней мере на ближайший период, укрепление капиталистических элементов, т.е. кулачества. Борьба с кулацкой экономикой будет вестись не раскулачиванием, не арестами, не штрафами, а соответствующими мерами налоговой политики, политикой землеустройства, работою кооперации, которая в этом деле сыграет грандиозную роль".

Два года спустя "сталинец" Молотов будет клещами вырывать из своей памяти слова об "укреплении капиталистических элементов, т.е. кулачества". В 1925 г., как и Сталин, он шел за правыми коммунистами, был во власти их доктрины, стремившейся не способами военного коммунизма, а реформистской системой мероприятий создать "накопление" в сельском хозяйстве и тем самым способствовать увеличению общего накопления и росту национального дохода. В речи Молотова есть еще и другие фразы, которые позднее он хотел бы считать непроизнесенными — резкий выпад против "бедняцкой точки зрения":

"Среди коммунистов есть люди, стоящие на точке зрения, которая уклоняется от правильной партийной линии. Они переходят на бедняцкую точку зрения, заменяя ею нашу партийную позицию. Это находит себе выражение в неправильном определении задач сельскохозяйственной коллективизации, якобы могущей в наших условиях дать полное восстановление бедняцкой массы. Такая точка зрения насквозь пропитана бедняцкими иллюзиями и фактически не соответствует тому экономическому развитию, которое теперь идет и приводит основные массы середняков к кооперации. Нельзя скатываться к бедняцким иллюзиям о коллекти-

визации широких крестьянских масс. Необходимо кооперирование крестьянских хозяйств и освобождение особенно коммунистов от всяких иллюзий, отвлекающих нас от правильных путей"[23].

Никто из коммунистов и тогда, и вообще никогда, конечно, не отрицал важности и желательности развития коллективных форм труда в сельском хозяйстве. Однако только что приведенные слова Молотова (в докладе, одобренном Политбюро ЦК), называющего "мысль о коллективизации широких слоев крестьянства" "бедняцкой иллюзией", убедительно показывают, насколько руководящая часть партии была в 1925 далека от политики коллективизации как своей основной задачи. Не пройдет и двух лет, как XV съезд партии (декабрь 1927 г.), освобождаясь от влияния правых коммунистов, объявит, что "основной задачей партии" должна быть поставлена "задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы". Правым коммунистам при этом была сделана чисто словесная и временная уступка: коллективизация "может происходить только при согласии на это трудящихся крестьян".

К речам Рыкова и Молотова прибавим им предшествующую речь Бухарина на московской губернской конференции 17 апреля. Некоторые части этой речи мы уже цитировали. Она имела особо важное значение и стала главной мишенью нападок оппозиции. В большой речи Бухарина наиболее существенное таково:

"У нас есть НЭП в городах, но нет настоящего НЭПа ни в деревне, ни в области кустарной промышленности. С той поры как наша промышленность стала укрепляться, наша политика должна изменяться в сторону уменьшения зажима, в сторону большей свободы оборота. Эта свобода нам не опасна. Нужно меньше административного воздействия и больше экономической борьбы. Надо бороться с частным капиталом не тем, чтобы закрывать его лавку, а чтобы производить товары более доброкачественные и продавать их дешевле, чем он. Развязывание экономического оборота нам в

---

23. Речь на Пленуме ЦК 23 апреля. См Правда 9 мая 1925 г.

высшей степени выгодно. Развитие мелкобуржуазных хозяйственных стимулов надо поставить в такие условия, чтобы они нам помогали и мы им помогали и чтобы в то же время укреплялось наше хозяйство. Мелкая буржуазия сейчас может быть вдвинута в такие рамки, что вместе с нами будет участвовать в социалистическом строительстве. В деревне до сих пор еще сохранились отношения, существовавшие в период военного коммунизма. Зажиточная верхушка крестьянства и кулак боятся накоплять. Если крестьянин хочет поставить железную крышу — его завтра могут объявить кулаком и ему будет крышка. Если крестьянин покупает машину, то делает так, чтобы коммунисты этого не видели. Дело технического улучшения сельского хозяйства обставляется какой-то конспирацией. Проводится административный нажим на кулака, а середняк боится улучшать свое хозяйство, потому что рискует быть зачисленным в кулаки и попасть под этот самый нажим. Мы ведем такую нажимистую политику и по отношению к мелкой буржуазии другого порядка — кустарям, ремесленникам. Мы берем у них почти половину их продукции путем налогового обложения. Их работа делается невозможной и потому в деревне мы имеем людей, нигде не работающих. При таких условиях излишек там рабочего населения, аграрное перенаселение, не может рассосаться. Наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком направлении, чтобы раздвигались и отчасти уничтожались ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства. Крестьянам, всем крестьянам, надо сказать: обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут".

Призыв "обогащайтесь", как бы копирующий сделанное почти за сто лет до него обращение Гизо к французской буржуазии, вызвал скрежет зубов в рядах противников правого коммунизма. Среди них была вдова Ленина Крупская, немедленно пославшая в "Правду" протест против лозунга Бухарина. Генеральный секретарь партии, в это время, как уже было показано, находившийся "в плену" теории правого коммунизма, запретил его печатать. В сущности, ничего одиозного в призыве Бухарина не было. Правые коммунисты стремились создать "богатеющую" деревню, опираясь на которую, должна развиваться мощная индустрия — основная

база социалистического строя. Такой правый коммунист, как Дзержинский, дрожал от негодования, слыша от Пятакова и других оппозиционеров, что "богатая деревня есть грозная опасность для строящегося социализма". "Это несчастье, — кричал Дзержинский на Пленуме ЦК в июле 1926 г., — что у нас есть государственные люди, боящиеся благосостояния деревни. Но можно ли индустриализировать страну, если со страхом думать о благосостоянии деревни?"

То, что говорил Бухарин и после брошенного лозунга "обогащайтесь", последовательно и логично входит в систему его взглядов, а трезвость их вряд ли может быть оспариваема, если не быть зараженным военным коммунизмом.

"Развязывая хозяйственные возможности зажиточного крестьянина и кулака, — пояснял Бухарин, — мы получаем добавочные ценности, которыми сумеем помочь малоимущим хозяйствам. Надо добиваться, чтобы общая сумма национального дохода вырастала, и тогда не на словах, а на деле мы сможем помогать середняцким и батрацким элементам деревни. Есть товарищи (Бухарин имел в виду прежде всего Ларина), которые говорят, что если капитализм в деревне будет развиваться и кулак будет вести крупное хозяйство, то образуются новые помещики и нам придется проделать вторую революцию, какую-то добавочную революцию по деревенской линии. Я считаю это теоретически неправильным, практически бессмысленным. Если мы будем призывать деревню к накоплению и одновременно говорить, что через два года устроим вооруженную экспроприацию, никто ничего не будет накоплять. Если в буржуазных странах крестьянин с помощью своих кооперативных учреждений врастает в систему промышленной и банковской буржуазии, то в условиях рабочей диктатуры при существующих у нас отношениях власти к сельскохозяйственным учреждениям и при помощи национализации земли — мы чрез кооперацию приведем крестьянство к социализму. Мы не можем представлять себе дело так, что если нажать на колхозное строительство, то крестьяне быстро пойдут по пути объединения в колхозы. Колхозы мы несомненно должны поддерживать, но нельзя утверждать, что это есть столбовая дорога, по которой массы крестьянства пойдут к социализму. Мы должны тянуть крестьянство к социализму, цепляясь за его частнохозяйствен-

ный интерес. Кооперация должна привлекать крестьянина тем, что даст ему непосредственные выгоды. Если это кооперация кредитная, он должен получить денежный кредит. Если это кооперация по сбыту — он должен иметь возможность с ее помощью более выгодно продавать свой продукт. Если мы так поставим работу, то мелкий хозяйчик в конце концов неизбежно будет врастать в нашу государственно-социалистическую систему, так же как в капиталистических странах он врастает в систему капиталистических отношений. Эксплуатируя своих батраков, кулак накопляет, получает прибавочную ценность, получает деньги. В виде вклада он вносит их в кредитное товарищество или имеет дело с нашими банками. Мы получаем достаточные ресурсы в виде этих вкладов, и эти ресурсы пускаем в оборот так, как нам это выгодно, а не так, как нужно кулаку. Этими средствами мы можем кредитовать середняцкую кооперацию и тянуть середняцкую массу к хозяйственному подъему. Классовая борьба сразу не умрет, но капиталистические элементы, которые нарастают в деревне, не придется экспроприировать в процессе второй революции, как это некоторые думают (например, Ларин). Мы с известного периода начнем их медленно сводить на нет путем повышения хозяйств середняка и бедноты, путем налогового обложения и, наконец, путем подведения в деревню новой технической базы. Есть ли тут ставка на кулака? Нет Нет ли тут проповеди обострения классовой борьбы в деревне? Тоже нет. Я совсем не стою за обострение классовой борьбы. Мы идем по линии дальнейшего продвижения и развития НЭПа, по линии изживания остатков военно-коммунистического периода, по линии большей свободы хозяйственного оборота".

Три приведенные речи дают представление об общих принципах, социально-политических предпосылках, с которыми устанавливалась в 1925 г. "аграрная программа" правых коммунистов. Многие части ее. конечно, можно найти в предложениях, ранее проводимых или возвещавшихся в годы предшествующие. Взятая же в целом, указываемая аграрная программа имеет *особый вид*, отличающий ее от программ предшествующих, например, XIII съезда и программ, за нею последовавших. Ее противники из лагеря оппозиции с раздражением говорили, что правые комму-

нисты в своем руководстве сельским хозяйством лишь повторяют Столыпина. Преображенский прямо заявил, что аграрное развитие в Советском Союзе ничего нового по сравнению с дореволюционным не представляет:

"Нить экономического развития верхних слоев нашей деревни идет по пути создания капиталистического фермерства. Прерванная революцией, это нить исторически снова взята и плетется"[24].

Утверждать, что аграрные мероприятия правого коммунизма проникнуты "всецело духом Столыпина" можно, лишь доводя до последней крайности полемический задор. Все же нельзя отрицать, что в серии мероприятий 1925 г. есть нечто действительно схожее с политикой Столыпина. Насаждая в деревне мелких собственников, Столыпин хотел покончить с революционным движением. У него кроме этой политической цели была и экономическая задача: создать прочное, прогрессирующее мелкое хозяйство, развитию которого при общинном владении препятствовали и принудительный примитивный севооборот, и переделы земли, убивающие у хозяев возможность беспрепятственно пользоваться обрабатываемым наделом. Землеустроительные работы, введенные Столыпиным, должны были выделять из общинной земли в частную собственность отруба, участки земли из одного цельного куска, и образовывать хутора — фермы на землях, купленных у помещиков Крестьянским банком и проданных крестьянам. Ленин, когда не занимался демагогией, прекрасно понимал значение мероприятий Столыпина. В 1907 г. в книге "Аграрная программа социал-демократии" он писал:

" О программе Столыпина *ни в коем случае нельзя сказать*, что она реакционна в экономическом смысле. Столыпинская аграрная реформа ведет к техническому подъему земледелия. Насильственное раздробление общины законом 9 ноября, насаждение хуторов и субсидирование отрубов, это вовсе не мираж, как иногда говорят легкомысленные болтуны демократической журналистики. Это единственно возможный путь для капиталистической России, если не победит крестьянская аграрная революция".

---

24. Четырнадцатая конференция РКП(б). Москва, Госполитиздат, 1958, стр. 124.

Схожесть с мероприятиями Столыпина обнаруживается, если взять из 12 мероприятий, составляющих, на наш взгляд, основу аграрной программы 1925 г., три. Условно поставим их первыми.

1. Начиная с конца 1917 г. и введения национализации земли не исчезали препятствия к образованию прочного индивидуального сельского хозяйства. Сначала шел захват и *передел* помещичьих земель, потом передел земель, купленных и арендованных прежде крестьянами, потом грабеж, учиняемый комитетами бедноты, наплыв в деревню из голодающих городов населения, требовавшего себе, согласно основному закону сельского хозяйства, выделения земли для пропитания. Постоянно шло и раздробление многосемейных хозяйств с помощью переделов, получивших уравнительно с другими надел, сообразный числу едоков в новообразующихся семьях. Разделы и переделы настолько мешали хозяйственному развитию, что Земельный кодекс 1922 г., запретив перераспределение земли между селениями, стремился сократить частоту переделов внутри селения. Все-таки процесс переделов, столь характерный для прежней, старой общины, не прекращался, продолжая наносить громадный урон сельскому хозяйству. Программа 1925 г. решила ему положить предел следующим важным постановлением, в котором видна присущая правым коммунистам забота содействовать накоплению:

"В целях поощрения большего вкладывания накапливаемых крестьянами средств в обработку и удобрение земли для усиления интенсификации и повышения доходности необходимо решительно бороться с попытками частых переделов".

Повышению производительности сельского хозяйства препятствует неорганизованное землепользование, отягчаемое разбросанностью земельных наделов, их чересполосицей, узкополосицей, длинноземельем. Внести сюда порядок и переход хозяйств к широкополосным земельным участкам, к многополью, к правильному расселению крестьянских хозяйств должна организация соответствующих землеустроительных работ. О них после революции говорилось и кое-что в этой области предпринималось; тем не менее землеустроительный хаос продолжался. Программа 1925 г. совершенно

правильно требует "ускорения и улучшения землеустроительных работ". Для них предоставляется максимально-льготный кредит вместе с отпуском из государственного бюджета средств "на проведение бесплатных землеустроительных работ для бедняцких хозяйств".

3. Организованное землепользование должно иметь прочную форму, а таковой при индивидуальном владении хозяйства может быть хутор-ферма или отруб. Право свободного избрания формы землепользования как будто давал Земельный Кодекс 1922 г. Но право это фактически не проводилось в жизнь, сталкиваясь с отрицательным отношением к нему коммунистической правящей верхушки, местных органов власти и деревенских организаций бедноты. Все эти инстанции видели в хуторах и отрубах несовместимость с характером советского сельского хозяйства. Программа правых коммунистов, убеждаясь, что в развитии сельского хозяйства имеют большое значение зажиточные крестьяне и кулаки, больше других тяготевшие к образованию отрубов и хуторов, пыталась изменить к ним отношение коммунистической партии. Она требует "не ставить административных преград для выделения на отруба и хутора, строго соблюдая право свободы выбора форм землепользования".

Некая схожесть с мероприятиями Столыпина очевидна. У Столыпина — борьба с земельными переделами и организация землеустроительных работ для насаждения прочных крестьянских хозяйств отрубов и хуторов. По этому же пути пошла и аграрная программа 1925 г. Этого Ленин не предвидел. Признавая мероприятия Столыпина "несомненно прогрессивными в научно-экономическом смысле", он все же считал, что они не для страны, сделавшей "советскую" аграрную революцию. Но при схожести велико и различие. Столыпин насаждал прочное хозяйство (и, конечно, не бесплатно) в виде частной собственности, мысля ее "навсегда" укореняющейся. Программа 1925 г. утверждала прочное индивидуальное хозяйство на национализированной земле, значит не в собственность и не на вечность, а до момента полной замены его комплексом разного рода развивающейся кооперации. Все же какую-то часть дороги к своему идеалу правые коммунисты делали параллельно Столыпину. Впрочем, очень скоро эта дорога была закрыта, так как менее чем

через два года объединенный Пленум ЦК и ЦКК в октябре 1927 г., постановит: "ограничить практику выделения на отруба и особенно хутора, совершенно прекратить их в тех случаях, когда они ведут к росту капиталистических элементов". Это уже предвещало смерть и уничтожение отрубов и хуторов. Идеология правого коммунизма вывстривалась. Печальная судьба постигла и производившиеся до сих пор землеустроительные работы, поскольку с их помощью устраивалось упорядоченное индивидуальное хозяйство. Коллективизация деревни, к которой начали стремиться с конца 1927 г., ни с какими перегородками внутри земли селений не считалась. Она сметала индивидуальное хозяйство, и землеустроительные работы, его устраивающие, теряли всякий смысл. Это был зря потраченный труд, зря потраченные на него средства.

4. Издавна в российской деревне существовали три группы — бедные крестьяне, средние и зажиточные. Бедные крестьяне, хотя и имели (сообразно их семейному составу) земельный надел, вели на нем ничтожный посев или совсем его не обрабатывали. Причиной тому было отсутствие рабочего скота, отсутствие необходимого инвентаря или занятие, как у кустарей, не сельским хозяйством, а каким-нибудь неземледельческим промыслом. Необрабатываемая ими земля, однако, не пустовала, не оставалась без обработки: бедные крестьяне ее сдавали в аренду своим односельчанам, имевшим инвентарь, лишний рабочий скот и повышенный рабочий состав в семье. Закон Столыпина давал тем, кто не был в состоянии или не хотел обрабатывать свой надел, право этот надел общинной земли продать. В течение 1908-1914 гг. свыше миллиона хозяев этим законом воспользовались, продав 3 690 000 десятин. В советской России после революции существовала, как и прежде, целая группа хозяйств, по указанным выше и другим причинам не обрабатывающих или лишь частично обрабатывающих полученный ими из национализированной земли надел. Но они не могли его сдать в аренду, ни тем более продать. Несмотря на то что существовали хозяйства, имевшие достаточную рабочую силу, рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь, очень желавшие обрабатывать пустующую землю, они не могли ее взять в аренду. Основной закон о земле, отменяя частную собствен-

ность на землю, заявлял, что земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду. Страна требовала повышенного производства зерновых хлебов, увеличения для этого запашек, посевов, была годная для этого земля, но она пустовала, а если вспахивалась и засеивалась, то, по выражению Бухарина, в порядке конспирации. Это было одно из уродливых явлений, которыми так полна советская жизнь. В 1922 г. на это обратил внимание Ленин, указав Всероссийскому Совету депутатов устранить уродство, но фактически ничто не изменилось, местная коммунистическая администрация, усердствуя более, чем правительство, не допускала аренды земель, видя в ней потакание ненавистным кулакам. Арендные сделки все-таки не прекращались, происходили келейно, так, чтобы о них не знали коммунисты. Программа правых коммунистов одним ударом выводила страну из нелепого и вредного положения. Она приказывала:

"Дать по советской и соответственно по партийной линии твердые указания волостным и районным исполнительным комитетам о допущении более широкого пользования права сдачи в аренду крестьянам земли на срок не свыше 12 лет. Устранить препятствия к сдаче в аренду отдельным землепользователям неиспользованного земельного фонда крестьянских обществ с направлением доходов из этой аренды на нужды сельского волостного бюджета".

На допущении права аренды особенно настаивал нарком земледелия А. П. Смирнов, лучше, чем кто-либо из людей ЦК знавший, к каким безобразиям вели конспиративные аренды. Закон об арендах вошел в жизнь ненадолго. В октябре 1927 г. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК начал его изменять, постановив "сокращение площади земли, сдаваемой в аренду в тех районах, где она ведет к росту кулацких элементов, с допущением аренды лишь на срок не свыше 6 лет". Боязнь зажиточных крестьян, числившихся в разряде кулаков (а их преследование снова стало возрастать с конца 1926 г.) привело к тому, что они расторгали заключенные ими аренды.

5. Только что было сказано, что в деревне был многочисленный слой крестьян, не имеющих возможности вести обеспечивающее их пропитанием сельское хозяйство. В поисках средств они принуждались искать работу вне сельского

хозяйства, а если в нем, то на положении наемного батрака. Рядом с ними существовали хозяйства, нуждавшиеся в горячую пору уборки урожая, а очень часто для спасения урожая при неблагоприятных метеорологических условиях иметь помогающую им дополнительную силу. Кроме того, при почти всегда существующей в сельском хозяйстве сезонной потребности в наемной силе, в ней была постоянная потребность у хозяйств зажиточных, и тех, кои именовались кулаками. Тем не менее, хотя это был урон для сельского хозяйства, наем рабочей силы, так же как аренда земли, был запрещен. Закон о земле, внушенный народниками, социалистами-революционерами, и в 1917 г. "украденный" у них Лениным, давал право пользования землею лишь лицам, желающим обрабатывать ее лично, своим трудом. Ленин, подымая вопрос об аренде, указывал, что параллельно с нею, должно быть допущено и применение наемного труда в сельском хозяйстве. Сделанные на этот счет постановления остались на бумаге. Наем батраков происходил в обстановке секрета, конспирации, бывшей особенно невыгодной для ищущей работы бедноты. Программа правых коммунистов узаконила применение наемного труда, установивши одновременно кодекс труда, *действительно охраняющий батраков от эксплуатации*. Относящийся сюда Декрет совета народных комиссаров был опубликован 22 апреля 1925 г. Нужно ли говорить, что при изменившейся затем политической обстановке и преследовании кулацких хозяйств, последние, боясь обвинений в эксплуатации, стремились не прибегать к наемному труду, что приводило у ряда хозяев прежде всего к сокращению производства трудоемких культур.

6. На развитии сельского хозяйства крайне тяжело отзывалась бедность, изношенность, недостаточность сельскохозяйственного инвентаря, орудий, сельскохозяйственных машин. Снабжение ими деревни начало нарушаться с начала войны, т.е. с 1914 г., и полностью исчезло в годы военного коммунизма, гражданской войны и голода. Начавшееся при НЭПе производство сельскохозяйственного инвентаря развивалось медленно, инвентаря было мало, он был очень дорог и покупался крестьянами далеко не в том количестве, какого требовало сельское хозяйство. Программа 1925 г. поставила себе целью сразу улучшить это положение. Индекс промыш-

ленных цен, в том числе и на сельскохозяйственный инвентарь и орудия, был в то время равен приблизительно 220 (в 1913 г. — 160), т.е. цены в червонном исчислении были в два раза выше, чем в довоенное время. Смелым решением (тяжелым для сельскохозяйственного машиностроения) правительство установило цены на сельскохозяйственные машины по довоенному прейскуранту. При этом в целях полного удовлетворения крестьянского спроса на сельскохозяйственные машины оно признало необходимым наряду с максимальным расширением сельскохозяйственного машиностроения в СССР соответствующий ввоз сельскохозяйственных машин из-за границы.

Это исключительно льготное снабжение деревни имело в виду лишь 1925 г., но срок такого снабжения был несколько удлинен. Его эффект был очевиден. Крестьянские покупки сельскохозяйственного инвентаря и машин сразу увеличились, и ни для кого на было тайной, что значительное число орудий и машин покупает зажиточное крестьянство и кулачество. Правые коммунисты, конечно, этого не боялись. С помощью лучшей техники они хотели иметь большую сельскохозяйственную продукцию, в частности для экспорта, от величины которого зависел импорт всего необходимого для расширения отечественной индустрии. Вырастающий на дрожжах идей троцкистской оппозиции сталинизм постарался и в этом вопросе изменить политику правых коммунистов. В октябре 1927 г. — в этом году и месяце всяких зловредных решений — было постановлено "ограничить снабжение сельскохозяйственными машинами *кулацких элементов,* выработав для этого соответствующие нормы (уменьшение доли кулаков в общей сумме реализуемых машин, расплате наличными и т.п.)".

Не нужно доказывать, и без того это ясно, что ограничение в снабжении сельскохозяйственными машинами хозяйств, являющихся их очень значительными покупателями (и на бедном и сером фоне деревни служащих как бы показным типом хозяйств) поучительным экономическим примером, отражалось на ходе развития всего сельского хозяйства. Боясь нажима на них, обвинений в эксплуатации батраков, многие хозяйства уменьшали применение наемного труда с мыслью заменить его машинами, но когда ограничивалось

применение и машин, наиболее хорошо поставленные хозяйства начинали терять свою силу, и сельское хозяйство от этого деградировало.

7. Забота о развитии сельского хозяйства составляла одну из доминантных идей правого коммунизма, искавшего способствующих ускорению этого развития всякого рода рычагов и мероприятий. Зная, что крестьяне платят большие косвенные налоги и имеют дело с "ножницами", невыгодным для них соотношением между ценами покупаемых промышленных изделий и продаваемых ими сельскохозяйственных продуктов, программа правых коммунистов в 1925 г. хотела уменьшить тяжесть прямых налогов на крестьян:

"В целях облегчения процесса накопления в сельском хозяйстве, развития животноводства и технических культур, в целях облегчения крестьянства на путях обеспечения его отвечающими современным условиям и задачам сельского хозяйства инвентарем, машинами, племенным материалом, культурными семенами, нужно с будущего года значительно снизить общий размер сельскохозяйственного налога, доводя его контингент до 280 млн. рублей. Этот налог следует улучшить, устранить неправильное распределение налоговой тяжести между плательщиками и поставить размер налога в полное соответствие с мощностью хозяйств и условиями и особенностями сельскохозяйственного промысла".

Никакого уменьшения общей налоговой тяжести не могло быть, если, понижая сельскохозяйственный налог, одновременно повышать другие формы обложения. Именно это и случилось. Крик оппозиции, что деревня "богатеет", обгоняя в этом отношении "пролетарский город", что кулаки накопляют огромный капитал, привел к тому, что в апреле 1926 г., ровно через год после только что сделанного обещания снизить обложение, Пленум ЦК, отступая пред оппозицией, декретировал: "полное освобождение от налога малоимущих групп" и "усиленное обложение зажиточных и кулацких слоев". В дополнение к прежним статьям обложения стали привлекаться все остальные источники доходов — пчеловодство, садоводство, огородничество и т.д. Общая сумма налога, падающего на сельское население, с 347 миллионов рублей в 1925 г. возросла в 1926 г. до 496 млн. руб., а в

1927 г. до 759 млн. руб.[25]. Привлечение к обложению прежде неучитываемых статей законно, и уже вполне справедливо освобождение от налога маломощных групп. Но что уже несправедливо с точки зрения экономической, это то, что за три года (1925-27 гг.) произошел рост на 119% общего обложения, причем главная тяжесть его была перенесена на верхушку, составляющую не более 8% общего числа крестьянских дворов, а доходы этих дворов, разумеется, не поднялись на 119%.

8. Характеризуя программу правых коммунистов, нельзя не отнести в ее актив борьбу с варварской жестокой практикой взимания налогов. Полагая, что "умеренная пеня по просроченным налоговым платежам вполне обеспечивает интересы казны", правые коммунисты требовали "исключить из практики взимания налога аресты и прочие административные меры, не указанные в законе", часто приводящие к полному потрясению хозяйства. В виду "обеспечения целости и сохранности хозяйства" они настаивали на составлении "перечня предметов домашнего обихода, орудий и сельскохозяйственного инвентаря, жилых и служебных строений, не подлежащих продаже для покрытия налога, причитающегося с неисправного плательщика". Экономическое и гуманитарное значение подобного требования станет особенно ясным, если знать, что при взимании налогов местные власти доходили, по признанию даже Сталина в 1925 г., до величайших безобразий. Бывали случаи, когда у крестьян в качестве наказания за просрочку налога разрушался, сносился амбар, а с избы снималась крыша[26].

9. "Кустарная промышленность, промыслы и ремесла имеют и будут иметь еще долгое время чрезвычайно важное значение в общей экономике СССР". Это убеждение правых коммунистов несомненно было правильным. Кустарная промышленность давала и могла давать городу и особенно деревне значительную и разнообразную продукцию (обувь, шубы, чулки, носки, металлические изделия, бондарное производство, мебель, экипажи, телеги, войлочные изделия

---

25. Контрольные цифры народного хозяйства на 1928-29 гг., Москва, 1928, стр. 451.

26. Сталин. Вопросы ленинизма, 1933, стр. 158.

(валенки), канаты, шпагаты, веревки, столярные изделия и т.д). В 1913 г. считали, что в стране не менее 5 400 000 кустарей. После революции их число сильно уменьшилось, и все-таки даже в 1928 г., по данным советской статистики, кустарей было 3 800 000. Кустарный промысел имел в деревне огромное значение. Он давал средства к жизни, был источником дохода масс избыточного населения, совсем не находившего себе применения в сельском хозяйстве или при ничтожном доходе от сельского хозяйства дополнявшего его промысловой работой. С 1919 г. советское правительство не выпускало из поля своего зрения кустарей, загоняя их в объединения, производя в этой области различные самые фантастические эксперименты. К 1925 г. оказалось, что кустари лишены избирательного права, что при ничтожности в советской России благ от этого права не было бы особым несчастьем, если бы за этим не следовало отнесение кустарей в разряд "нетрудовых элементов", иначе говоря, в разряд преследуемой "буржуазии". А такая квалификация кустарей приводила к положению, указанному Бухариным: у кустарей, как нетрудового элемента, налоговым обложением отнималась почти половина их продукции. Их работа в убыток становилась бессмысленной, они ее бросали, увеличивая "избыточное население" людей, желающих работать, ищущих средств к жизни и в то же время налоговым обложением превращающихся в неработающих. Нужно отдать честь правым коммунистам, уже в конце 1924 г. понявшим, что такое фантастически нелепое положение не может продолжаться. Отсюда решение XIV конференции:

"Настоятельно необходимо отказаться от причисления к нетрудовым элементам трудовых кустарей. Организовать простейшие формы массового объединения кустарей". Выделить специальные средства на поддержание и развитие промыслов. "Установить тесную увязку промышленной кооперации с государственной промышленностью. Передавать промышленной кооперации заказы на изделия, необходимые для государственной промышленности и государственных органов. Включить в планы государственной промышленности программы снабжения кустарной промышленности".

Никакой страсти к созданию кооперативных объединений кустари не проявляли, но организующаяся по-новому

промысловая кооперация кустарей почувствовала улучшение своего положения, когда в силу указаний правых коммунистов — председателя ВСНХ Дзержинского и его помощника в этом деле члена коллегии ВСНХ С. П. Середы — стала получать заказы от государственной промышленности и необходимые ей материалы и сырье.

Судьба промысловой кооперации в правление Сталина известна. Как кооперация она исчезла. "Общие мастерские", в которых насильно сгоняли кустарей, превратились просто в фабрики.

10. В аграрной программе правых коммунистов выдающееся место занимает ее *кооперативная часть.* В 1925 г., впервые после революции, делается попытка создать кооперацию сельскохозяйственную, несколько схожую с кооперацией довоенной и западно-европейской. То, что до сих пор называлось кооперацией, ничего общего с настоящей кооперацией не имело. Это были особые государственные органы власти, руководимые коммунистической партией. О том, какие экстравагантные эксперименты с кооперацией производило правительство, можно судить, например, по постановлению IX съезда партии в марте 1920 г:

"Подчинить организации отдельных групп более зажиточных кустарей, объединенных по различным отраслям сельскохозяйственной и кустарной промышленности, органам потребительской кооперации, как охватывающей все рабочее и крестьянское население. Прекратить самостоятельное существование всех всероссийских центров сельскохозяйственной и производственной кооперации и произвести слияние их с Центросоюзом (Управление потребительской кооперации) на правах секции. Подчинение потребительской организации должно носить административно-политический характер, а в производственно-хозяйственном отношении сельскохозяйственная кооперация должна находиться целиком в ведении ВСНХ и Наркомзема". Последовательное проведение этих указаний, по мнению съезда, создает "новые кооперативные формы, отвечающие хозяйственным и политическим условиям диктатуры пролетариата и могущие в дальнейшем послужить основой организации снабжения населения на *коммунистических началах".*

Читая теперь такое постановление, просто недоумеваешь, как в голову могла придти подобная организационная абракадабра, как это могли называть кооперацией?

XII Всероссийская конференция партии в августе 1922 г. "в целях обеспечения влияния пролетарских элементов в деревне на сельскохозяйственную кооперацию" требовала "в возможно близком будущем полного и организованного слияния колхозных объединений с общей сельскохозяйственной кооперацией". Как видим, эксперименты с так называемой кооперацией продолжались, и одна организационная абракадабра сменялась другой.

XII съезд партии в апреле 1923 г., XIII в мае 1924 г. начинают постепенно отходить от бессмысленных экспериментов с кооперацией, но приказом созданные многочисленные в хаотическом и еле живом виде существующие организации от этого настоящей кооперацией не становятся. XIII съезд заявлял, что крестьянин может быть подведен к социализму "только чрез коллективные формы организации, т.е. потребительскую и производственную кооперацию", но обращал внимание главным образом на первую. Что же касается "производственной кооперации" в деревне, то, несмотря на уверенный тон указаний, вопросы, к ней относящиеся, и формы этой кооперации съезду, очевидно, не ясны. Съезд, указывая, что в деревне происходит "рост артелей, коллективов, товариществ по совместной обработке, коллективной закупке инвентаря", начавшееся распространение применения общественного труда, предлагал всемерно поддерживать и поощрять эти "артельные и коллективные" виды сельского хозяйства. Никакого роста "артелей, коллективов" в 1924 г. не происходило. Их нужно было искать днем с огнем. Картина, представленная съездом, глубочайше извращала всю действительность. Бросалось в глаза, что, говоря о кооперации, съезд имел в виду не столько ее социально-реконструктивную роль, сколько ее политическое значение: кооперация для него — это организация борьбы "маломощных " с кулаком. Съезд цитировал знаменитую статью Ленина о кооперации, но в ней тогда еще не видели решающего доказательства, что в СССР есть полная возможность установить социализм без помощи победоносной революции на Западе. Ссылкой на разные документы, в частности на писа-

ние генерального секретаря партии Сталина, можно показать, что "теория построения социализма в одной стране" тогда еще не была в ходу. Мы уже говорили, что она начала приниматься правыми коммунистами в конце 1924 г., и под их влиянием стала выражением официальных взглядов партии на XIV конференции. Обосновывая ее взглядами Ленина на кооперацию, правые коммунисты придали его "кооперативному плану" исключительно важное значение. Но кооперирование выдвинуто Лениным в туманно-телеологическом освещении. Он заявлял, что "кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом", что "простой рост кооперации для нас тождественен с социализмом", что "при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве". В отличие от Ленина, правые коммунисты, уходя от туманного оперирования отвлеченным и неопределенным термином "кооперация", наполняли его конкретным содержанием, говоря о кредитной кооперации, кооперации для переработки и сбыта сельскохозяйственных продуктов, кооперации для снабжения крестьян разными средствами производства, промысловой кооперации, потребительской кооперации. Впервые у главарей партии — в лице правых коммунистов — проявляется практический и реалистический взгляд на кооперацию, выражающийся, например, у Бухарина словами:

"Кооперация должна привлекать крестьянина тем, что даст ему непосредственные выгоды. Если это кооперация кредитная, он должен получить дешевый кредит. Если это кооперация по сбыту — он должен иметь возможность с ее помощью более выгодно продавать свой продукт".

Это элементарный закон, без которого кооперация, теряя свой смысл, перестает быть кооперацией в том смысле как она понималась в России до войны и понимается в "буржуазных странах". Но для советской России это было новой мыслью, спуском из мира вреднейшей, напитанной насилием фантазии, к жизни. Такой перелом мысли обязывал правых коммунистов установить совершенно новое отношение государственной власти к сельскохозяйственной кооперации и декретировать следующие постановления, важность которых очевидна:

"Принять серьезные меры к действительному изменению существовавшей в последний период практики лимитирования (насильственного понижения, — Н. В.) цен на хлеб и сельскохозяйственное сырье, переходя на гибкое государственно-экономическое регулирование и соглашение государственных и кооперативных заготовителей. Такие соглашения ни в коем случае не должны приводить к установлению обязательных цен для продавцов-крестьян. Решительно запретить при проведении регулирования цен на сельскохозяйственные продукты применение каких бы то ни было административных мер: штрафов, арестов и т.д. Виновных в нарушении этого порядка карать вплоть до отдачи под суд. Поручение кооперации государственных заготовок проводить не в порядке административно-обязательных заданий, а прежде всего в порядке экономического согласования этих заданий с условием банковского кредитования и вообще в порядке увязки с оказываемой кооперации финансово-экономической поддержкой государства. Основной предпосылкой для развития кооперации и привлечения к активному участию в ней широких масс населения должна явиться такая ее организация, которая обеспечила бы *свободу выборов, ответственность и подотчетность избранных органов* . Партийные и советские органы на местах не должны допускать административного вмешательства в кооперативную работу, должны заботиться о точном соблюдении кооперативных уставов. На кооперацию со стороны местных партийных, советских и профессиональных органов не должны ни в коем случае возлагаться задания, обязанности и расходы, не связанные с кооперативной деятельностью и нарушающие уставы кооперации".

Было бы слишком хорошо, если бы все происходило и действительно устанавливалось так, как того требуют цитированные постановления. Советская кооперация в деревне стала бы в 1925 г. организацией самостоятельной, свободной, подобной настоящей кооперации. Этого, конечно, не могло быть в СССР, украшенном диктатурой пролетариата, т.е. диктатурой партии при отсутствии в стране свободы слова, печати, союзов, выборов. Ведь ни одна организация не могла существовать без присутствия в ней коммунистов как представителей властвующей партии, неизменно занимающих в

ней дирижирующий пост. Правые коммунисты, делаясь реформистами, подсознательно чувствовали уродства своего строя и как-то хотели их уничтожить или смягчить и в этом стремлении создавали себе иллюзию возможности какой-то свободы при строе, в самом существе своем ее отрицающем. Следует все же сказать, что даже ограниченная свобода, вернее сказать, более бережное, более практичное отношение власти к кооперации создали огромный подъем кооперативного движения. Этому подъему крайне способствовал следующий факт, относящийся тоже к области важных новшеств. XIV конференция постановила, что "в целях наибольшего охвата со стороны кооперации всех процессов хозяйственной жизни деревни необходимо предоставить всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, право участия в кооперации".

Это открывало до сих пор запертые двери допуску, вхождению в кооперацию зажиточных крестьян, без всякого различения именуемых кулаками.

Не считая, как на XIII съезде, что основная задача кооперации заключается в борьбе "малоимущих с кулаками", правые коммунисты все-таки обставили вхождение зажиточных крестьян в кооперацию следующим ограничением:

"Для обеспечения руководящего влияния в кооперации за большинством крестьянства, кооперативные организации всех видов должны внести в свои уставы ограничения, гарантирующие недопущение в правления обществ явно кулацких элементов".

На сделанном, по настоянию правых коммунистов, допущении "кулаков" в кооперацию — как на событии далеко не простом, нужно остановиться. В довоенной кооперации, развившейся в годы 1908-1914 с таким размахом и скоростью, что в 1923 г. советский экономист Лозовой имел право писать: "мировая история кооперации не знает ничего подобного" — самым активным ее строителем был совсем не бедняк и даже не середняк, а зажиточный крестьянин и кулак. То же явление повторилось и в 1925 г. при допущении в кооперацию "кулака", активное участие которого в разного вида кооперации оказалось значительно большим, чем участие бедняка и середняка, хотя середняка в нее усердно

вдвигала коммунистическая партия, а участие бедняка обставляла разными льготами и всяческими поощрениями. Данные так называемой "динамической переписи" 1927 г. обнаружили, что бедняцкий слой деревни кооперирован максимум на 23%, середняк на 33%, зажиточные крестьяне на 40%, а "кулацкая группа" кооперирована на 46%. Пленум ЦК и ЦКК в октябре 1927 г., обнаружив "относительно слабую кооперированность бедноты и непропорционально высокую кооперированность зажиточной верхушки деревни" — повелел этому явлению положить конец, хотя это должно было отрицательно отразиться на активности сельскохозяйственной кооперации и всяких сельскохозяйственных операций. Правые коммунисты еще заседали в Политбюро, но страной уже не правили. Она катилась к сталинизму.

11. Среди разных видов кооперации в деревне одному из них, именно кредитной кооперации, в 1925 г. отдавалось виднейшее место. Требование уделить ей "особенное внимание" для нас интересно тем, что этот вид кооперации более, чем какой-либо другой, правые коммунисты хотели организовать и развивать по довоенному образцу. Прежнее развитие кредитных товариществ, число которых с *1630 в 1905 г. возросло до 14 586 в 1914 г.*, несомненно производило на них очень большое впечатление. Это видно из тезисов о кредитной кооперации, помещенных в "Правде" 11 апреля 1925 г., подписанных Калининым, Шейманом, Шефлером и другими. Для них кредитная кооперация дореволюционной России являлась поучительным примером, ибо, "концентрируя значительные средства", она объединяла "около 18 миллионов крестьянских дворов", что является "неопровержимым доказательством ее массового характера". Направляемые на развитие хозяйства капиталы кредитной кооперации слагались в дореволюционной России, как всюду в мире, из паев, вкладов и заемных средств. По такому довоенному образцу намечалась и аккумуляция капитала в советской кредитной кооперации. И так как паевой капитал не мог быть велик, большое значение должны были получить вклады деревенского населения. А чтобы их привлечь, XIV конференция постановила, "в практике кооперативной деятельности должна быть строго обеспечена гарантированная законом тайна вкладов", и об этом важном правиле было широко

оповещено деревенское население. Деловая постановка кредитной кооперации обеспечила ей в 1925 году большой успех — вклады в нее стали поступать, кредитные операции — расти и умножаться. Этот процесс был сорван двумя обстоятельствами: во-первых, сельские и волостные комячейки, наступая на так называемых "кулаков", никакой "тайны вкладов" не признавали; во-вторых, пленум ЦК в апреле 1926 г. постановил, что накопляемые в кредитных и вообще кооперативных учреждениях средства должны идти для развития "прежде всего индустрии". Замыслы правых коммунистов сделать кредитную кооперацию рычагом развития всего сельского хозяйства и других кооперации (сбыта продуктов, покупки средств производства) оказались выброшенными вон. Вместо добровольного участия в кредитной кооперации стало вводиться принудительное, с большим повышением пая более или менее зажиточных крестьян. За три года (1925-28) паевые и вкладные суммы во все виды кооперации возросли только на 69 миллионов рублей, тогда как в прежней России вклады в кредитные товарищества в деревне с 150 млн. руб. в 1910 г. составили 473 млн. руб. в 1914 г. С 1928 г. кредитная кооперация как кооперация перестала существовать. Приступ к образованию колхозов с накоплением методом "военно-феодальной эксплуатации" крестьянства заместил добровольное накопление в деревне, провозглашенное в 1925 г. правыми коммунистами. И несомненно это по их адресу в "Контрольных цифрах 1928-29 гг." имеются следующие слова: "Путь накопления в сельском хозяйстве должен быть иным".

12. Полемизируя с Бухариным, Ю. Ларин писал: "Чье лицо намерено пристально смотреть на деревню? Лицо пролетариата, а это означает покровительство колхозам, а не кулакам". Возражая Ларину и упрекая его в упрощенческом подходе к вопросу, Бухарин говорил: "У меня прежде всего кооперация, и "кроме того" колхоз. Колхоз есть могущественная штука, но это не столбовая дорога к социализму, а у Ларина именно столбовая дорога". Такую речь Бухарин держал в апреле 1925 г. на XIV конференции, но так как с разных сторон шли упреки, что новый курс в деревне, инспирируемый взглядами Бухарина, сводит на-нет значение колхозов, последний счел нужным в резолюции, им написан-

ной и принятой пленумом ЦК в октябре 1925 г., сделать следующего рода заявление:

"Всемерно содействовать строительству колхозов маломощного и среднего крестьянства, усиливая кредитную помощь и особенно облегчая им приобретение сельскохозяйственных машин (в частности, тракторов). Наряду с этим необходимо усилить поддержку развития простейших видов коллективизации (артели, машинные товарищества, товарищества по совместной обработке земли, по совместному использованию скота), особенно обращая внимание на вовлечение в эти товарищества маломощных хозяйств".

Мероприятия последнего вида (кстати сказать, составляющие программу старого народничества в 80 – 90х годах), должны были, по мнению Бухарина, всем показать, какое большое значение он придает не только колхозам, а даже самым простейшим видам коллективизации. Но он все-таки не проникся убеждением, что колхоз – "столбовая дорога к социализму". И в той же резолюции писал: "Вместе с развязыванием товарооборота, с усилением торговой связи деревни с городом, приобретают все большее значение задачи развития кооперации в деревне, как главного средства вовлечения хозяйства основной массы крестьянства в русло социалистического развития".

Словом, Бухарин повторил свою прежнюю формулу – "кооперация и, кроме того, колхоз", а в статье в "Большевике" (1925 г., № 9-10), настаивая на значении именно кооперации, писал: "Совершенно не нужно смущаться тем, что в кооперации дело начинается не с производства, а с обращения. Логика вещей обязательно приведет к тому, что вслед за кооперированием в области обращения неизменно будет идти разными путями и кооперирование производственное".

Бухарин не был одинок, говоря, что колхоз не есть столбовая дорога к социализму. Такого же убеждения держались все правые коммунисты и тут тоже одна из важных черт созданной в 1925 г. "доктрины правого коммунизма". Под натиском сталинизма, идущего к уничтожению индивидуального хозяйства и насильственному построению колхозов вместо разного рода кооперации, охватывающих индивидуальное хозяйство, правые коммунисты все время отступали,

подчинялись решениям сталинского большинства в Политбюро и ЦК, но внутренне от своего убеждения не отказывались. В 1928 г. для заготовки, вернее сказать, захвата хлеба был пущен в ход весь арсенал разнузданных методов военного коммунизма. Резко осуждать эти методы, защищать право на существование индивидуального крестьянского хозяйства, настаивать, что колхоз не есть "столбовая дорога к социализму" в то время было уже очень трудно. Тем не менее Рыков это сделал в речи, произнесенной в июле после пленума ЦК:

"Один из очень ответственных товарищей (Рыков имел в виду Сталина) недавно говорил так: Развитие производительных сил у нас совершается в формах коллективизации сельского хозяйства и в иных формах совершаться не может". Допустим на минуту, что 100 миллионов крестьян поверили этому товарищу. Спрашивается, зачем они тогда будут защищать советскую власть? Товарищи, ставящие крест на развитии индивидуальных хозяйств, держатся в корне ложных и вредных взглядов. Ведь у нас урожайность с десятины в настоящее время достигает в среднем 40-50 пудов, тогда как в европейских странах она выше 100 пудов. Возможность повышения урожайности даже такими относительно элементарными мерами, как замена деревянной сохи плугом, улучшение семян, удобрение — огромны. В этих условиях забывать об индивидуальных хозяйствах, не заботиться об их развитии, внедрять в сознание крестьян, что они не могут улучшить обработку земли и собрать больший урожай, чем теперь — значит толкать страну на новые и новые кризисы. Важнейшей задачей партии является развитие индивидуального хозяйства крестьян при помощи государства в деле их кооперирования и при систематическом и все возрастающем ограничении эксплуататорских (кулацких) элементов. Но наступление на кулаков (нужно проводить) разумеется, не методами так называемого раскулачивания"[27].

На заседаниях Пленума ЦК правым коммунистам удалось добиться осуждения только что примененного при хлебо-

27. А. Рыков. Текущий момент и задачи партии. ГИЗ, Москва-Ленинград, 1928 г. стр. 34.

заготовках насилия в духе военного коммунизма и введения в резолюцию Пленума следующих строк:

"Обеспечить содействие дальнейшему подъему производительности индивидуального мелкого и среднего крестьянского хозяйства, которое значительное время будет еще базой зернового хозяйства в стране"[28].

То была уже лебединая песнь правого коммунизма.

* * *

На протяжении предыдущих страниц мы обильно цитировали резолюции XIV конференции с их дополнениями решениями Пленума ЦК, происходившего за несколько дней до конференции. "Большая советская энциклопедия", т. 53, 1946 г., стр. 323, называя резолюции XIV конференции "одним из важнейших документов в истории нашей партии", пишет, что "в основу тезисов XIV конференции легло ленинское положение о победе социализма в одной стране, исчерпывающе обоснованное в известной работе Сталина "Октябрьская революция и тактика русского коммунизма", появившейся в декабре 1924 г.". Это ложь. В апреле 1924 г. Сталин в брошюре "Основы ленинизма" (потом изъятой из обращения), писал, что построение социализма в России, в одной стране без мировой революции, "без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран" — невозможно. К концу 1924 г. Сталин круто изменил свой взгляд под влиянием правых коммунистов — Рыкова и Бухарина, которые, взяв ленинское положение о строительстве социализма в одной стране, придали началу этого строительства *реформистский, осторожный, умеренный характер.* Это уже позднее, ставши полновластным диктатором, Сталин идею построения социализма в одной стране превратил в кровавую пытку населения.

Слагавшуюся доктрину правого коммунизма мы представили кратким очерком, а не каким-то трактатом, исчерпывающим все вопросы. Схоластической полемики, относящейся к характеру советских государственных предприятий,

---

28. Коммунистическая партия Советского Союза резолюциях, т. 2, стр. 573.

названных Лениным "предприятиями последовательно социалистического типа", мы не касались, предпочитая выдвигать вопросы более существенные. В числе их, нам кажется, очень важно, хотя бы кратко, указать, какое влияние на состояние, на "самочувствие" населения оказывало в 1925 г. правление правых коммунистов, их политика, их доктрина.

В журнале "На аграрном фронте" появилась статья, требовавшая "беспощадно разоблачать специалистов того типа, образец которого дан профессором Кондратьевым". На эту статью А. П. Смирнов ответил следующим письмом в редакцию "Правды" (от 9 мая 1925 г.):

"Профессор Кондратьев в течение многих лет работает в Наркомземе. За два года, в течение которых я руковожу Наркомземом, я имел полную возможность убедиться в том, что в лице проф. Кондратьева мы имеем в высшей степени добросовестного, энергичного и знающего сотрудника, работающего поистине не покладая рук. Легкомысленная травля таких работников есть проявление комчванства, с которым надо бороться".

В Наркомземе работал не один только Кондратьев, бывший народник. Там добросовестно работала целая группа народников, и среди них проф. Макаров (в 1929 г., объявленные "кулацкой партией", все они из жизни исчезли). Не покладая рук, другие добросовестные и знающие специалисты (бывшие меньшевики, народники, кадеты, беспартийные и бывшие правые) работали в трестах, синдикатах, Госплане, ВСНХ, Наркомфине, Наркомвнуторге. Благодаря этим специалистам ускоренно, огромными прыжками, промышленность восстанавливалась. Крупная промышленность, управляемая ВСНХ, в 1924 г. составляла 40% довоенного уровня, в 1925 г. уже 62%, в 1926 г. — 89%, в 1927 г. — начала по ценности превышать довоенный уровень. Выезд в 1925 г. беспартийных специалистов за границу для усвоения, ознакомления с разными техническими и научными новшествами был крайне облегчен и широко практиковался. Благодаря этому специалисты не только восстанавливали промышленность, но ее реконструировали на более высоком уровне. Так, началась механизация добычи угля, кроме Америки нигде не существовавшая. В нефтяной промышленности электрифицировались промысла и шла замена тартального

способа добычи нефти глубокими насосами. В машиностроительной индустрии началось производство нового типа станков, новых машин, паровозов, точной механики, радиотехники, самолетостроения. Многие новые производства начались в химической промышленности. Огромна роль беспартийных специалистов в разработке проблем *планирования* и введения планового начала в управление экономикой. В ВСНХ — органе, управляющем и планирующем всю крупную промышленность, важнейшие посты занимали бывшие меньшевики: главным Экономическим Управлением ВСНХ ведал Гинзбург, торговой политикой — Соколовский, финансовым отделом — Штерн, статистикой ВСНХ — Кафенгауз, редактором газеты ВСНХ — Г. Валентинов. В 1925 г. в ВСНХ образовался так называемый "Освок" — "Особое совещание по восстановлению основного капитала промышленности". Но занималось оно не просто восстановлением этого основного капитала, а задачей его расширения и замены новым на протяжении пяти лет, начиная с 1925 г. Такого же рода комиссия была основана и в Госплане, имея дело уже не с одной промышленностью, а с народным хозяйством в целом. Над этой проблемой, как и над годовыми, так называемыми "контрольными цифрами" народного хозяйства, работала обширная коллегия некоммунистической интеллигенции, среди которой видное место занимал бывший меньшевик Громан. Так появились получившие мировое значение знаменитые пятилетние планы, в создании которых беспартийная интеллигенция играла *выдающуюся роль*, такую же большую, какую она играла при Ленине при создании плана ГОЭЛРО — электрификации России. В ВСНХ сводный план развития промышленности на 1925-30 гг. составил, опираясь на коллегию сотрудников, бывший меньшевик Гинзбург. Сложные подсчеты изменения и роста основного капитала индустрии произвел бывший меньшевик Гринцер. Финансовые перспективы развития индустрии дал беспартийный Абрамович. Географическое размещение новых построек обрисовал беспартийный Жданов. Работая не покладая рук, многочисленные кадры специалистов, интеллигенции, ставшей из партийной беспартийной, совсем не чувствовали себя в 1925 г. нулем, последней спицей в огромном аппарате советского государства. Высшее начальство, именно правые ком-

мунисты, их высоко ценили. Дзержинский, председатель ВСНХ с 1924 г. по июль 1926 г., на слова Ларина, что в ВСНХ "засилье меньшевиков", ответил:

"Пожелаю, чтобы и в других наркоматах было бы такое же засилье. Бывшие меньшевики, занимающие ответственные посты, замечательные работники. Их нужно ценить. Мы очень многое потеряли бы, если бы у нас их не было".

Речь Дзержинского на XIV партийной конференции показывает, как вообще относились правые коммунисты к техническому беспартийному персоналу:

"Надо, — говорил Дзержинский, — покончить в этой области с остатками комчванства. Без знаний, без учебы нашей собственности, без уважения к людям, которые знают, без поддержки технического персонала мы не сможем поднять высоко нашу промышленность. Необходимо создание новых бытовых и дружественных отношений со специалистами. Им надо дать какую-то конституцию на заводах и в управлении заводами и фабриками".

Преобладающая масса беспартийных специалистов считала, что с капитализмом в России навсегда покончено, реставрация прежних общественных отношений невозможна и нужно жить и работать в появившемся новом строе с надеждой, что, эволюционируя, он станет более демократическим. Специалисты относились с враждебностью к троцкистской оппозиционной политике, потому что та смотрела на крестьянство как на "дойную корову" и для форсированного, максимального развития промышленности требовала непосильных для населения жертв и напряжения. Наоборот, объявленная в 1925 г. новая политика правых коммунистов вызывала в ней полное сочувствие, в особенности такие лозунги, как искоренение приемов военного коммунизма, смягчение классовой борьбы, установление гражданского мира. Правильно или нет — это особый вопрос, но во всем этом видели логическое и углубленное продолжение взглядов, развиваемых Лениным в последнее время его жизни. Все речи Бухарина и Рыкова имели среди беспартийной интеллигенции огромный успех. Очень большое и одобрительное внимание привлекали изданные в 1925 г. *аграрные законы*, устанавливающие, по мнению интеллигенции, возможность действительного (без коммунистических фантазий) развития

сельского хозяйства. Полное одобрение выражали беспартийные специалисты и политике, которую вел в ВСНХ их начальник Дзержинский, относившийся бережно к нуждам крестьянства, к требованиям деревни, и категорически отрицавший тяжелые, непосильные для страны темпы развития индустрии. Оптимизм и вера в благостную *эволюцию власти* — таково характерное именно в 1925 г. умонастроение работавшей в хозяйственных наркоматах беспартийной интеллигенции, сближавшейся в своей работе с правыми коммунистами. Стоит упомянуть, что некоторой части их совсем не казалась фантастической идея "построения социализма в одной стране". А почему бы и не так, говорили они, указывая в первую очередь на необъятные естественные богатства России, способные при разумной их эксплуатации дать требуемое социализмом благоденствие населения. И если для прочной базы социализма нужна мощная индустрия, то не свидетельствует ли быстрое и без экстраординарных мер развитие промышленности до 1914 г., что такая задача может быть разумно решена. Весь вопрос, как строить социализм. После спуска на тормозах, проделанного Лениным в 1921 г., многие видели в политике Бухарина, Рыкова и других правых коммунистов, "второй спуск на тормозах" (ходовое выражение того времени), новый значительный отход от понимания и проведения социализма в духе военного коммунизма. Это питало надежду, что эволюция на этом этапе не остановится, пойдет дальше.

Перейдем от промышленности к торговле. Введение НЭПа вызвало к жизни частную торговлю, огромную спекуляцию и почти полный захват "нэпманами", выплывшим частным капиталом, розничной и значительной части оптовой торговли. Жестокие удары ГПУ по спекулянтам и начавшаяся организация государственной потребительской кооперации сжали частную торговлю. В оптовой торговле частный капитал, имевший в 1924 г.18% оборота, сокращается до 8% в 1925 г., и до 7% в 1926 г., чтобы потом совсем из нее исчезнуть. В розничной торговле доля частного капитала в 1924 г. — 66%, в 1925 г. — 48%, в 1926 г. 44%, а далее постоянное снижение. Зная, что без частной торговли (при плохой постановке дела государственной и кооперативной торговли) не обойтись, иначе получилась бы торговая

пустыня, правые коммунисты, как мы уже видели,дали очень разумный приказ: не убивать административными мерами частную торговлю (она нужна); бороться с ней нужно конкуренцией, а не ударами ГПУ. "Кооперативная и государственная торговля, — гласит резолюция XIV конференции, — не может полностью обслужить возрастающий оборот в стране, в силу чего *в области торговли остается значительное место для участия частного капитала"*. Такое отношение к частной торговле, после ударов в 1923 и 1924 годах, ей создало в 1925 г. новое и особенное положение. Слова Рыкова, что частный капитал, работающий легально, преступным не является, производили впечатление. В том же направлении действовала и речь, произнесенная Дзержинским 1 апреля 1925 г. при открытии съезда местных торгов:

"Наша задача — полное использование частного капитала, отнюдь не ставка на его уничтожение, о чем упорно многие думают. Я против частного капитала в большом и даже среднем опте, но считаю, что без низового частного торговца нам сейчас никак не обойтись. Без хорошо поставленной торговли нет удовлетворения потребностей населения, а наладить это дело с помощью кооперации и государственной торговли я не вижу возможности, Я ничего не имею против крестьянина, который, заработав 100 или 200 рублей, занялся бы в деревне торговлей. Прогрессом является каждый торговый пункт, появляющийся там, где ныне нет и признаков торговли. Наша торговая сеть до ужаса малочисленна, во многих местах ничего нет. Но чтобы частный торговец, в особенности в деревне, не грабил, не спекулировал, его нужно поставить в здоровые условия, взять в защиту от мертвых администраторов, ведущих вопреки постановлению партии, политику удушения частного торговца".

Самое главное, что в этом вопросе было сказано, это постановление Пленума ЦК все в том же апреле 1925 г.: устранить препятствия для частной торговли и "правильными и исключительно экономическими мерами включить ее работу в общую товаропроводящую сеть советской торговли".

Это было частное выражение общей мысли Бухарина, что мелкая буржуазия может быть с пользою включена в работу строительства социализма. Поставленная в лучшие

условия в смысле снабжения товарами, при возможности нормально пользоваться железнодорожным транспортом для перевозки товаров (тут были раньше постоянные препятствия), при утихании на месте административного разгула и произвола, частная торговля, избегая спекуляции, пробовала вложиться в общую цепь государственно-кооперативной торговли. В этом отношении 1925 г. — для нее особенный год. Троцкистская оппозиция, во главе с Пятаковым, требуя нажима на частную торговлю, доказывала, что прибыль частного капитала огромна, она в 1925 г. якобы не менее 400 миллионов рублей, и это угроза всему бытию советского хозяйства. Дебаты по этому вопросу происходили в июне 1926 г. на Пленуме ЦК. В пламенной речи против Пятакова Дзержинский, за ним Бухарин показали, что 400 инкриминируемых миллилонов совсем не чистая прибыль, а валовой доход 323 000 частных предприятий. Если, говорили Дзержинский и Бухарин, положить на содержание каждой семьи частников 80 рублей в месяц (такой заработок в 1925 г. имели 40% рабочих индустрии ВСНХ), т.е. около 1000 рублей в год, это составит для всей массы торговцев 323 миллиона рублей. Значит, их накопление, чистая прибыль, не 400 миллионов, а в лучшем случае 77 миллионов, сущие пустяки в сравнении с доходом общественного сектора советского хозяйства. Как известно, через три часа после своей пламенной речи Дзержинский скончался от разрыва сердца. Его смерть опечалила сотрудников ВСНХ и всех беспартийных специалистов хотя бы уже потому, что в его правление аресты в их среде, можно сказать, исчезли. "Жутко было, когда во главе ВСНХ стоял Дзержинский. А теперь спецы, вплоть до бывших монархистов, готовы памяти Дзержинского панихиду служить". Так из Москвы писал в берлинский "Социалистический вестник" один из его корреспондентов. Это была сущая правда.

Посмотрим теперь, что происходило в правление правых коммунистов в сельском хозяйстве, в деревне. Прежде всего бросается в глаза огромный рост сбора зерновых хлебов вследствие увеличения посевной площади, лучшей обработки полей и благоприятных метеорологических условий.

Сбор хлебов, давший в 1924 г. 514 млн. кинталов, в 1925 г. показал изумительный прирост на 45%, достиг

746 млн. кинталов. Повысившись затем до 783 млн. кинталов, он все-таки не достиг довоенного уровня, но хлеб, вследствие уменьшения его экспорта за границу, *был в изобилии.* Деревенское население его потребляло значительно больше, чем до войны. Рядом с восстановлением зернового хозяйства и технических культур шло усиленное восстановление стада. За 1924-26 гг. число лошадей возросло с 25,7 млн. голов до 29,2 млн.; крупный рогатый скот с 59 млн. до 65,5 млн.; овец и коз со 109 млн. до 132,5 млн. голов; число свиней осталось на прежнем уровне. Увеличенное в сравнении с 1916 г. стадо скота и лучший уход за ним *дали мяса и молока больше, чем в довоенное время*, что позволило усиленную продажу их в город и увеличение потребления в деревне. В 1925 г. число беспосевных хозяйств сократилось, число крестьянских дворов с обычным у середняков посевом увеличилось, также как увеличилось число зажиточных (так называемых "кулацких") хозяйств с площадью посевов, превышающей средний посев. Таких зажиточных хозяйств считалось около миллиона, и их посевы достигали 30 миллионов десятин. Ускоряемые приказом начальства и наркомзема землеустроительные работы, вырезая хутора, уничтожая чересполосицу и дальноземелье, дали возможность на 32 миллионах десятин начать осуществлять рациональную организацию землепользования и 1 300 000 хозяйств стали переходить к многополью на свыше чем 10 миллионах десятин. Разрешение "кулакам" (т. е. зажиточным хозяйствам) принимать участие в кооперации имело огромное значение в деле строительства разного рода кооперащий. В 1922 г. насчитывалось 22158 еле живущих, хилых уродских организаций, незаконно называемых кооперацией. В 1925 г. кооперацией насчитывалось 55122 и многие тысячи из них, пользуясь появившейся относительной свободой, стремились "самоопределиться" как настоящая кооперация. Особенно быстро слагались кредитные товарищества (16184) и товарищества по переработке и сбыту сельских продуктов (8803). 1925 год и первая половина 1926 г. *были поистине наиболее счастливым периодом в жизни советской деревни.* Деревня жила намного лучше, чем в годы предшествующие, и неизмеримо лучше, чем в годы позднейшие, надвигающегося сталинизма. Счастливое время пришло не только от большого улучшения материального

положения, но еще и потому, что сельские и волостные начальства и комячейки, эти носители и проводники внизу духа военного коммунизма, эти наследники безобразных комитетов бедноты 1918 г., были принуждены — под давлением сверху, при новой политике, ведущейся правыми коммунистами, временно разжать административные тиски, меньше проявлять хамское своевольс, меньше насильничать и управлять крестьянами. Пропаганда колхозов развивалась, их поощряли разными льготами, всяческим снабжением, финансированием, тракторами. *Но деревня в колхозы не шла.* Даже в 1928 г., после всяческого выращивания колхозов, вошедшие в них хозяйства составляли 1,8% общего числа крестьянских хозяйств. 1925 г. ясно показал, что деревня, спокойнее и свободнее дыша, стремится к свободному крепкому индивидуальному хозяйству, опирающемуся в своем развитии, так же как до 1914 г., на многочисленную сеть подлинной кооперации. С 1929 г. такой путь был насильно пресечен и затоптан.

Нам остается сказать, что происходило в 1925 г. в рабочей среде городов. Восстанавливающаяся промышленность позволила и быстрое восстановление реальной заработной платы рабочих. В 1913 г. месячная заработная плата составляла 32 р. 56 к. Она пала до 13 р. в 1922 г., потом стала быстро подниматься: в 1924 г. — 24 р. 68 к., *1925 г. — 30р. 02к.*, 1926 г. — 31р. 30к.

Как видим, в 1925 г. она уже подходила к довоенной, а если принять блага социального обеспечения (в таком размере не существовавшие до 1914 г.,) и сокращенный рабочий день — положение рабочих стало значительно лучше, чем до 1914 г., до октябрьской революции. Благодаря восстанавливающемуся сельскому хозяйству, обильному поступлению в города хлеба, мяса, молока рабочие городов питались в 1925 г. так хорошо, как никогда до этого времени. Оппозиция, ведя демагогическую агитацию, утверждала, что в индустрии, на фабриках и заводах восстанавливались суровые порядки капиталистического времени. Этого никак нельзя сказать о 1925 годе. Именно тогда очень упала трудовая дисциплина, увеличились прогулы по неуважительным причинам, и особенно после праздников. Для советского строя с его так называемой "диктатурой пролетариата" стачки на

государственных предприятиях — вещь невозможная, недопустимая, а в 1925 г., несмотря ни на что, они вспыхивали и уже не от голодовки, как в 1923 г., а по другим, самым разным поводам. Нежелание подчиняться ближайшему начальству — очень часто большая грубость по отношению к нему как выражение первого примитивного проявления какого-то чувства свободы — характерно для многих рабочих в 1925 г. Профессиональным союзам, комячейкам предприятий, заводским комитетам было трудно бороться с этим появившимся чувством, так как правящая верхушка в это время призывала к смягчению "администрирования", прекращению "нажимов", к "большей гибкости", большей самодеятельности масс.

Мы дали, конечно, неполную картину того особого времени, каким был 1925 г., с положенной на нем печатью идей, доктрины или школы правого коммунизма. Совокупность их идей, хотя и находилась под внешним колпаком самых заскорузлых, топорных, заезженных марксистско-ленинских формул, по своей сути имела реформистский, ревизионный характер. Путем такого "правого коммунизма" хотел сначала идти в Польше Гомулка и его же имела в виду венгерская революция 1956 г. Но ревизионизм правых коммунистов появился в партии, всем своим воспитанием, всей историей своей (несмотря на размагничивание Ленина в последнее время его жизни) неспособной, не могущей принять, переварить, усвоить этот ревизионизм. В течение последующих двух лет партийные инстанции будто бы подтверждали решения XIV конференции, но все это было лживо. Доктрина правого коммунизма начала подрываться и отвергаться с самого момента ее формулировки. Ее немедленно и полностью отвергли Пятаков, Преображенский, Серебряков, И. Н. Смирнов и все прочие "троцкисты", шедшие вслед за Троцким еще в 1923 г. Они жаждали раздавить налогами частный капитал и в крестьянине — середняке, о котором так много говорил правый коммунизм, видели лишь спрятанного дьявола-кулака. В сущности, они отвергали всю систему НЭПа. У них была задачей — "гегемония" до максимального размера распухшей промышленности, нарощение многомиллионного пролетариата, не тонущего в крестьянском море, а его полностью себе подчиняющего и подавляющего. В 1925 г.

их вождь Троцкий упорно молчал. Это загадочный период его жизни, который, однако, может быть расшифрован в связи с его подлейшим, верноподданническим письмом в редакцию "Большевика" (1925 г. № 16). Но в конце 1925 г. Троцкий уже начал будировать, а в 1926 г., возвратясь из поездки в Берлин, бросил проклятие по адресу правой политики 1925 г.:

"СССР слез с пролетарских рельсов. Политика партийного руководства сдвинула свой классовый стержень: от пролетариата к мелкой буржуазии, от рабочего к спецу, от батрака и бедняка к кулаку. За спиною аппарата стоит ожившая внутренняя буржуазия. Идет курс кооперации на производственно-мощного середняка, а под ним выступает никто иной, как кулак".

Зиновьев и Каменев первые месяцы 1925 г. свою оппозицию не особенно обнаруживали, даже публично защищали все решения XIV конференции. В середине 1925 г. их поведение меняется. Они показывают зубы. Огромную роль в этом изменении имели учащающиеся личные стычки со Сталиным, который эти стычки провоцировал. В 1923 и 1924 г. страна управлялась тройкой — Зиновьевым, Каменевым, Сталиным, и главным их врагом был Троцкий. Содрав с помощью Зиновьева и Каменева всякий авторитет с Троцкого и его унизив, Сталин с помощью правых коммунистов — Бухарина, Рыкова, Томского — стремился повалить Зиновьева и Каменева, чтобы потом, идя к единоличной власти, перешагнуть через правых коммунистов.

Почему Зиновьев восставал против политики правых коммунистов? Его ортодоксально-марксистско-ленинскую (Ленин до НЭПа) позицию можно представить, извлекая существенные, сознательно до конца не высказываемые пункты из его речей на XIV съезде в декабре 1925 г.[29]. В кратчайшем резюме его позиция такова:

"Идет ревизия ленинизма". *Школа Бухарина ревизует ленинизм* и "отступает от классовой точки зрения". О ленинизме сейчас говорят "как о Ветхом Завете", говорят, что не

29. Четырнадцатый съезд, стр. 103-121, 428-468.

нужно много цитировать Ленина, так как у него, "как у дядюшки Якова, товара всякого". У нас идеализируют, "подсахаривают НЭП", делаются попытки объявить НЭП социализмом. Игнорируют такие вещи, как "свободу торговли, существующие у нас формы распределения и торговли, неизбежное нарастание капитализма из индивидуальных крестьянских хозяйств". "Ряд крупных разногласий, среди основного ядра большевиков-ленинцев, связанных с вопросом о крестьянстве, мы, так сказать, загоняли в одну комнату", теперь они из нее выходят. Ученики Бухарина хотят "расширения НЭПа" в деревне. Нэп есть отступление, а в Политбюро кое-кто говорит, что нецелесообразно употреблять слово "отступление". "За год крестьянской политики мы не сблизились с бедняками", но кулакам Бухарин бросил призыв "обогащайтесь". Кулак — не единственная опасно-враждебная нам сила. "Кулак имеет дополнение в городе". Его дополняют нэпманы, верхушка специалистов, верхушка служащих, буржуазная интеллигенция и "капиталистическое международное окружение, которое питает, благословляет и поддерживает кулака". Крестьянина середняка и можно и должно назвать мелким буржуа, а кто этого не видит — "беспардонно идеализирует середняка". "Кто не хочет по-ленински сказать всю правду о кулаке, тот неизбежно должен подсовывать своему оппоненту недооценку середняка". "Социализм не на мази для того, кто не докажет, что у нас есть 110% середняков". "Бесспорно, мы строим социализм, но спорим о том, можно ли окончательно построить социализм в одной стране, и при том не в такой стране, как Америка, а в нашей, крестьянской". "Года два назад вопрос этот не вызывал в нашей среде никаких споров, был совершенно ясен. Сталин писал: "Свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране еще не значит обеспечить полную победу социализма. Можно ли разрешить эту задачу без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? *Нет, невозможно.* Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а *как подспорье*, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах". Вот постановка вопроса, которая в 1924 г. была абсолютно бесспорна среди ленинцев. Только теперь и не без

успеха запутывают этот вопрос так, что действительно перестаешь различать — где же его "настоящая, правильная, ленинская постановка".

Позиция Каменева, едко нападающего на Бухарина, аналогична зиновьевской. Бухарин, говорил Каменев, настаивает на том, что будто бы основная задача партии — это ликвидация военного коммунизма, но разве главная опасность в рецидиве военного коммунизма? Опасность не в нем, а в недооценке отрицательных сторон НЭПа. Если в 1925 г. есть какое-либо более или менее оформленное течение, представляющее искажение подлинной линии партии, то это именно то течение, которое приукрашивает отрицательные стороны НЭПа. "Опасность в росте капиталистических отношений в деревне, нэпманов в городе". Опасность в "сползании в нашем идейном аппарате, в "Правде", в школе бухаринских учеников-пропагандистов, которые, не встречая серьезного отпора со стороны ЦК, наоборот, пользуясь прикрытием со стороны известной группы ЦК, распоясались и ведут зловредную агитацию, *зловредную ревизию ленинизма*. На XIV конференции мы пошли на допущение аренды земли и наемного труда в сельском хозяйстве, но тот, кто думает, что это уступки середняку, не имеет ничего общего ни с ленинизмом, ни с марксизмом. Нужно осудить наивную теорию, забывающую, что "расширение НЭПа есть расширение и оживление капиталистических элементов, т.е. кулачества и нэпманства".

В критике правых коммунистов Зиновьев и Каменев не оставались одинокими. В Ленинграде, где Зиновьев царил в качестве председателя Совета Рабочих депутатов и хозяина "Ленинградской правды", за ним, разделяя его идеи, шла вся тамошняя правящая верхушка.

Подрыв правого коммунизма шел не только со стороны его противников в самом СССР. Очень его компрометировали похвалы *извне* от эмигрантов-сменовеховцев. Среди них особенное впечатление производили похвалы проф. Устрялова, тем более, что он принимал октябрьскую революцию как неизбежное и необходимое историческое событие и о вожде октябрьской революции восторженно писал: "Ленин наш, Ленин подлинный сын России, ее национальный герой, рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и

Толстым" В вышедшей в Харбине в 1925 г. книге "Под знаменем революции" Устрялов указывал, что русская революция, пройдя весь предназначенный цикл изменений, подошла к стадии, когда уже обнаруживается ее объективный исторический *конечный* смысл: под покровом коммунистической идеологии слагается новая буржуазная демократическая Россия с "крепким мужиком" в качестве центральной фигуры. К власти, писал Устрялов, мы, сменовеховцы, в отличие от Милюкова, не стремимся, но мы хотим, чтобы русский мужичек получил все, что ему полагается от наличной революционной власти". Аграрные мероприятия правых коммунистов вызвали у него высокую оценку. Он видел в них "новую волну здравого смысла, гонимую дыханием необъятной крестьянской страны". О неизбежности перерождения коммунистического строя в строй буржуазный Устрялов начал писать тут же после введения НЭПа, и Ленин в апреле 1922 г. на XI съезде партии по этому поводу говорил:

"Такие вещи, о которых пишет Устрялов, возможны, надо сказать прямо. История знает превращение всяких сортов. Враг говорит классовую правду, указывая на опасность, которая перед нами стоит. Поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет". В 1925 г., вспоминая слова "Ильича", противники правого коммунизма указывали, что правящая группа своим ревизионизмом и своими мероприятиями привели страну к такому положению, что мечтания Устрялова начинают осуществляться.

Сменовеховская литература все же не производила того сильнейшего впечатления, которое создавали статьи в берлинском "Социалистическом вестнике" меньшевиков, а в 1925 году его читали не только члены Политбюро, ЦК и ЦКК, но и весьма широкий круг ответственных работников коммунистов (и даже некоммунистов) всех учреждений. Впечатление от тех статей было тем сильнее, что анализ событий, изменений политики СССР производили не буржуазные публицисты, как Устрялов, а бывшие товарищи по партии, вооруженные ортодоксальной марксистской теорией. О том, как смотрел "Социалистический вестник" на то, что происходило в СССР в 1925 г., можно судить хотя бы по

следующим кратким извлечениям из статей Шварца, Далина, Дана и докладной записки бюро ЦК Российской Социал-Демократической Рабочей партии.

"Власть поворачивается лицом к крепкому крестьянству, к кулаку. Теория классовой борьбы замещается теорией гармонии интересов крепкого хозяйства и деревенской бедноты. Деревенская администрация уже сейчас все больше попадает под влияние кулацких элементов. Курс на кулака процесс этот несомненно ускорит. Консолидация под покровом коммунистической диктатуры хозяйственно крепких элементов деревни и приспособление крепким крестьянством коммунистической диктатуры к своим нуждам выступает со всей наглядностью".

"Возрождение капиталистического хозяйства было предрешено с того момента, как выбросили военный коммунизм. Ныне буржуазия под псевдонимом старательных крестьян, спецов, красных купцов, объявлена полезным членом коммунистической республики".

"Весь период военного коммунизма оказался переходным не от капитализма к коммунизму, а от старого помещичье-капиталистического к новому крестьянско-капиталистическому хозяйству".

Коммунистическая революция оказалась ничем иным, как длинным, мучительным и кровавым путем к развязыванию хозяйственных и буржуазных капиталистических отношений в России. Великий опыт Ленина потерпел решительное крушение".

"Под покровом диктатуры пролетариата происходит оформление буржуазных элементов. Советская национализированная промышленность подчинена стихии крестьянского хозяйства. В ней нет и зародыша планового хозяйства. Все более укрепляется позиция частного хозяйства, которое уже почти полностью завладело сферой оптовой и розничной торговли. Растут капиталистические фирмы, аренды, применение наемного труда в крестьянском хозяйстве, ростовщичество, кабальные сделки. Растет процесс политического оформления буржуазных элементов, растет их классовое сознание, растет классовая рознь между ними и пролетариатом. Наша партия (партия с.-д.) полагает, что основной задачей пролетарской партии должна быть организация со-

противления против нарождающейся буржуазии. Правящая (коммунистическая) партия идет обратным путем. Она ставит ставку на кулацкое (капиталистическое) хозяйство в деревне; она допускает неограниченный рабочий день и ненормированные условия труда сельских рабочих. Она снижает налоговое бремя и предоставляет льготы частному капиталу; она допускает (правда, в ограниченных размерах) борьбу кулачества за овладение советами. Она не только не разжигает классовую борьбу в крестьянстве, но проповедует социальный мир между кулаком и безлошадниками, между хозяином и батраком".

Нет нужды доказывать, насколько политически вредны были цитируемые статьи, фактически бессознательно направленные против ухода от военного коммунизма, против "второго спуска на тормозах", и это писалось в 1925 г., время наиболее счастливое в жизни всех слоев населения СССР. Политический вывод авторов этих статей, конечно, отличался от выводов троцкистско-зиновьевской оппозиции, анализ же происходящего в стране у них полностью совпадал. Разница только в том, что "Социалистический вестник" высказывал с максимальной резкостью то, что более смягченно говорили троцкисты и зиновьевцы. С этой точки зрения Бухарин и его единомышленники были правы, говоря, что критика оппозиции шла дорогой вражеского меньшевизма. Изнутри и извне идущий подрыв политики и взглядов правых коммунистов заставлял их отступать от ряда сделанных ими раньше заявлений. Так, в октябре 1925 г. Бухарин должен был публично отказаться от лозунга "обогащайтесь", беспрепятственно ходившего с апреля. Отрекся он и от "неудобной" фразы в статье, помещенной в "Большевике": "Мы кулаку оказываем помощь, но и он нам. В конце концов, может быть внук кулака скажет нам спасибо, что мы с ним так обошлись". Сделаны были и другие уступки, и, например, следующая. Пленум ЦК в октябре основательно обсудил вопросы внешней торговли. "Наше хозяйство, — гласит его резолюция, — все более втягивается в мировой товарный оборот и рост нашего хозяйства может быть лишь достигнут при условии максимального расширения связи с мировым хозяйством". "В области международных отношений, — добавляла резолюция XIV съезда, — налицо закрепление и

расширение передышки, превратившейся в целый период так называемого *мирного сожительства СССР* с капиталистическими государствами. О "мировой революции" правые коммунисты в 1925 г., можно уверенно сказать, совсем не думали. Поэтому совершенно неожиданно, как пуля из ружья вылетела на XIV съезде в декабре директива — "держать курс на развитие и победу международной пролетарской революции". Это было сделано, чтобы парировать удары оппозиции, утверждавшей, что правящая часть партии, охваченная "национальной ограниченностью", стремлением "строить социализм лишь в одной стране", предает навсегда забвению идею мировой революции. К осени 1925 г. стало ясно, что им нельзя держаться только за постановления и декларации, сделанные в апреле. Нужно создать дополнительно какую-то идеологическую "кольчугу", чтобы, имея ее, смелее наступать на оппозицию и в то же время, сохраняя себя, защищаться от обвинений в потакании "кулачеству" и "сползании с пролетарских рельс". В прениях, схожих с догматическими спорами на Вселенских Соборах о двух природах в Христе, с манипуляцией марксистскими канонами и при сознательной лжи, сугубо, но трусливо проявленной обеими сторонами (и оппозицией, и правыми коммунистами), — такая идеологическая кольчуга и была выработана Бухариным.

Вот как она появилась.

Критикуя правых коммунистов, упрекая их в искажении "классовой действительности", оппозиция допытывалась, действительно ли признают они закон, канон о "дифференциации" деревенского населения. На это правые коммунисты отвечали, конечно, утвердительно, ибо Канон есть Канон. Но что заключает в себе этот Канон? По Ленину это означало неизбежное, ничем не останавливаемое расслоение сельского населения на "бедняков, середняков и кулачество". Бедняки села и батраки всегда почитались родными братьями рабочих городов, составляли с ними единый пролетарский класс. А все, что было вне их, Ленин долгое время считал мелкой буржуазией с крайним выражением ее в виде кулаков — "вампиров, кровопийцев, пиявок, самых зверских, самых грубых, самых диких эксплуататоров" (см. его

статью "Идем в последний и решительный бой", написанную в первой половине 1918 г.). Против всей сельской буржуазии, как силы в основе своей враждебной социализму, и были двинуты в 1918 г. комитеты бедноты. На такой позиции ленинизм не удержался и вместо насильственного подчинения середняка социализму выдвинул другую тактику: в борьбе за социализм нужно "нейтрализовать" середняка. Не удержавшись и на этой позиции, Ленин вместо нейтрализации середняка выдвинул новый тезис: для построения социализма нужен под водительством пролетариата союз с середняком и признание старательного крестьянина (середняка) центральной фигурой нашего хозяйственного подъема. Около этой фигуры и завязалась в 1925 г. полемика, полная злобы и лжи. Наступая на оппозицию, правые коммунисты домогались от нее прямого и ясного ответа — признает ли она ленинский завет о союзе с середняком и о "ставке" на него. Труся открыто выступать против ленинизма, оппозиция кончиками губ отвечала: разумеется, признаю! И тут была ложь, большая ложь. Внутренне, по своим издавна сформировавшимся убеждениям вся оппозиция (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Преображенский, Пятаков и все прочие) отшатывалась от мужика вообще, подобно меньшевизму, бывшему течением, партией только городских рабочих. В мелком буржуа — середняке оппозиция, исходя из того, что он стремится к зажиточности и по закону "дифференциации" делается вампиром-кулаком, видела опасную фигуру. Из массы делающихся зажиточными старательных середняков могла сложиться богатая деревня. Подняв голову, сознав свою силу, она будет противостоять городу, а в удобный момент постарается опрокинуть ей чуждую пролетарскую власть. При таком отношении к подавляющей массе крестьянства оппозиция боялась требуемого крестьянством расширения или установления настоящего НЭПа и в конце концов логически, "прямо подходила к старой троцкистской тезе, гласящей, что пролетариат "неизбежно войдет во враждебные столкновения" с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. "Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое

разрешение только в международном масштабе на арене мировой революции пролетариата"[30].

А это убеждение отрицало развиваемую правыми коммунистами идею возможности построения социализма в одной стране *без помощи мировой революции* и давало им право обвинять оппозицию в полном неверии в судьбы социалистического строительства в России.

Отвечая на удары, оппозиция, в свою очередь, стремилась добиться от правых коммунистов категорического ответа: признают ли они существование в деревне опасного для советского строя кулачества, стремящегося подчинить себе всю массу середняков.

Не смея отрицать канон "дифференциации" и неизбежно ею создаваемый слой кулаков, "вампиров, кровопийцев, самых зверских эксплуататоров", правые коммунисты отвечали: кулачество в деревне несомненно существует. И под этим ответом скрывалась большая и сознательная ложь. В том-то и дело, что в 1925 г. этих "вампиров и кровопийцев" в деревне уже почти не было. Восьмилетнее управление деревни сначала комитетами бедноты, потом дикими комъячейками сельских и волостных советов выжгло кулаков, а новым не позволило сложиться. Когда Калинин в статье от 22 марта 1925 г. в "Известиях" заявил, что "Кулак это жупел, это призрак старого мира. Это не общественный слой, даже не группа, даже не кучка, это вымирающие единицы" — никто тогда ему не возражал. Это была сущая правда, но когда через полгода некий Богушевский в статье в "Большевике" слова Калинина почти повторил, из Кремля пришел приказ на Богушевского свирепо накинуться. Термином "кулак" все свободно оперировали, наличие опасного "кулачества" признавалось явлением неизбежным, иначе пришлось бы отрицать "закон дифференциации", но правые коммунисты знали, что кулака довоенного типа в деревне в 1925 г. нет, есть лишь "вымирающие единицы". А так как "кулака-вампира" все-таки надо было во что бы то ни стало найти, кулаком стали называться крестьяне, до революции имевшие, а после революции переставшие иметь или купленные земли, или

30. Предисловие Троцкого, написанное в 1922 г. к книге "1905 год".

мельницу, или торговое предприятие. Бюджетное обследование 1925 г. показало, что средн крестьян, сеявших свыше 16 десятин, была часть таких, которые пронзводили посевы на такой же площадн еще до войны. В степной Украине этих сохраннвших прежнюю посевную площадь было 39%, в центральной земледельческой области — 21%, в Белоруссин — 44%. Все эти посевщики свыше 16 десятин стали называться кулаками. Но что выделяет крестьянское хозяйство, сеющее свыше 16 десятнн от хозяйств с меньшим посевом? Так называемая "динамическая перепись" 1927 г. дала ответ. У хозяйств, сеющих до 2 десятин, семейный состав в среднем нз 4,3 человек; у сеющнх от 2 до 8 десятин этот состав из 5,2 человек, а у сеющнх свыше 16 десятнн семейный состав в среднем на двор — 6,4 человека. Не "кровопийство", не ростовщичество, не какая-то эксплуатация бедняков, а значнтельно большее чнсло рабочнх рук в семье давалн ей возможность засевать большую площадь, держать больше скота, продавать больше зерна, покупать больше машин, делаться зажнточнее. Чтобы создающегося таким образом неравенства в деревне не было, следовало бы предписать всем крестьянскнм хозяйствам иметь однпаковый семейный и рабочнй состав, для чего каким-то особым способом регулировать зачатня н рождения. Правые коммунисты ставили ставку на "старательного середняка", развивающего свое хозяйство, на благо всей страны становящегося зажнточным. В то же время партийным каноном онн прнпуждались объявлять этого зажнточного середняка — кулаком, т.е. врагом. Это драматнческое противоречие правые коммунисты несомненно ощущалн, в "дипломатической" форме его вскрывалн, а устранить окончательно не смелн. Их ревнзнонпзм не был так смел, не шел так далеко, чтобы опрокнпуть многие каноны. Когда Бухарин бросил свой лозунг "обогащайтесь", он нмел в виду не кулака-вампнра, а идущего к зажнточностн середняка, н всетаки от лозунга своего принужден был трнжды отречься. Рыков, указывая на то, что между кулаком н зажнточным середняком *грани* провестн невозможно, часто говорил: "Мы черт знает что делаем! Ведь в угоду Троцкому, Пятакову, Зиновьеву мы называем кулаком подлнпного середняка, совершенно законно желающего быть зажнточным. Насколько была бы ясн ее н успешнее аграрная полнтика, еслн бы нам

не мешал Троцкий и его компания". Лучше чем кто-либо, драматическое противоречие понимал народный комиссар земледелия В. П. Смирнов, которому с ним работающая "не покладая рук" коллегия народников во главе с проф. Кондратьевым докладывала детально обо всем, что делается в сельском хозяйстве. Принуждаемый каионами лгать и выдумывать "кулака-вампира", Смирнов указывал на "злостную эксплуатацию, кабальные сделки, практикуемое ростовщичество" и в то же время в брошюре "Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства" писал: "Путаница в том, что к кулацким хозяйствам часто (не лучше ли сказать — почти всегда!) причисляют, со всеми вытекающими отсюда выводами, крепкое трудовое крестьянское хозяйство, находящееся в зажиточной части середняцкой группы". "Крик о кулаке идет на 90% (не лучше ли сказать — на 100%!) о мужике, у которого наличие мертвого инвентаря не выходит за пределы трудового землепользования". У нас "возможность зарождения кулачества на трудовом наделе чрезвычайно затрудиеиа, так как владение капиталом-инвентарем не есть база для широкой эксплуатации", а процесс накопления в деревне совершается именно в форме увеличения инвентаря. Словом, Смирнов не видел в деревие вампира-кулака, но, боясь обвинений в сокрытии кулака и отрицании "закона дифференциации", делал вид, что хорошо видит "вампира". Это было правило. Ему подчиинялись и статистические работы того времени. Вообще говоря, они стояли тогда на высоком уровие, но как только вопрос заходил о "дифференциации" и кулаке, в ход пускалась предвзятая, тенденциозная аранжировка цифр и совершенио ложные к ним комментарии.

Из всего вышесказанного уже легко представить себе, какого рода "идеологическую кольчугу" выковал Бухарин для нужд и защиты правокоммунистических идей. К Пленуму ЦК в октябре 1925 г. он составил записку, в которой говорится, что партия, ведя совершенно правильиую политику, выражеиную в постановлениях Пленума ЦК и XIV конференции в апреле месяце, констатирует существование двух отклонений от этой политики. Первый уклон — это недооценка опасности, создаваемой ростом буржуазных и капиталистических элементов в городе и ростом кулачества,

в результате происходящей в деревне дифференциации. Второй уклон — это недооценка середняка, непонимание важности союза с ним, боязнь "середняка", грозящая подрывом пролетарской диктатуры". На Пленуме ЦК дипломатично не был поставлен вопрос, какой из уклонов опаснее, поэтому под предложенной Бухариным двустворчатой формулой подписались и правые коммунисты, и Зиновьев, Каменев и их единомышленники. Обе группы при этом лгали. Оппозиция считала, что кроме "кулацкого", никакого другого опасного уклона в партии нет, а бухаринцы полагали, что опасен совсем не "кулацкий" несуществующий, (измышленный) уклон, а только уклон "второй", грозя срывом ведущейся в 1925 политики в деревне, приводящий к уничтожению НЭПа и практике раскулачивания. С этим убеждением бухаринцы и пошли на XIV съезд, происходивший 18-31 декабря 1925 г. Во многих отношениях он замечателен. Состав съездов, начиная с XII, подбирался чрез аппарат секретариата Политбюро правящей в то время группой. Состав XIV съезда в своем подавляющем большинстве был тоже подобран, состоял из "статистов", а так как им было известно, куда наверху дует ветер, появление на кафедре в качестве председателя съезда Рыкова — одного из самых больших лидеров правых коммунистов — участники съезда "встретили стоя бурными аплодисментами, переходящими в овацию". Это уже было предвестником успеха правых коммунистов. Но съезд пошел дальше. Произошло не просто, как на XIV конференции, принятие идей правого коммунизма, а их настоящий триумф. Съезд заявил, что "целиком и полностью одобряет решения XIV конференции по крестьянскому вопросу, в том числе о расширении арендных прав и права найма рабочей силы, о помощи кустарной промышленности, о переходе от системы административного нажима к экономическому соревнованию и т.д. Съезд констатирует, что только этот поворот партийной политики коренным образом улучшил положение в деревне".

В свете последующих событий замечательно именно то обстоятельство, что на съезде глашатаем идей правых коммунистов, их главным защитником, опорой явился Сталин с его докладом от имени ЦК. Триумф сказался в полном одобрении политики правых коммунистов в области промышлен-

ности. Ратуя за ее развитие, за превращение СССР в страну, производящую машины и оборудование, они мыслили такое развитие без крайнего напряжения сил населения, без высасывания (по Преображенскому) средств из сельского хозяйства для непосильного стране ускоренно-максимального процесса индустриализации. Их взгляд выражен в следующей резолюции съезда:

"Развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако, *в строгом соответствии* с "емкостью рынка и с *финансовыми возможностями*". В "строгом соответствии" с этой линией правых коммунистов Сталин и держал речь о развитии промышленности. Будучи примитивной по форме и по части аргументов, она полна призывов к осторожности, сдержанности, к скупому, разумному употреблению средств, к охране "нашей валюты". Вследствие ее умеренности неприемлемая для оппозиции, она по духу совпадает с промышленной политикой, которую вел в ВСНХ такой правый коммунист, как Дзержинский. В ней нет ни малейшего намека на директиву "выше темпы", которую Сталин будет лансировать, уйдя от правых коммунистов и "бешено"заражаясь идеями оппозиции.

"Мы должны, — призывал Сталин, — быть особенно скупыми и сдержанными в деле расходов накапливаемых средств, стараясь каждую копейку вкладывать разумно. Можно было бы, например, увеличить вдвое отпуск сумм на сельскохозяйственный кредит, но тогда не осталось бы необходимого резерва для финансирования промышленности. Промышленность далеко отстала бы в своем развитии от сельского хозяйства, выработка фабричная сократилась бы, получилось бы вздутие цен на фабрикаты со всеми вытекающими отсюда последствиями. Можно было бы положить вдвое больше ассигнований на развертывание промышленности, но это был бы такой быстрый темп развития промышленности, которого мы не выдержали бы ввиду большого недостатка свободных капиталов. Мы наверное сорвались бы, не говоря уже о том, что не хватило бы резерва для кредитования сельского хозяйства. Можно было бы двинуть вперед развитие нашего импорта, главным образом импорта оборудования, вдвое больше, чем это имеет место теперь, чтобы бе-

шеным темпом двинуть развитие нашей промышленности, но это могло бы вызвать превышение ввоза над вывозом, образовался бы пассивный торговый баланс, была бы подорвана наша валюта, т.е. была бы подорвана та основа, на почве которой только и возможно планомерное развитие промышленности. Можно было бы, не глядя на это, двинуть вперед экспорт во всю бешеным темпом, не обращая внимания на состояние внутреннего рынка, но это обязательно вызвало бы большие осложнения в городах в смысле бешеного поднятия цен на сельскохозяйственные продукты, в смысле подрыва, стало быть, заработной платы. Можно было бы поднять вовсю заработную плату рабочих не только до довоенного уровня, но и выше, но это вызвало бы понижение темпа развития нашей промышленности, ибо развертывание промышленности при наших условиях, при отсутствии займов извне, при отсутствии кредита, возможно лишь на основе накопления некоторой прибыли, необходимой для финансирования и питания промышленности. А это было бы исключено, т.е. было бы исключено сколько-нибудь серьезное накопление, если бы темп подъема заработной платы был взят нами чрезвычайно ускоренно".

Оперируя бухаринской формулой о двух уклонах, Сталин и в этой острой области выступил с защитой взглядов правых коммунистов:

"Говорят о кулацком уклоне в партии... Это глупо. В партии не может быть кулацкого уклона, а есть лишь уклон в преуменьшении роли кулака и вообще капиталистических элементов в деревне, в замазывании кулацкой опасности. Но есть и второй уклон, состоящий в раздувании роли кулака и вообще капиталистических элементов в деревне, в панике перед этими элементами, в отрицании того, что союз пролетариата и бедноты с середняком возможен и целесообразен. Какой уклон хуже? Оба хуже, но если задать вопрос коммунистам, к чему готова партия, к тому, чтобы раздеть кулака или к тому, чтобы этого не делать, но итти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия более всего подготовлена к лозунгу — бей кулака! Дай только, и мигом разденут кулака. А вот что касается того, чтобы не раскулачивать, а вести более сложную политику изоляции кулака чрез союз с середняком, то это дело не так

легко переварить. Вот почему я думаю, что в своей борьбе против обоих уклонов партия все же должна сосредоточить огонь на втором уклоне (аплодисменты). Этот второй уклон ведет к разжиганию классовой борьбы в деревне, к возврату комбедовской политики раскулачивания, к провозглашению, стало быть, гражданской борьбы в нашей стране, и, таким образом, к срыву всей нашей строительной работы".

В декабре 1925 г., как и в мае и июне, Сталин, как видим, продолжает быть вместе с Бухариным, против "разжигания классовой борьбы", против "гражданской войны", значит, за гражданский мир. Мы не можем останавливаться на том, что на съезде говорили Зиновьев, Каменев и их подручные из ленинградской оппозиции. Самое существенное в их речах мы уже изложили. Вся оппозиция слушала с крайним раздражением призыв Сталина открыть *огонь по оппозиции*, как самом опасном уклоне. В этом она видела новую победу правых коммунистов. Ближайшей целью оппозиции было свергнуть и уничтожить в Политбюро подавляющее влияние Бухарина, Рыкова, Томского и идущих за ними Калинина и Молотова. Сталин отбил эту атаку, категорически объявив: без Рыкова, Бухарина, Томского, Калинина, Молотова руководить страной невозможно.

Самой одиозной в глазах оппозиции фигурой был, конечно, Бухарин, на него она направляла свои главные удары. "Вы, очевидно, воскликнул Калинин, – крови бухаринской хотите, производя жестокий его обстрел, желая свести на нет одного из крупнейших авторитетов нашей партии". Подхватывая слова Калинина, Сталин наступал на оппозицию:

"Почему продолжается разнузданная травля тов. Бухарина? Они требуют крови Бухарина. Именно этого требует Зиновьев, заостряя вопрос о Бухарина. Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте". Эти слова были покрыты громкими аплодисментами. А Рыков, с целью показать ценность и теоретическую прозорливость Бухарина и еще больше реабилитировать его от какой-либо склонности к кулацкому уклону, счел нужным выступить со следующим дифирамбом по адресу Бухарина:

"Я хочу о тов. Бухарине сказать, что первый, кто у нас в партии установил существование двух уклонов и их опас-

ность, был именно тов. Бухарин. Наличие их он установил уже тогда, когда еще никто об этом не говорил. Он определил их наличие в своей речи на XIV конференции".

Рыков и Бухарин в кулацкую опасность совсем не верили. Поэтому дружеское сообщение Рыкова о Бухарине нужно принять с соответствующей поправкой. В заключение несколько выдержек из речи на Съезде Каменева:

"Скажите мне, может ли ЦК стать на линию Бухарина, согласен ли ЦК с линией Бухарина? Я утверждаю, что нет в ЦК и не было до последнего заседания человека, который сказал бы: лозунги, даваемые Бухариным, толкование середняка, даваемое школой Бухарина, толкование общей опасности, будто бы стоящей перед партией в смысле срыва НЭПа, что все это правильно. Я говорил т. Сталину, не похоже на то, чтобы ты был согласен с этим, но когда т. Сталин выходит и делает из своего доклада директивный вывод — *огонь по этой стороне*, я тогда должен сказать, что ошибался. Видимо, внутреннее соглашение т. Сталина с этой политической линией гораздо большее, чем я мог предположить. Если лозунг "обогащайтесь" мог в течение полугода ходить по нашей партии, то виноват в этом тов. Сталин. Я спрашивал его: ты согласен с этим лозунгом? Нет, не согласен. Почему же ты мешаешь партии ясно и точно опровергнуть этот лозунг?"

Свою речь Каменев закончил заявлением, что, во-первых, "мы против того, чтобы создавать теорию "вождя", и во-вторых, "наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб. Если бы партия приняла определенную политическую линию, ясно отмежевывая себя от тех уклонов, которые сейчас поддерживает ЦК, то этот вопрос не стоял бы сейчас на очереди. Я говорил это т. Сталину лично, неоднократно говорил группе товарищей ленинцев, и повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что т. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистской партии"[31].

На слова Каменева съезд ответил грандиозной овацией в честь Сталина, т.е. бурно выраженным признанием, что он

31. Четырнадцатый съезд, стр. 269-273.

есть настоящий объединитель и руководитель партии. Но ведь Сталин выступал на съезде именно как выразитель, защитник, глашатай идей правого коммунизма. Значили ли овации по адресу Сталина продолжение, распространение, укрепление влияния правых коммунистов? Произошло нечто, чего, казалось бы, нельзя было ожидать. После разгрома на съезде и особенно после съезда Зиновьева, Каменева и их единомышленников, бросившихся теперь к Троцкому, чтобы создать объединенную оппозицию, начался отход Сталина и им подобранного ЦК от идей правых коммунистов. Начался постепенный отход от НЭПа и возвращение к духу и системе военного коммунизма, т.е. туда, куда и клонила разбитая оппозиция. "Пес возвратился на свою блевотину". Триумф правых коммунистов на XIV съезде, этом финальном моменте 1925 г., оказался их последним триумфом. Ревизионизм Бухарина и его единомышленников был пресечен, а потом и полностью задушен. Начавшийся здоровый эволюционный процесс сменила другая "столбовая дорога".

Приложение 1

Встречи с Максимом Горьким

Я познакомился с Горьким в конце 1905 г. в Москве, придя на свидание к Красину, будущему народному комиссару. То был апогей славы Горького — автора "Челкаша", "Буревестника", "Мещан". Собрание сочинений его шло, кажется, седьмым изданием, а пьеса "На дне", с огромным успехом поставленная в 1902 г. Художественным театром, в печати выдержала 14 изданий в один только год. Стоило Горькому появиться в каком-нибудь ресторане Москвы или Петербурга, и оркестр начинал в его честь играть "Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно", песню из "На дне", ставшую популярной по всей России благодаря Художественному театру. Много лет спустя (в 1915 г.) Горький мне говорил, что эта унылая песня так ему осточертела, столь опротивела, что он слышать ее не мог. Он стал ненавидеть ее с такой же силою, как "пирог с морковью", а "доколе буду жив", шутил он в письме ко мне в 1930 г., "не угаснет в душе моей пламень ненависти к моркови". В 1905 г. Горький внешне был таким, как на превосходном портрете, нарисованном Серовым несколько лет пред этим. Лицо его еще не было так некрасиво и сурово, не походило, как в позднейшие годы, на усатого моржа: копну в беспорядке спадавших волос он еще не сменил на прическу бобриком, щеткой торчащих жестких волос. Европейского костюма он тогда демонстративно не носил. На нем была черная рубашка-косоворотка, подпоясанная ремнем, и широкие штаны, всунутые в высокие сапоги. Подобный костюм носили мастеровые побогаче, наездники на бегах, приказчики в Китай-Городе и

помещичьих усадьбах. В сущности, это был очень "мещанский" костюм. Несколько непонятно, почему в нем щеголял Горький, объявивший войну всему внешне- и внутренне-"мещанскому". Однако не это привлекало внимание при первом с ним знакомстве, а его говор. Он сильнейшим образом "окал", т.е. твердо, явно, подчеркнуто произносил "О" там, где в центральной России говорили "А". Это был говор рабочих, крестьян, мещан "городков Окуровых" некоторых губерний, например Владимирской или Нижегородской, а в ней он родился. Лев Толстой, начав свою первую беседу с Горьким, усмехнулся: "Ну, вас не нужно спрашивать, где вы родились, видно по тому, как вы окаете". А Федор Шаляпин, с которым Горький одно время был очень дружен, ему часто советовал: "Ты, Алексей Максимыч, о философии лучше не болтай. Она с твоим говором в ссоре. Начнешь говорить о Конте, получится смех — смесь французского с нижегородским". Горький сам чувствовал, что оканье, чуждое в Петербурге и Москве, придает его речи провинциальный звук и опрощает, не вяжется с большими "вселенскими" темами, которых он любил касаться. Несмотря на усилия прятать, заглушать "О", от этого говора он всю жизнь не мог отделаться.

В 1906 г. Горький уехал за границу и с 1924 г. поселился в Италии, на острове Капри. Он не желал жить в России, где после "красных дней" 1905 г. снова высоко подымала голову реакция. Кроме того, состояние его легких (туберкулез) принуждало жить где-нибудь, где потеплее. В Россию он вернулся лишь в конце 1913 г. С этого времени мое знакомство с ним возобновилось, и до половины 1918 г., в течение четырех с половиной лет, я очень часто с ним встречался и переписывался. Переписка продолжалась в 1929 и 1930 гг., когда Горький, приезжая из России (он не жил в ней в 1921-27 гг.), поселялся на зиму в Сорренто. Некоторыми впечатлениями от встреч с Горьким я и хотел бы поделиться. Но от меня, конечно, далека мысль дать здесь какой-то очерк Горького. Он слишком большая и сложная фигура и никак не может вместиться в несколько маленьких ниженабросанных страниц. Я хотел бы только указать на то, что о Горьком в печати или совершенно не упоминалось, или не привлекло к себе достаточно внимания.

Горький в 1913 г. возвратился в Россию поздоровевший, полный энергии и разных больших планов. К тому времени у него началась связь с Сытиным, главным пайщиком, в сущности хозяином самого большого книгоиздательского дела в России и самой распространенной в ней газеты "Русское слово". Ее тираж рос с каждым годом и к 1917 г. перевалил за 1 000 000 экземпляров, цифра по тому времени экстраординарная. Но Сытин, будучи русским американцем, не довольствовался достигнутыми успехами. Ему хотелось дело свое еще более расширить. В 1914 г. он начал переговоры о покупке давно существующего многотиражного, очень популярного в России иллюстрированного журнала "Нива", в приложении к которому, что крайне увеличивало число его читателей, давались полные собрания сочинений выдающихся русских и иностранных писателей. В 1915 г. это издание товарищества Маркса со всем его имуществом и правами было, при посредстве Русско-Азиатского банка, приобретено Сытиным за три миллиона рублей золотом. Сытин в то же время задался целью обзавестись собственными бумажными фабриками, снабжаться бумагой отечественной фабрикации, а не выписывать ее из Норвегии и Финляндии. В перспективе вырисовывался концерн: собственные леса для добычи древесины, бумажные фабрики, издательство учебников, книг, иллюстрированных журналов, газета, оптовая и розничная книжная сеть. Когда Сытину говорили, что это "концерн", он отвечал: "я и слова этого не знаю, но думаю, что концерны хотят наживаться, я же хочу, чтобы народ *просвещался*". Горький о замыслах Сытина был осведомлен. Он относился к ним с большой похвалой. Размах Сытина его увлекал. Он видел, что при соответствующем влиянии дело Сытина, финансово-солидное, с огромным, технически налаженным аппаратом, может быть прочной базой для широчайшей культурной и просветительной работы, а о ней, как о том будет сказано ниже, он и мечтал. И так как Сытин за ним ухаживал, и в частности за огромную сумму покупал собрание его сочинений, чтобы дать приложением к "Ниве" за 1917 год, Горький решил, что хорошо было бы использовать свое влияние на Сытина и стать, скажем, вдохновителем, высшим советником гигантского сытинского дела. "У Сытина, — говорил Горький, — плохие советники. Он тратит массу

средств на издание хлама, а между тем на эти деньги можно было бы напечатать превосходные и крайне полезные вещи". И Горький тут же давал длинный перечень действительно интересных изданий. У него существовал на этот счет большой и продуманный план: журналы для детей и юношества, популярные книжки по технике, истории труда, материальной и духовной культуре, произведения иностранных авторов, сборники начинающих русских авторов и многое, многое другое... Зная растущее влияние и тираж "Русского слова", Горький хотел, чтобы и там, как во всех других частях издательства Сытина, велась его линия, были бы люди близких к нему убеждений. Без риска быть скомпрометированным какими-либо политическими качаниями газеты, это позволило бы Горькому писать в газете, сделать ее кафедрой, с которой в тот или иной момент, он мог бы обращаться к стране. Я чуть было не написал: проповедовать. И не случайно: обличительно-социальный и проповеднический тон ему был несомненно присущ. В качестве образца можно указать на статью в "Русском слове", в которой он резко отнесся к желанию Московского Художественного театра поставить сцены из "Бесов" Достоевского. В течение нескольких лет пишущий эти строки сотрудничал в "Русском слове" и формально числился помощником редактора, последнее время был фактическим редактором газеты, так как В. М. Дорошевич жил в Петербурге, уезжал за границу, и иногда в течение полугода не показывался в газете. Было бы долго, да и излишне рассказывать, как и по каким причинам это произошло, но незадолго до приезда Горького из-за границы я ушел из "Русского слова". К моему уходу, считая меня "нетерпеливым", Горький отнесся неодобрительно. Он начал вести с Сытиным переговоры о моем возвращении на работу, а меня для обсуждения этого вопроса попросил приехать к нему в Петербург. Так начались встречи с Горьким. Но в 1914 г. разразилась война, и переговоры о вхождении в "Русское слово" я счел нужным прервать. Ненавидя войну, не веря, что Россия в ней может победить, убежденный, что нужно скорее *заключить мир*, я абсолютно не был способен вести газету с теми шовинистическими и зоологическими ухватками, которых требует газетное обслуживание войны. Сытин, настойчиво звавший меня возвратиться в редакцию,

этого понять не мог; Горький, разумеется, меня понял и во время войны разговоры о "Русском слове" прекратил. Завязавшееся с Горьким знакомство на этом не оборвалось. Наоборот, встречи с ним в 1915 и 1916 гг. участились и дали мне возможность лучше узнать его, познать, каким он был тогда и чего он хотел. Нужно напомнить, что в течение 1907-1913 гг. Горький близко подошел к большевистской партии. Ленин очень искусно его к ней притягивал. По его предложению Горький даже присутствовал на Лондонском съезде большевиков в качестве делегата с совещательным голосом. Позднее у себя на Капри с помощью Богданова, Луначарского, Базарова, Алексинского он организовал университет для приезжающих из России рабочих-большевиков. Горький даже согласился редактировать отдел беллетристики в выходившем в Петербурге в 1913 г. большевистском журнале "Просвещение". Но общественно-политическая активность в том *виде*, в каком она осуществлялась и связывалась с большевистской партией, его совершенно не удовлетворяла. В одно из первых наших свиданий в 1914 г. Горький, со свойственной ему привычкой по нескольку раз с небольшими вариациями повторять одни и те же слова, мне говорил:

"Ленин человек замечательный, очень замечательный. И большевики люди превосходные и люди крепкие. Беда только, что у них слишком много склоки по пустякам, а склоку не люблю. Очень не люблю. К тому же они норовят действовать в подполье, а я хочу действовать не тайно, а открыто. Все мы согласны в том, что революция нам нужна и что необходимо народ просвещать политически. Одного этого мало. Совсем мало. Нужно народ грамоте учить, культуре учить, почтению к труду, знанию техники. Нужно всесторонне воспитывать его. Ведь мы постылая, отсталая Азия. Толка большого не будет, пока мы не вытравим из себя азиатского духа, не станем Европой".

Лозунг *"Стать Европой"* я слышал от Горького в течение 1914-1916 гг. множество раз. Это был его постоянный рефрен, что подтвердят, вероятно, все в то время с ним встречавшиеся. И когда ему приходилось пояснять, что значит быть Европой, он неизменно отвечал: быть не рабами, а людьми свободными, уметь работать, быть культурными и

знать. Слова *знать*, *просвещать*, не сходили с его языка. Знанию он придавал значение решающего, важнейшего фактора. "Интересы всех людей, — писал он в 1926 г., — имеют общую почву, где они солидаризуются, несмотря на неустранимое противоречие классовых трений. Эта почва — развитие и накопление знаний. Знание — это сила, которая в конце концов должна привести людей к победе над стихийными энергиями природы и подчинению этих энергий общекультурным интересам человека и человечества". Такой, совсем не марксистской, а чисто просветительской, в духе развития идей Белинского и Добролюбова, была общая программа, вокруг которой Горький намеревался собрать разные группы интеллигенции и особенно писательскую братию. Для этой программы он и хотел подчинить своему влиянию самое большое издательское дело России. И если бы не произошла революция, замысел Горького, конечно, осуществился бы, ибо Сытин шел ему навстречу. Этот из крестьян вышедший, монголовидный, еле грамотный, но очень большого ума человек был исключительно чувствителен к вопросу о распространении знаний. Юношей он начал свою карьеру "офеней", обходя деревни с божественными книжками и сказками о Бове-Королевиче. Он тоже хотел быть "просветителем". Программа и планы Горького ему были по душе. Уважение к Горькому у него увеличивалось и тем еще обстоятельством, что этот писатель вышел вверх, будучи, как Сытин, "низкого происхождения". После одного из свиданий с Горьким (а Сытин по каким-то соображениям делал из них большую тайну) он мне говорил:

"Влас Михайлович Дорошевич нам из-за границы привез знание, как по французской манере телячьи почки в мадере или в портвейне готовить, а наш *чувашин Максим* (так он звал Горького) за границей большому, великому делу научился и нас просвещать будет".

Умница Сытин верно подметил, что "наш чувашин" за границей научился большому делу. Он работал там над собою по 12-13 часов в сутки. Его знания литературы, истории искусства, культуры, этнографии выросли изумительно. Огромное знание иностранной литературы было тем более удивительно, что кроме начал итальянского языка, он других языков не знал. К ним он не был способен. При разговоре с

ним часто обнаруживалось, что он знает массу всяческих мудростей. Помню, как на какой-то вопрос И. П. Ладыженского Горький однажды ответил целой интересной лекцией по антропологии народностей России. Но по части политических и экономических знаний, даже в их марксистской форме, он был весьма слаб. Он сам это открыто признавал. В очерке, написанном в 1924 г. о Ленине, Горький заявил: "У меня органическое отвращение к политике и я очень сомнительный марксист". Политиком он не был и не хотел быть. Он хотел быть идеологом-просветителем. В 1907-1913 гг. Горький, повторяю, не зря прожил за границей. Уехав из России в черной нижегородской рубахе без галстука, он возвратился в европейском костюме. Это была не только смена одежды, а глубокая внутренняя переделка и перемена. Он приехал убежденным европейцем, поклонником культуры, учреждений, техники, воззрений, активности, быта Запада. В 1916 г. в редактируемом им журнале "Летопись" (часть средств для него дана тем же Сытиным) он впервые сделал попытку систематизировать приобретенные им новые понятия, сложить их в концепцию. Он уже освободился от "богостроительной" мистики, введенной в его роман "Исповедь". Внесение ее в общественное движение ему одно время казалось нужным, чтобы религиозным пафосом углубить и поднять тонус движения. В очень значительной степени он отодвинулся и от слащавой идеализации рабочего класса, так портящей другой его роман "Мать", как и "Исповедь", тоже написанный за границей. Уход от этой идеализации стал виден в его словах: "Я плохо верю в разум масс вообще". В статье "Две души" он резко противопоставил мироощущение Запада, Европы, горячим поклонником которой стал — мироощущению Востока и России.

"На Востоке — преобладание начал чисто эмоциональных над началом интеллекта. Восток предпочитает умозрение — исследованию, научной гипотезе — метафизический догмат. Европеец — вождь и хозяин своей мысли, человек Востока — раб и слуга своей фантазии. Запад рассматривает человека как высшую цель природы, для Востока человек сам по себе не имеет значения и цены. Лозунги Европы — равенство и свобода, деятельность же Востока подневольна, ее вызывает только суровая сила необходимости".

Призывая бороться с различными азиатскими элементами русской души, с жестокостью в отношении к слабым и раболепием пред владыками, Горький объяснял исковерканность русской души "нашим близким соседством с Азией, игом монголов, организацией Московского Государства по типу азиатских деспотий и целым рядом подобных влияний, которые не могли не привить нам основных начал восточной психики".

Замечательного и нового статья Горького не давала. Скажу большее: она не была солидна, была жидкой. Со времени еще Пушкина, писавшего в 1835 г. об "отчуждении России от Европы", на эту тему существует немало серьезных и обоснованно развитых суждений. К тому же Горький, будучи блестящим художником, с ярким, звучным, народным стилем, как публицист был неловок. Тут его судьба подобна Льву Толстому и Гоголю: их публицистика раздражающе слаба. Горькому это было известно. "Я знаю, – писал он в той же "Летописи", – что я плохой публицист, это мне известно лучше тех, кто указывает на недостатки моих статей". Тем не менее статье "Две души" Горький придавал очень большое значение. Она была важна для него самого, будучи связанной с некоторыми его глубокими душевными переживаниями, являясь попыткой оформить испытанную им в Европе самопеределку. Статью свою он мне читал еще в рукописи и пред чтением, щелкая по ней длинными, кряжистыми пальцами, меня предупредил:

"Тут мое "како верую". Мысли ее мне легко дались. Буду читать без передышки, пока голоса хватит. Потом поговорим. Заранее соглашусь, если укажете, что можно было бы лучше написать. Публицист я слабый".

Почему мысли статьи ему легко дались? Горький, окончив чтение, это объяснил. Детство и юность его были крайне тяжелыми. Ни один большой писатель мира не прошел такой страдный путь житейских испытаний. С ранних лет, лишившись родителей, он пошел "в люди", зарабатывать кусок хлеба. Был мальчиком в магазине обуви, лавке с посудой, в магазине икон, служил на пароходе, был статистом в театре, пекарем, садовником, дворником, железнодорожным служащим, рабочим на ремонте, письмоводителем, и, наконец, босяком исходил всю Россию. Заболев туберкулезом, придав-

ленный жестокостью и мерзостями жизни, он пытался покончить с собою. То была минутная слабость, сменившаяся огненным приливом желания снова бороться, не сдаваться, схватить за горло общественный строй, порождающий столько несправедливостей и страданий, опрокинуть его вверх тормашками, растоптать, поджечь, изрубить со всем тем, что в нем есть и всеми теми, кто в нем процветает. Даже позднее, когда он понял, что все растоптать и поджечь не есть решение, босяцкий разрушительный анархизм еще долго жил под спудом в его душе.

"Я ведь был деклассированный, — говорил он мне. — Был вне общества. Мне труднее, чем неаполитанскому босяку, было усвоить, что такое культура и что по-настоящему переделать социальную жизнь можно лишь при свободе знанием, любовью к работе, страстью к делу. Разрушительные эмоции у меня командовали над разумом. *Чувство меры, подчиненное интеллекту*, а в нем, в сущности, вся квинтэссенция *качественно-высокой европейской мысли*, мне было чуждо. Это мешало понять, на чем стоит и чем сильна культура. Мне было трудно стать европейцем, но я не был им, как видите, совсем не по тем соображениям, которыми питался антиевропеизм славянофилов или Достоевского".

"Чувство меры, подчиненное интеллекту", а об этом, как идеале социальной и психической организации, любил говорить Горький в годы 1914-1916, определяло в его глазах и возможный характер будущей революции, хотя о ней в наших разговорах вопрос почти не ставился. Никто — и Ленин не исключение — не думал, что она может быть близкой. Это неясно стало чувствоваться лишь в конце 1916 г., после убийства Распутина. В революции, когда она пришла, Горький ни минуты не видел прелюдии к социалистическому перевороту. Но две вещи страшили его в самом начале революции. Первая, что "при нашей склонности к анархизму мы можем *пожрать свободу*", и вторая, что буржуазия, в руки которой от самодержавия переходят "развалины государства", может поправеть слишком рано. По этому поводу из-под его пера выскочила однажды следующая фраза: "Несомненно, что буржуазия *должна поправеть*, но с этим не нужно торопиться, чтобы не повторить мрачной ошибки 1906 г.". Однако в конце марта, очарованный впечатлением от высо-

кого подъема духа у сотен тысяч людей, участников грандиозной манифестации в день похорон на Марсовом Поле Петербурга павших в день февральской революции, Горький, отбросив свои опасения, стал оптимистически смотреть на дальнейший ход революции.

"Народ, — писал он мне в апреле 1917 г., — показал высокую степень сознательности, он обвенчался со свободой, и этот брак неразрываем". Я не разделял такого оптимизма. Политическая ситуация мне представлялась совсем не в радужном свете, а когда в апреле из-за границы приехал Ленин и обнародовал свои тезисы, у меня сложилось убеждение, что бессильное Временное правительство удержаться не может и Ленин обязательно придет к власти со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этом духе я и написал Горькому. Резко расходясь с его настроением, мое письмо, видимо, до того его раздражило, что через день он ответил на него просто грубо. Язвительно высмеивая меня за желание играть роль "некой дамы" Кассандры, кликуши и предсказательницы всяких несчастий", он советовал мне "быть подальше от этой женщины, хотя бы потому, что, по греческой мифологии, она была сумасшедшей и худо окончила свою жизнь". "В ваши, подсказанные Кассандрой, предсказания, — писал он, — позвольте не верить". Горький пояснял, что холодная ирония, с которой Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, выслушав тезисы Ленина, отнеслись к его анархическим призывам, является лучшим доказательством, насколько повысилась в народе политическая сознательность. Входить в полемику с Горьким и его дальше раздражать я считал совсем не нужным. На письмо его ничего не ответил. Не поднял я этого вопроса и позднее, встретившись с Горьким, а только спросил, виделся ли он с Лениным после того как тот приехал в Петербург. Горький ответил: "Ленина я ни разу не видел и не предполагаю видеть". Горький посетил Ленина только в конце 1918 г., когда Ленин лежал, раненный пулей Каплан. Позднее, в 1924 г., в очерке о Ленине Горький писал: "В 1917-1921 гг. мои отношения с Лениным были далеко не таковы, какими я хотел бы видеть их". Но, многозначительно прибавлял он, "они не могли быть иными". В конце 1921 г. Горький, у которого началось кровохарканье, снова, на семь

с половиной лет, покидает Россию, уезжая в Италию, причем уехать настойчиво советует ему именно Ленин, в августе 1921 г. писавший Горькому:

"В Европе в хорошей санатории будете лечиться, и втрое больше делать. Ей-ей. А у нас ни лечения, ни дела, одна суетня, зряшняя суетня. Уезжайте".

В год своего шестидесятилетия, т. е. в 1928 г., Горький начал на несколько месяцев приезжать в Россию, а в 1932 в ней окончательно осел. Его "европеизм" был уже совсем не ко двору в эпоху пятилеток. Приспособляясь к обстановке, созданной Сталиным, хотя он не хотел приспособляться к несравнимо более мягкой и более свободной жизни при Ленине, Горький принуждался ампутировать, скрывать, извращать целые части своего мировоззрения. При этой ампутации его ни на минуту не оставляла дорогая ему мысль как-то влиять на культурно-просветительное дело в стране, и особенно на литературу, воздействию которой на душу населения он придавал исключительное значение. Вместе с тем ему, певцу труда, крайне импонировала ведущаяся в СССР кипучая работа нового строительства. В этом отношении очень характерна его речь в 1928 г. на торжественном заседании в его честь Пленума Совета в Тифлисе:

"Если бы я был критиком и писал книгу о Максиме Горьком, я сказал бы в ней, что писатель, которого вы так преувеличенно чтите, *первый* в русской литературе понял величайшее значение труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире".

Для прославления пафоса труда под редакторством Горького с 1930 г. в СССР стали выходить два журнала: "СССР на стройке" (при *соредакторстве Пятакова)* и "Наши достижения". Увлекаясь ими, Горький заставлял себя закрывать глаза на варварские условия и азиатское презрение к человеческой жизни, при которых эти технические достижения осуществлялись. Но он знал о них. И желание, в меру имеющейся у него возможности, вытеснять азиатчину духом Европы его не оставляло. В январе 1930 г., находясь в Италии, он мне писал в Париж:

"Не пожелаете ли дать для журнала "Наши достижения" несколько бытовых очерков парижской и вообще

французской жизни? Мы думаем ввести в журнал отдел "За рубежом". Для читателей наших было бы весьма полезно ознакомиться с тем, как живет, чем живет рабочий, мелкий служащий, женщина, подростки и т.д.".

Я ответил Горькому, что напишу очерк, как живет и работает французский рабочий, об оплате его труда, как он одевается, питается, сколько платит за квартиру, какова обстановка этой квартиры и т.д. Через два дня Горький сообщил: "Это как раз то, что надо, а посему убедительно прошу — напишите очерк". Немного позднее, подгоняя меня скорее прислать статью, Горький прибавлял:

"Очерки европейского быта нам крайне важны. Быт наш тяжек, нездоров, полон азиатских наслоений. Нужно его *чистить и чистить*. Корректуру в него может внести знание Европы и европейской жизни".

Так, повторим, Горький писал в *1930 г.* Но с каждым последующим годом мысль о "корректуре" Азии Европой, о каких-либо полезных "бытовых" заимствованиях из нее владыкам Кремля все более представлялась предосудительной, подозрительной, вредной. Внедрялась шовинистическая идея, что все совершенства и блага мира уже находятся в стране восточного деспота — гениального Сталина. Маршируя вслед за этой эволюцией, М. Горький, к удивлению знавших его людей, даже водрузил на свою голову татарскую тюбетейку, в которой доселе видел эмблему Востока, столь же отвратную ему, как "пирог с морковью". Очень памятно, как однажды Горький мне говорил:

"Отталкивание от европейской культуры может проявляться в виде кажущихся неважными мелочей. Реакционер Константин Леонтьев, например, остервенело убеждал турок, татар и балканские народы не расставаться с феской, с тюбетейкой и не надевать европейского костюма. Он не без основания рассчитывал, что под феской и тюбетейкой дольше и крепче продержится в черепе азиатский дух".

Нужно ли пояснять, что даже и остатки европеизма Горького были бы сочтены подлым, шпионским и вредительским воззрением в годы 1946–48, когда приказом Сталина и Жданова ненависть к европейской культуре была объявлена обязанностью советских граждан и предписано было "очистить" литературу, театр, музыку, живопись, историю,

философию, биологию, лингвистику и вообще все области науки и жизни от того, что злобно было названо "низкопоклонством перед Западом". К счастью для него, Горький до этого подлого времени не дожил. Он умер от воспаления легких в 1936 г., а через два года на московском процессе, окончившемся казнью последних представителей ленинской гвардии, знаменитый Вышинский объявил, что Горький убит по постановлению Троцкого, Рыкова, Бухарина и начальника ГПУ Ягоды.

В европеизме Горького была сторона, на которой, ввиду ее исключительной важности, обязательно следует остановиться. Приехав как-то в 1915 г. из Петербурга в Москву, Горький позвонил мне по телефону:

"Ждите меня к завтраку. Приду не один, приведу с собой одного человечка-мужичка. Кто? Не скажу. Сами увидите. Очень интересный. Нет, не интересный, а полезный. Прошу если не любить, то жаловать".

Человечком-мужичком, пришедшим с Горьким, оказался беллетрист Семен Подъячев. Он действительно был из крестьян и жил в деревне в Дмитровском уезде недалеко от Москвы. К 1915 году, при содействии Горького, которому, как множество других лиц, он посылал на Капри свои пробы пера, ему удалось напечатать два тома рассказов, посвященных быту деревни. В его изображении она была адом. Убийства, поджоги, кражи, месть, драки, повальное пьянство, разврат, темнота, жестокость, алчность. Ни одной малейшей светлой черты в непробудном, безнадежном, страшном сельском мире. Я протестовал. Такое тенденциозно-перегнутое кривое изображение недопустимо. Даже с точки зрения формы нельзя было сказать, что оно талантливо. Ответ Горького незабываем:

"Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Пусть очерки Подъячева не художественное произведение, но они репортаж, фотография, документация выдающейся социальной важности. Вместо святых Власов, Акимов, Платонов Каратаевых народнической литературы и Льва Толстого, Подъячев даст подлинного, живого, неидеализированного, без всяких прикрас, мужика. Он продолжает линию разоблачений, начатую "Мужиками" Чехова и "Деревней" Бунина. Подъячев ставит точки над i. Благодаря ему мы

лучше теперь знаем человекоподобного зверя, живущего в русской деревне".

Горький ненавидел крестьянство. Я точно характеризую его чувство. Мы не знаем другого русского писателя, который, оставляя свое восхищение "чувством меры, подчиненным интеллекту", так без всякой меры предавался бы полярным и жгуче противопоставленным чувствам ненависти и любви. "Не умея ненавидеть, невозможно искренне любить". Это его принцип. Он проповедовал его устами Находки, персонажа романа "Мать". И если о европейском крестьянине он говорил с холодным презрением, как о домовитом, дурно пахнущем клопе и антисоциальном мещанине, об отечественном мужике мы слышали от него только слова ненависти. Город он любил, видя в нем потенциально заложенные могучие начала разума и социальной справедливости. Деревню ненавидел. В его глазах она была вместилищем всяческих скверн. Он не желал считаться с историческими условиями, уродовавшими и калечившими мужика. Его несправедливое отношение к мужику коробило. По этому поводу у нас всегда возникал спор. Тут у него было нечто от Челкаша, если бы тот заговорил утрированно марксистскими аргументами. Когда Горький утверждал, что Россия — постылая Азия, гнусный Восток, он имел в виду прежде всего и более всего деревню. В той же статье "Две души" он настаивал, что "*основным препятствием* на пути России к европеизации и культуре является факт подавляющего преобладания безграмотной деревни над городом, *зоологический индивидуализм крестьянства и полное отсутствие в нем социальных эмоций*". Горький не только ненавидел крестьянство. Он боялся его. Пред ним вставало иногда видение, что стомиллионная сермяжная, дикая, жестокая, темная масса выйдет из повиновения, зальет страну, задушит город, забрызгает кровью небо и в конце концов посадит на трон какого-нибудь нового Пугачева или Стеньку Разина. А оба они, эти мужицкие атаманы, ему были отвратны. Большевистскую идеализацию их он с насмешкой отвергал. Горький зорко примечал и запоминал все, что характеризует "загадочную дикость" натуры русского крестьянина. Посетив в 1916 г. в Петербурге лазарет для больных и раненых солдат, он мне рассказывал о тяжком впечатлении от этого визита:

"Когда солдаты, а по записям лазарета все они были крестьяне, узнали, что их пришел проведать "писатель" Горький, многие из них захотели рассказать мне какой нибудь случай на фронте, наивно полагая, что это станет темой моего нового романа. Один паренек из Пензенской губернии, настойчиво просивший, чтобы я не забыл его фамилию, рассказал о таком происшедствии.

Его отряд лежал спрятавшись в кустах на опушке леса. Немцы узнали об этом и вдарили по нем залпами снарядов тяжелой артиллерии. За исключением рассказчика, скатившегося в воронку от снаряда и засыпанного землею, все люди отряда были перебиты в куски. Очнулся я, говорил паренек, вылез кое-как из земли, ощупал себя, чувствую — цел, только кровь из плеча течет. Оглянулся, а кругом только трупы и полумертвые, кто без головы, кто без ног и рук. Посмотрел дальше, и начал меня такой смех трясти, что удержаться не могу. — А что? — Снаряд-то одному солдатику в живот попал, кишки выворотил и бросил их в кусты. И висят человечьи кишки вроде телячьих. Ха-ха-ха!

Что же вы думаете, — продолжал Горький, — когда этот идиот рассказывал о кишках на кустах, сорок или пятьдесят людей той же породы смеялись во все горло. Скажите, какой народ в мире, кроме русского мужика, мог бы в это время смеяться? Значит, не случайно деревня порождала юродивых, плакавших при виде свадьбы и весело плясавших на похоронах. Мужик наш существо непонятное, страшное, жестокое. Некрасов удивлялся, почему мужик норовит вдарить кнутом по кротким глазам его лошаденки. Почитайте Подъячева, и вы увидите, что мужик хуже делает: он кочергой бьет по животу своей беременной бабы".

Ретроспективный взгляд позволяет нам вынести суждение о крестьянофобстве Горького. Теперь мы знаем, что зверскую, азиатскую жестокость обнаружил во время революции совсем не мужик, а именно революционный город, по Горькому, носитель культуры, разума, справедливости и социальных эмоций. Деревня выгнала в 1917-18 гг. помещиков, пожгла и пограбила их гнезда (однако, далеко не все), но убийства помещиков совсем не были массовым явлением. А во многих местах, окорнав помещика, мужики даже оставляли ему "на прокорм" клочок земли. Уже потом, в 1922-

23 гг., и по распоряжению только города, с земли были выгнаны последние из оставленных на ней бывших владельцев. В 1917 г. множество людей убежденно доказывали, что было бы безумием допустить дележку земли в самочинном порядке. Говорилось, что алчные мужики, способные, как доказывал Подъячев и думал Горький, из-за уворованного куренка убить соседа, друг друга перережут при распределении помещичьей земли. Оказалось и это неверным. Переход сотни миллионов десятин в руки деревни в 1917-18 гг. прошел до удивления гладко, спокойно, при минимальном числе случаев междукрестьянских столкновений. При свидании с Горьким, уже в 1918 г., я обратил на это его внимание, что не произвело никакого впечатления. Его отталкивание от крестьянства, по его мнению, "анархизированного" войною и от дележки земли обрастающего еще большей алчностью, было так велико, что поколебать его не было возможности. У идеолога-просветителя, повидимому, все еще не был изжит строй чувств Челкаша. Но тут находится и ключ к пониманию одного факта, остающегося мучительно-непонятным для почитателей и людей, любивших Горького. Мы говорим об его отношении к насильственной коллективизации, сопровождающейся такой азиатской жестокостью, что при мысли о ней стынет кровь. Как ни страшно сказать, эта варварская операция могла и не производить на Горького какого-либо большого впечатления. Именно потому, что он ненавидел мужика, в мероприятиях Сталина он мог видеть (или, лучше сказать, даже наверное видел) спасительное средство от опасности, угрожающей культуре апокалиптическим зверем из бездны сермяжной России. Здесь не было приспособления взгляда Горького к взглядам Сталина, а только встреча их. Мысль о настоятельной необходимости застраховаться от мужика Горький высказывал еще в 1915-16 гг., а тогда ни одна Кассандра не могла предсказать то, что потом произошло.

Я касался до сих пор социально-политических взглядов Горького. Мне хотелось бы хотя бы слегка остановиться на некоторых чертах его характера. Он был удивительно интересен вне большого общества. Если Горький чувствовал симпатию к своему собеседнику, он оживлялся, сыпал груду разных воспоминаний, метких, красочных рассказов, харак-

теристик. Но как только он попадал в большое общество, в общество даже из 6-7 собеседников, Горький съеживался, замолкал, только время от времени бросая замечания в виде каких-то афоризмов и никогда не делая попытки их развить или доказать. При немногочисленных слушателях он владел словом, как только слушателей было больше, Горький спотыкался, делался неловким и просто конфузливым. Я никогда не слышал Горького выступающим на больших народных собраниях,но зная ту черту, о которой я только что сказал, мне понятно, почему так безнадежно пусты газетные отчеты о его речах, которые он произносил, приехав в Россию после 1928 г. Странной чертой у него была слезоточивость, абсолютно не вяжущаяся с его общим характером, чуждым сентиментального или сострадательного нытья. Однажды, сидя у нас в Москве в 1915 г., он рассказывал, что русские солдаты принуждены были итти в атаку против немецких траншей, не имея особых ножниц, чтобы разрезать проволочные заграждения у траншей. Не берусь судить, так ли это в действительности происходило, могу только сказать, что Горький со свойственным ему талантом дал удручающую картину, как русские солдаты пытались перепрыгивать чрез проволочные заграждения и в них повисали. Горький рассказывал, и крупная слеза катилась из его правого глаза. Помню, на меня и на мою жену рассказ Горького произвел сильное впечатление. Он вытер слезу и молчал. И мы молчали. И после этого рассказа ни о чем говорить уже не хотелось. Дня через три после этого Горький снова был у нас. Мы были не одни. Были профессор Тарасевич и его брат. Так как тогда речь постоянно заходила о войне, Горький повторил свой рассказ, и снова слеза скатилась на его щеку. На обоих Тарасевичей и рассказ, и слеза, конечно, произвели большое впечатление. У меня и моей жены оно уже ослабело. Через три недели, приехав в Петербург, я был вечером у Горького. За ужином у стола сидело помимо семьи Горького человека четыре. Кроме Тихонова, не могу вспомнить кто. Горький опять рассказывал о солдатах, корчащихся перед смертью на проволочных немецких заграждениях, и опять появлялась слеза. Должен признаться, что на сей раз горьковское описание оставило у меня уже неприятный осадок. Известно, что некоторые артисты, играющие, как говорится, "нутром", так

входят в чувства и переживания изображаемых ими лиц, что по ходу пьесы могут без всякого напряжения плакать, понастоящему лить слезы. Слезы приходят, когда им велят. Был ли Горький таким артистом? Все видевшие его потом в годы 1928-36, указывают, что слеза Горького появлялась легко и точно по заказу много и много раз по самым разнообразным поводам. В сопровождении бывшего начальника ГПУ Ягоды он посетил стройку Волго-Московского канала, и он сугубо лил слезы, слушая объяснения Ягоды о том, как на этом канале, строившимся принудительным, каторжным трудом, происходит "моральная перековка" в добрых советских граждан тех, кто осмелился в какой-либо мере вражески нарушить советские законы. Было бы неприятно думать, что слезы Горького лишь лицедейство, наигранная актерская вода, однако, объяснить их нахлынувшей в тот момент сентиментальностью я тоже никак не могу.

Чувствительный человек в 1928-36 гг. быть со Сталиным не мог бы. Попутно хотел бы указать еще одну черточку Горького, правда, совсем другого порядка, но ввергшую меня в недоумение. Горький рассказывал о некоем "рабочем" Вилонове — слушателе организованного Горьким в Италии на Капри "университета", подготовляющего руководителей-революционеров из рабочей среды. Меня Вилонов очень интересовал: в 1902-1903 гг. он был в Киеве моим учеником в подпольном кружке, в который я ходил в качестве пропагандиста. Вечными спорами со мною он много мне тогда попортил крови. Расходясь с Горьким и другими преподавателями университета — Богдановым, Базаровым, Луначарским, Алексинским, — Вилонов, всегда готовый начать скандал с интеллигентами (он их всех не любил), после каких-то бурных сцен уехал с Капри в Париж к Ленину, встретившему его, можно сказать, с распростертыми объятиями. Я спросил Горького, почему уехал Вилонов, что произошло тогда, по какому поводу Вилонов устроил, по-видимому, очень большой скандал? Горький слушал меня, смотря не на меня, а в окно, и ничего мне не ответил. Предполагая, что он не слышит, я повторил мой вопрос. Горький продолжал упорно молчать. Я понял, что по каким-то причинам он не хочет давать объяснений, но не проще ли было бы сказать об этом? Я не останавливался бы на этой маленькой сценке, если бы в

течение четырехлетних встреч с Горьким не сталкивался с этим практикуемым им непонятным молчанием, производившим странное впечатление. Человек ведет оживленную беседу и вдруг закрывает рот, делается непроницаемым, загораживается точно стеной. Ведь мне в голову не приходило предлагать Горькому неделикатные или интимного порядка вопросы. Вот еще пример горьковского молчания. Кажется, в 1917 г. артистка М. Ф. Андреева, жена, до 1920 г., Горького, пришла к нам в сопровождении молодого безрукого французского офицера (руку он потерял в 1915 г. во Франции, сражаясь с немцами). К величайшему моему изумлению, этот французский офицер, входивший в состав военной миссии Франции в России, оказался русским, или еще точнее — русским евреем. И носил этот еврей архирусскую фамилию — Пешков, т.е. настоящую фамилию М. Горького. Ныне этот еврей Пешков, в чине генерала, является представителем Франции при Макартуре в Японии. А перед этим он несколько лет был в Африке одним из командиров знаменитого иностранного легиона, особой военной организации, состоящей из добровольных вояк-иностранцев, в течение нескольких десятилетий оказывающей Франции неисчислимые услуги в деле проникновения ее в Африку, и в частности в Марокко.

Кто же этот еврей, ставший ныне важным генералом, откуда он взялся, почему он носит фамилию Пешкова? С удивлением пришлось узнать, что его брат – известный большевик еврей Свердлов. До Калинина он был председателем всероссийского исполнительного комитета. Он умер через два года после октябрьской революции от тифа и настолько почитаем большевистской партией, что место рождения его — город Екатеринбург на Урале — был в 1924 году переименован в Свердловск. Потом я узнал, что брат Свердлова сделался Пешковым, потому что был усыновлен М. Горьким. Разумеется, вся эта история меня заинтересовала, и при первом же свидании я попросил Горького мне рассказать о ней, главным образом об усыновлении им Свердлова. Вопрос нельзя было назвать влезающим в интимную жизнь хотя бы потому, что то, о чем я спрашивал, знали, кажется, все, кроме меня. М. Горький, выслушав меня очень внимательно, посмотрел на меня и стал смотреть куда-то вбок. Думая, что он

не расслышал и не понял, почему я интересуюсь тем, что он усыновил Свердлова, я снова предложил вопрос. Максим Горький ответил: "Я слышу", и погрузился в непроницаемое молчание, на которое пришлось наткнуться уже несколько раз до этого...

Горького мало ценил Лев Толстой. Он, кажется, даже не признавал за ним таланта. Он желчно критиковал стиль Горького, а по поводу "море смеялось" в одном из рассказов Горького — сказал ему (об этом рассказывал сам Горький): "Вам не стыдно так вертеть словами?" Если Толстой не очень жаловал Горького, то, наоборот, Горький преклонялся перед талантом Толстого так, как, по-моему, ни пред каким другим великим писателем. Он вечно повторял, что писать нужно, как Толстой, т.е. не вертя словами, а пользуясь самыми простыми и самыми точными словами. Как-то вечером на даче у Финляндской границы, расхаживая по саду, Горький мне говорил:

"В чем гибель Толстого? Да в том, что он стал писать жалкие богословские наставления, проповедовать непротивление злу насилием и преданность воле Божьей, вечно говорить о смерти и смирять себя вегетарианством. А знаете ли, кем был в действительности Толстой? Языческим богом Паном. Подпоясав чресла шкурой, он должен бы с дубиной эдак пуда в четыре жить в дремучих лесах, бороться с медведями, дубиной дробить череп волку. Никто лучше его не мог описать, как пахнет трава, деревья, роса, лесные ягоды. А почему? Да потому, что он — Бог-Пан. Кому лучше знать всякие лесные запахи? Вспомните его нос: ноздри огромны и открыты, все нашему ощущению недоступные запахи в себя вобрали. Ясно вижу, как Толстой — огромный, голый, заросший волосами Бог-Пан, подбирается к реке, в которой купаются девушки, и с того берега гогочет, хохочет, их зазывает: Эй, девушки, плывите ко мне, сколько вас ни есть, двадцать, тридцать, всех удовлетворю, на всех у меня силушки хватит. Таков в действительности был Лев Толстой, а он, ломая себя, идя против языческой своей натуры, стал толковать о грехе похоти, о воздержании. Норвежец Гамсун написал роман "Бог-Пан". А если бы, свободно отдаваясь своей натуре, Толстой взялся за такую вещь, получилась бы вещь потрясающая: уверяю вас, языческие боги воскресли

бы и Дионис снова заплясал в хороводе с вакханками. Портрет Толстого, того, который написал "Крейцерову сонату" и "Царство Божие на земле" — создан и по всему свету распространен. А мне очень часто хочется разорвать этот портрет и вместо него дать другой, настоящий. Может быть, когда-нибудь я сделаю. Нужно только осмелеть. Слушайте, что я вам скажу. Был я как-то у Толстого — жил он тогда в Крыму. Когда я вошел к нему, от него уходил Бальмонт — поспешный, красный, очевидно, после далеко не приятного разговора с Толстым. Толстой, подведя меня к окну и указывая на шагающую фигуру Бальмонта, сказал с презрительной усмешкой: "Этот человечек в стихах все о любви, как воробей, пищит, а на деле он не в состоянии справиться даже с одной здоровенной девкой, которая соблазнилась бы лечь с ним в постель". Заметьте, Толстой не сказал "справиться с девкой", а без малейшего стеснения употребил другой и самый грубый глагол. Я тогда покраснел и оторопел: вот так яснополянский проповедник! Я в то время еще не понимал, что замечание по адресу Бальмонта — лишь маленькая вспышка этой титанической языческой натуры, насильно связавшей себя евангельскими рецептами о смерти и убийстве плоти. Натура эта часто прорывалась в виде признаний в дневнике, но эти признания не могут дойти до нас. Над его дневниками, к несчастью, бдели и бдят людишки в виде Черткова, Гусева, Душана Маковецкого и прочих. Эти "толстовцы" корректируют Толстого. Когда я думаю об этом — негодование охватывает".

Однажды, будучи в хорошем настроении, Горький со смешком рассказал мне его первую встречу с Лениным в Лондоне в 1907 г., т.е. когда Горький в виде почетного гостя был приглашен на съезд партии. Ленин пришел к Горькому в отель и после первого рукопожатия и нескольких приветственных слов быстро подошел к кровати и начал молча шарить рукой под одеялами и подушками.

"Я стоял, — передавал Горький, — чурбаном, абсолютно не понимая, что делает и для чего это делает Ленин. В моей голове пронеслась даже дикая мысль: не с ума ли он сошел? Слава Аллаху, мое смущение и недоумение быстро окончилось, потому что Ленин, подойдя ко мне, объяснил: В Лондоне климат сырой и нужно тщательно следить, чтобы постель-

нос белье не было влажным. Это очень вредно и опасно для лиц, как я, с больными легкими. А мне-де нужно особенно беречься, потому что я только что написал роман "Мать" — вещь будто полезную для русского рабочего и призывающую его на борьбу с самодержавием. За такой комплимент я, конечно, Ленина поблагодарил, только, сознаюсь, несколько досадно стало. Хорош или худ этот роман — не мне судить. Кончая писать, я почти всегда тем, что написал, остаюсь недоволен, но сводить мою работу, как то сделал Ленин, к чему-то вроде комитетской прокламации, призывающей на штурм самодержавия, все-таки не годится. Я ведь пытался в моей вещи подойти к нескольким большим, очень б-о-л-ь-ш-и-м проблемам. Оправдание террора, убийств, казни во время революции — это ведь большущая моральная проблема, ведь нельзя легко уйти от мысли марать убийством священное дело".

Горький, как видим, недостаточно тогда проник в Ленина. Той проблемы, которую он считал морально тяжелой и "очень большой", для Ленина не существовало.

Конец 1947 г.

Приложение 2

Из рецензии на книгу Алексинского о Горьком

Можно считать неопровержимым, что если Горький сжимался и про себя стонал, узнавая об истреблении старой большевистской гвардии (в частности, его товарищей по "Летописи" и "Новой жизни"), о гонениях на интеллигенцию, об эксплуатации рабочих, — он оставался равнодушным, узнавая о положении в деревне и принудительной коллективизации. Мужика вообще, а русского в частности, он не терпел еще с 1888 года, после событий в деревне Красновидово на берегу Волги. Русский мужик в его глазах был олицетворением Азии, всего дикого, зверского, бессмысленного, антисоциального, зоологического, и дикость этого мужика он ненавидел с *дикостью деклассированного Челкаша.* Эта часть Челкаша оставалась в его душе нетронутой, живучей даже и в эпоху апогея его европеизма. Пред ним всегда носилось апокалиптическое видение восставших ста миллионов крестьян, под водительством нового Пугачева душащих город, погребающих культуру, все сжигающих, все уничтожающих. Несмотря на то, что во время революции не деревня, а город обнаружил дикость и зверство, он считал, что нужно уберечь город от нашествия сермяжных варваров. При таком подходе к крестьянству совершенно понятно, что Горький не видел ничего плохого в насильственной коллективизации и относился равнодушно ко всем ужасам и стонам, доносившимся из деревни. Колхоз, крепко державший в руках мужика-зверя, в его глазах был необходимым средством, мерой, защищающей и *спасающей* город. В этом важнейшем вопросе у Горького не было, как во всех других, приспособления ко взглядам Сталина. Неизжитая душа Челкаша тут *сошлась* с душою азиата-диктатора.

Приложение 3

Беседы с Плехановым в августе 1917 г.

Сугубо конфиденциально. (Опубликованию не подлежит).

В качестве одной из "икон" революции Плеханов получил особое приглашение для участия в Государственном совещании в августе 1917 г. в Москве. Однако, когда он с Р. М. Плехановой приехал из Петербурга, его никто не встретил и не позаботился обеспечить для него приют. В книге "Встречи с Лениным" я писал, что, узнав об этом, я предложил ему жить во время Государственного совещания у нас. Розалия Марковна, как человек практичный, решила сначала посмотреть, подходит ли Плеханову наше жилище: вдруг это какое-нибудь логовище или неподходящая для Георгия Валентиновича "меблирашка". Придя к нам, она увидела, что им у нас будет жить очень удобно. Мы имели в это время действительно превосходную, хорошо обставленную квартиру, так как в годы до войны и я, и жена (артистка в оперетте) зарабатывали очень много (стыдно даже сказать — Сытин платил мне 2000 рублей в месяц!). Квартира наша состояла из пяти комнат, из них три на улицу: гостиная (т. н. синяя комната), столовая, комната жены. Синяя комната была хорошо известна нашим знакомым — в ней приходилось жить и Л. О. Дан, и С. Н. Прокоповичу, и полковнику Рябцову, командующему войсками против большевиков в окт. 1917 г., и многим другим. На другой стороне квартиры, отделенной коридором и выходящей окнами на двор — моя спальня и большая комната с моей библиотекой. Внизу ван-

ная, кухня, комната для прислуги. Когда к нам приехали Плехановы, жена перебралась в мою комнату, я в библиотеку, всю остальную часть квартиры — т. е. три комнаты — мы отдали в полное распоряжение Плехановых, получивших, таким образом, помещение, на которое они не рассчитывали. На это обстоятельство обращаю внимание потому, что благодаря ему Плехановы смогли принимать множество их навещавших людей и, например, *три раза* устраивать собрания московской группы "Единства" — куда приходило до 30 человек. Для них из всех комнат собирались стулья. Для свидания с Плехановым приезжали в Москву какие-то его родственники, в их числе, кажется, один из его братьев. О последних, хотя это было для меня интересно, я остерегался спрашивать Плеханова, чтобы не напомнить ему о склоке, учиненной мною в Женеве в связи с его братом — бывшим в Моршанске исправником (об этом я писал во "Встречах с Лениным".) Плеханов, в первые же дни, когда стал жить у нас, захотел узнать, какую политическую позицию я занимаю.

— "Нос" в повести Гоголя ходил по Невскому, ни к кому не прислоняясь. Такое положение мне кажется довольно неестественным и неудобным, а между тем мне сказали, что вы заняли именно положение гоголевского Носа, ни в тех, ни в этих, а сами по себе. Что вас отделяет от меньшевиков? На этот, казалось бы, естественный и простой вопрос я Плеханову не мог ответить со всеми нужными для этого объяснениями. Вот по какой причине. Месяца полтора до этого я был вызван в секретариат московской группы меньшевиков и подвергся "допросу" со стороны Анны Адольфовны Дубровинской (жены покойного ультра-ленинца Иннокентия) и ее помощницы Розенберг (не нужно смешивать эту глупенькую девицу с ее сестрой — умной Кларой Борисовной, "Madame Roland", как я ее называл, салон которой в 1905-1906 гг. служил местом встреч людей подполья с писателями, артистами, общественными деятелями всех направлений). Эти две особы, позднее перекочевавшие в большевистский лагерь, меня обвинили в том, что:

1. В статьях и речах я "сею недоверие к революции".

2. Настаиваю на необходимости какой-то отзывающейся реакцией "твердой власти".

3. Держу о сепаратном мире странные речи, "не имеющие общего с циммервальд-кинталовскими установками".

Не буду говорить о моем споре с Дубровинской, скажу только, что я выругался и заявил, что после этого разговора никаких отношений с меньшевиками иметь больше не желаю. Обо всем этом я не мог откровенно сказать Плеханову. Во-первых, потому, что говоря о ком-то (забыл, о ком), Плеханов категорически заявил, что всякое недоверие к революции есть свидетельство о контрреволюционном, т. е. недопустимом настроении человека, это недоверие высказывающего. (Плеханов, однако, забывал, что именно в брюзжании на революцию его обвиняли меньшевики.) Спорить по этому поводу с Плехановым я не хотел и считал бесполезным. Во-вторых, я действительно стоял с конца 1916 г. за сепаратный мир, но об этом Плеханову говорить не мог. Самая мысль о сепаратном мире его приводила в крайнее раздражение. Сепаратный мир он называл "гнуснейшей низостью". Я предпочитал об этом молчать. Зачем моему гостю делать неприятности, давать ему понять, что он живет у человека, способного одобрить "гнуснейшие низости"? Принуждаемый по указанным мотивам к умолчанию, я, разумеется, не мог рассказать Плеханову все детали моего спора с Дубровинской и Розенберг. Сказал что-то туманное, из которого Плеханов заключил, что меня от меньшевиков больше всего отделяет вопрос о "твердой власти".

"Но если так, — воскликнул Плеханов, — вам нужно не следовать гоголевскому Носу и вступить в нашу группу "Единство". Необходимость твердой революционной власти, способной действовать, а не болтать, составляет один из основных пунктов ее платформы".

Считая, что меня от "Единства" мало что отделяет, Плеханов, когда должна была притти к нему в первый раз московская группа "Единства", позвал меня на это собрание. "Будьте не гостем, а равноправным членом нашего совещания". Я все-таки счел нужным от присутствия на этом совещании уклониться и в этот день вечером из дома ушел. На следующий день это дало повод для большого разговора с Плехановым.

— Сначала, когда все собрались, а вы, несмотря на мое приглашение, не пришли, — я несколько удивился: по-

чему вы бойкотируете? а потом, посидев часа три с товарищами из "Единства", присмотревшись к ним и послушав их, скажу откровенно — вы ничего не потеряли, не придя на собрание. Московские "единцы" люди превосходные, только узки и серы. Сравнивая их с составом наших социал-демократов, с которыми обычно приходилось иметь дело в Женеве, в эмиграции, нахожу, что московские "единцы" калибром много меньше. Несмотря на это, они все-таки занимают ту политическую позицию, какую должен иметь в нынешних условиях настоящий марксист, человек, усвоивший взгляды научного социализма. Вот этим они отличаются от меньшевиков, идущих за Даном, Мартовым, Чхеидзе, Церетели. Позиция меньшевиков — вредная. Они не желают видеть, что Россия гибнет, а "Единцы" это видят, понимают, чувствуют. Это уже делает их на голову выше меньшевиков. По отношению к меньшевикам я оказался в печальном положении, которого право, не заслужил — вроде курицы, которая вывела утят, поплывших от нее по болоту. Меньшевики от меня отшатнулись в первую революцию, а теперь вторично меня предают. Сейчас есть только две возможные позиции — одна, которую защищаю я, а за мною товарищи из "Единства", а другая — ее занимает Ленин. Моя теоретическая позиция ясна даже для очень близоруких людей, и я не схожу с нее около 40 лет. Теоретическая позиция Ленина тоже ясна — это словесный марксизм в сочетании с бланкизмом, ткачевщиной, бакунизмом. Никакой третьей промежуточной позиции нет, а меньшевики на это пустое место встали и превратились в полуленинцев.

Говоря о меньшевиках, Плеханов с особой резкостью относился к Церетели. Он делал это с таким раздражением, что меня, хотя Церетели совсем не был моим героем, просто коробило. У меня даже мысль промелькнула — уж не завидует ли Плеханов славе Церетели, в то время притягивающего к себе внимание несомненно больше, чем Плеханов. После одной из резких фраз Плеханова по адресу Церетели я не выдержал и заметил:

— Георгий Валентинович, к Церетели вы очень несправедливы.

Это замечание прямо вздернуло Плеханова на дыбы.

— Обижать Церетели — не входит в мои задачи. Его называют талантливым выразителем взглядов нынешних меньшевиков, и я, делая уступку общественному мнению, тоже называю его талантливым деятелем. Пусть будет так. Престиж Церетели, как видите, внешне поддерживаю: это очень хорошо, когда нас, стариков, заменяют молодые товарищи. Но я все-таки не вижу, в чем талантливость Церетели. Достаточно ли он образован, чтобы в наше ответственное время играть роль, которую видимо он себе отводит. Я интересовался узнать — в чем и когда Церетели проявил свои теоретические познания — никто не мог на этот счет мне ничего указать. За всю жизнь он не написал, кажется, даже малюсенькой статьи. Никакой теоретической серьезной марксистской подготовки у него, повидимому, нет. Можно ли теперь без теоретического компаса плавать на российском океане? А Церетели плавает, и паруса его корабля раздувает только циммервальд-кинтальский ветер и большие аплодисменты, которыми его награждает невзыскательная аудитория. На Государственном совещании мы видели эффектную сцену: выразитель торгово-промышленных кругов Бубликов под гром аплодисментов пожимал руку Церетели — выразителю взглядов меньшевиков. С Бубликовым я после этого говорил — он ясно отдавал себе отчет в смысле и значении этой политической сцены. Но понимал ли ее Церетели — в том я имею все основания сомневаться. Продуманности у Церетели нет. Есть только кавказская декламация, а с нею одною нельзя понимать ход исторических событий и ни им управлять. Если из молодых общественных деятелей, выдвинувшихся в последнее время, взять, например, Савинкова и Церетели, то скажу вам — за одного Савинкова, понимающего, что Россия гибнет и что нужно для ее спасения — я десять Церетели отдам. Понимания того, что нужно делать, у него нет.

Будучи у нас, Плеханов написал три статьи — одну на тему "Россия гибнет", другую — о значении московского совещания и третью — о Церетели. У меня под руками нет сейчас ни одной из них, не помню и их названия, но хорошо помню, что в появившейся в "Единстве" статье о Церетели не было и сотой доли тех язвительных суждений, которыми Плеханов его осыпал. Особая злоба, с которой он о нем отзы-

вался, для меня по сей день непонятна. Не было ли в ней какого-то личного момента? Было бы полезно (для истории) спросить об этом Церетели.

Вечером в тот день, когда Керенский произнес речь о "цветах души" (см. об этом мою статью в Социалистическом Вестнике за октябрь 1953 года), Плеханов мне мрачно заявил, что никогда не мог предположить, что Керенский захочет поставить себя в такое смешное и жалкое положение.

— Кто такой Керенский? Ведь он не только русский министр, а глава власти, созданной революцией. Слезливый Ламартин был всегда мне противен, но Керенский даже не Ламартин, а Ламартинка, он не лицо мужеского пола, а скорее женского пола. Его речь достойна какой-нибудь Сарры Бернар из Царевококшайска. Керенский — это девица, которая в первую брачную ночь так боится лишиться невинности, что истерически кричит: мама, не уходи, я боюсь с ним остаться.

Отзывы Плеханова о речи Керенского были столь злы, что я с некоторым испугом спросил: неужели он именно в этом тоне будет писать статью о Государственном совещании?

Плеханов пожал плечами:

— Разумеется, нет. Всего того, что я о Керенском думаю, я написать не могу. Пока нет другого правительства, забивать на смерть существующее — значило бы играть на руку Ленина, делать дело Ленина.

Однажды, это было скоро после его приезда к нам, я спросил Плеханова — сколько лет он не был в России и какие в ней изменения особенно бросились ему в глаза. Плеханов сказал, что он уехал из России в 1880 г. (кажется, так, хорошо не помню, какой год он указал), и, следовательно, не видел ее около 37 лет. С внешней стороны серьезно, но по существу со злой иронией Плеханов начал говорить о том, что его поразило.

— Видите ли, я до сих пор считал Россию в большинстве своем населенной русскими — славянами. Думал, что господствует в ней славянский тип, примерно "новгородского образца". Значит — люди высокого роста, по преимуществу долихоцефалы и блондины. Что же я вижу во всех российских, петербургских и прочих совстах рабочих, крестьянских

и солдатских депутатов? Множество людей черноволосых, большей частью брахицефалов, и говорят эти люди с каким-то акцентом и придыханием. Неужели, думал я, за эти годы, что не был в России, антропология ее населения так сильно изменилась? За все время, что приехал сюда, увидел, кажется, только двух истых представителей новгородского типа — это Авксентьев и Стеклов, но после проверки оказалось, что тов. Стеклов к новгородцам не принадлежит.

Розалия Марковна Плеханова, присутствовавшая при этом разговоре, заметила:

— Ты так говоришь, что Валентинов может подумать, что ты стал националистом и не терпишь тех, кого называют инородцами.

— Зачем ты нашему хозяину, возразил Плеханов, приписываешь отсутствие понимания иронии? А все-таки, если говорить серьезно, должен сказать, что меня не только поразило, а даже шокировало слишком уж обильное представительство русских представителями других народностей, населяющих Россию, как бы почтенны они ни были. В этом видна незрелость русского народа.

Несколько раз в разговорах с Плехановым заходила речь о времени после первой революции до войны. Я указывал Плеханову, что в этот период, особенно с 1908 г., происходило огромное хозяйственное оживление в области индустрии, сельского хозяйства, жилищного строительства, городского хозяйства. Земля разными способами переходила в руки крестьян, и, настаивал я, на столыпинские законы нельзя смотреть только как на сплошь реакционную политику. Характеризуя 1908-1914 годы, я рассказал Плеханову, что в это время мне удалось побывать во множестве городов, в некоторых селах, очень многое видеть, и я пришел к убеждению, что всюду, за исключением какой-нибудь Суздали, не было видно застоя, наоборот, огромное стремление к культуре, к усвоению того, что я называл "европеизмом".

— По-моему, не следует особенно увлекаться тем, что вы видели. Это все точки на теле слона. Европеизма, увы, в России мало. Это не Европа, не европеизм, а, как говорил Тургенев, "первое лепетанье спросонья". То, что вы рассказываете, находится в разногласии с тем, что об этих годах писали газеты и журналы. Очень хотел бы, что-

бы вы были правы, но помоги, Господи, устранить мое неверие.

Слова Плеханова, несомненно, находятся в тесной связи с его мыслью о политической и культурной незрелости, отсталости русского народа, вывести из которой, по его глубокому убеждению, могло при политической свободе только дальнейшее мощное развитие капитализма. О возможности, по Ленину, перехода, "скачка России в социализм" Плеханов говорил с презрением.

— Нам после десятилетий пропаганды, просвещения голов научным социализмом, марксизмом предлагают вернуться к ткачевско-бакунинской темной, невежественной демагогии. Почему тогда не заменить электричество лучиной, а паровой локомотив — конной тягой? Почти сорок лет тому назад я написал "Наши разногласия" и "Социализм и политическая борьба". Прошу указать, где, кто, когда опроверг выводы из этих книг .

Об "Апрельских тезисах" Ленина и о том, что тот писал позднее, Плеханов говорил как о "бреде". Он неоднократно повторял это слово. "Бред, только бакунинский бред, способный находить отклик лишь в очень невежественной среде". Плеханов много рассказывал о своем первом знакомстве с Лениным, когда тот в 1895 г. приехал в Женеву.

— Аксельрод, бывший на седьмом небе оттого, что довелось видеть человека оттуда и находящегося в самом центре рабочего движения Петербурга, меня усиленно убеждал, что за Ульяновым-Тулиным нужно ухаживать, так как он самый видный представитель работающих в России социал-демократов, а их тогда можно было пересчитать по пальцам двух рук. И мы за Ульяновым действительно ухаживали, носились с Ульяновым как дураки с писаной торбой. Однако к сей почтенной категории людей я не принадлежу, и потому сразу разглядел, что наш 25-летний парень Ульянов — материал совсем сырой и топором марксизма отесан очень грубо. Его отесывал даже не плотничий топор, а топор дровосека. Ведь этот 25-летний парень (Плеханов несколько раз повторил "этот парень") был очень недалек от убеждения, что если некий Колупаев-Разуваев построил в какой-нибудь губернии хлопчато-бумажную фабрику или чугунно-плавильный завод, то дело в шляпе: страна уже охвачена капитализмом и

на этой базе существует соответствующая капитализму политическая и культурная надстройка. Мысль Тулина вращалась именно в подобных примитивных рамках, а разве это марксизм? [...]

Я спросил Плеханова, как он относится к обвинению Ленина в получении денег от немцев (обвинение, брошенное Алексинским и Панкратовым) и к приказу Временного правительства об аресте Ленина.

— Получал ли Ленин деньги от немцев? На этот счет ничего определенного не могу сказать. Установить это — дело разведки, следствия, суда. Могу только сказать, что Ленин менее чистоплотен, чем, например, Бланки или Бакунин, заместившие в его голове Маркса. Арестовать Ленина после июльских дней, конечно, было необходимо. Революция дала стране полную свободу слова. Ленин, вместо того чтобы добиваться своих, на мой взгляд, бредовых идей только словом, хотел их проводить, опираясь на вооруженные банды. А когда оружие критики, как говорил Маркс, заменяется критикой оружием, тогда революционная власть на такую критику должна отвечать тоже оружием. Очень жалею, что наше мягкотелое правительство не сумело арестовать Ленина. Все говорят, что он скрывается где-то вблизи Петербурга и из своего убежища продолжает и писать, и давать приказы своей армии, иными словами, разлагать революцию и играть на руку немцам. Контрразведка Временного правительства так бездарна, что найти Ленина не может. Савинков мне сказал, что ловить Ленина не его дело, но если бы он этим занялся, то уж на третий день Ленин был бы уже отыскан и арестован.

Не могу не отметить следующий эпизод. Рассказывая Плеханову о периоде после первой революции и до начала войны, я ему указал, что в моих экскурсиях по России я в это время много раз встречался с большевиками, меньшевиками, эсерами, ушедшими из подполья, переставшими нести какую-либо партийную работу, но от этого совсем не сделавшимися "огарками", нулями, людьми, потерявшими всякое общественное значение и пользу. В этот момент я совершенно упустил из виду, что эти люди являются "ликвидаторами", бичуя которых, Плеханов в 1909-1911 гг. примкнул к Ленину и пустился защищать доблесть "подполья". Любо-

пытно, что Плеханов, слушая меня, не делал абсолютно никаких возражений. Он упорно молчал, хотя вряд ли забыл, что еще совсем недавно по поводу ликвидаторов делал столь неприличные выпады против Потресова и что последний в одном из номеров "Нашей зари" (не помню точно когда), назвал его "жалким человеком, сеющим разврат". Кстати о Потресове. Однажды речь зашла о газете "День", и я высказал удивление, что Потресов, не отличавшийся писательской подвижностью, сверх всякого ожидания оказался превосходным "газетчиком", способным писать чуть ли не каждый день живую и острую статью. Плеханов несомненно был человеком злопамятным, и хотя во время войны позиция Потресова почти совпадала с Плехановской, мои комплименты по адресу Потресова ему явно не понравились. Ссору с Потресовым он не забывал. Он пожал плечами и сказал, что ни особой остроты, ни тем более блеска в том, что пишет Потресов, он не видит. Следует сказать, что кроме Савинкова, Плеханов во время пребывания у нас ни о ком другом с похвалой или одобрением не отзывался. О Мартове или Дане он просто говорил: "Это бессознательные полуленинцы. Это печально, но это так".

Расскажу о некоторых фактах, связанных или имеющих отношение к пребыванию у нас Плеханова. Моя жена старалась как можно лучше его кормить, но в 1917 г. это становилось уже трудным. Например, хорошего масла достать было уже почти невозможно. Жена ухитрилась откуда-то из деревни получать сливки и из них сама сбивала масло. Для этого она применяла, конечно, самые примитивные методы: чтобы сбить масло в бутылке, нужно было эту бутылку долго качать, трясти, пока наверху не появятся комочки масла. Розалия Марковна и Плеханов один раз застали жену (сбиванием масла занимался и я, помогая жене) за этим занятием и были до крайности поражены. Они не предполагали, что для масла, которое они едят с утренним кофе, нужно столько физических усилий их "хозяев". Много лет потом, когда Розалия Марковна после второй войны жила во Франции, в Sceaux, у своей дочери, и мы изредка ее там посещали, она постоянно говорила, что не может забыть, как моя жена добывала им масло. Она рассказала, что у Плеханова по этому поводу вырвалось любопытное замечание:

— Чем больше Ленин и иже с ним будут вести свою пропаганду, тем больше будет экономически и технически разлагаться страна, тем больше мы будем возвращаться к экономике курной крестьянской избы.

Однажды, находясь в столовой, жена моя случайно увидела довольно любопытную сцену. В этот день вечером в театре на Большой Никитской улице Плеханов должен был читать лекцию. Если не считать речи на Государственном Совещании, это было его первое публичное выступление в Москве. Он готовился к нему не только в смысле содержания, но, если можно так выразиться, и с внешней стороны. Он надел жакет и тщательно репетировал все жесты, которые будут сопровождать его лекцию. Плеханов стоял перед большим зеркалом, и моя жена, случайно зайдя в столовую, видела, как он то разводил руками, то подымал одну руку, то прихлопывал ногой и т.д. Словом, это был полный арсенал ораторской жестикуляции, обычно сопровождавшей речи Плеханова. Всю эту заранее отрепетированную жестикуляцию, всегда производившую на меня впечатление неестественности, вымученной искусственности, можно было видеть во время его речи в Никитском театре. Публики было много, появление Плеханова она встретила дружными аплодисментами, но речь Плеханова ее разочаровала. Она действительно была слабой, и актерское разведение рук публике, видимо, не нравилось. Обычно в речах Плеханова бывало несколько остроумных ударных мест. На сей раз для оживления речи он хотел воспользоваться следующим приемом:

— Говорят, что я, Плеханов, 40 лет и даже больше всегда сражавшийся за интересы пролетариата, этим интересам ныне изменил. Пауза. Говорят, что я теперь пишу то, что находится в противоречии с тем, что писал. Длинная пауза и снова повторение сказанного. Признаюсь, да, милостивые государыни и милостивые государи, я признаюсь, я должен признаться, что...

После такого введения — несколько раз повторяемого "признаюсь" аудитория должна была логически ожидать, что Плеханов "признается" в какой-то измене пролетариату. Неожиданно для публики Плеханов, меняя тон, вдруг бросил:

— Признаюсь, что я, Плеханов, никогда интересам пролетариата не изменял. Люди, утверждающие это, принадлежат к той категории, которую один наш русский писатель назвал от рождения "недоношенными".

Первый раз такой прием, бьющий на неожиданность, вызвал гром аплодисментов, повторенный несколько раз, он уже потерял свой эффект и перестал действовать; несмотря на то что члены группы "Единство" в зале усердно хлопали в ладоши — большая часть публики за ними не шла. В качестве "почетных гостей" я и Вал. Николаевна сидели на эстраде, недалеко от Плеханова, рядом с Верой Ивановной Засулич. Поклонница до самой смерти "Жоржа" (Плеханова) видимо не хотела признать, что речь его не имеет успеха, к которому Плеханов привык в его выступлениях в Женеве и вообще в эмиграции.

— Не правда ли, — сказала она, обращаясь ко мне, — несмотря на годы, Плеханов все тот же?

Именно этого-то я не видел, и поэтому ответил уклончивой фразой. Засулич была этим огорчена.

— Вам не особенно нравится речь Плеханова, вы по отношению к нам, старикам, жестоки.

Говоря о Засулич, хочу описать следующее маленькое происшествие. Во время пребывания у нас Плеханова я его фотографировал во всех видах. Он охотно на это шел и принимал всякие "авантажные" позы. Засулич, приехавшая из Петербурга в Москву на Государственное совещание и в это время часто приходившая к нам, решительно не позволила ее фотографировать. Мне очень хотелось иметь ее карточку, и я сказал:

— Вера Ивановна, становлюсь перед вами на колени и не встану, пока вы мне не дадите вас снять.

В то время, когда я на все лады ее упрашивал, подошел Плеханов.

— Вера Ивановна вам не позволяет ее сфотографировать? Ну, я вам объясню, почему. В молодости, например, когда Вера Ивановна стреляла в Трепова, она была очень красива. Нужно думать, что это счастливое обстоятельство сыграло какую-то роль и в ее оправдании на суде. В глазах потомства она желает остаться такой же красивой, как в то

время, когда за нею ухаживали Нечаев, Клеменц, а потом весьма многие иные. Поэтому фотографировать ее, когда она стала старой, она не позволяет.

Не знаю, какие отношения были у него и Засулич в то отдаленное время, когда она была очень красивой. Возможно, что говоря о "многих иных", Плеханов хотел намекнуть, что он был также в числе ее "ухаживателей". Знаю только, что Засулич вспыхнула и рассердилась:

— Вы чепуху несете! А чтобы доказать, что я не думаю о сохранении в памяти потомства того вида, какой я имела в 1877 г., я позволяю Валентинову с меня, седой и морщинистой старухи, сделать столько снимков, сколько он захочет.

После этого я и заснял Засулич. Вышла она на моих снимках чудесно. Жалею, что их теперь не имею. Ведь это действительно были снимки-уникумы. До этого времени она категорически отказывала всем желающим ее сфотографировать, а после этого без малейшего возражения позволила ее фотографировать и отдельно, и в группе, и вместе с Плехановым, когда через несколько дней мы все, по просьбе Плеханова, поехали на Воробьевы Горы (туда, где юный Герцен и Огарев давали свою клятву). О поездке на Воробьевы Горы с Плехановым и Засулич я говорил в статье в "Новом журнале" в 1948 г., повторяться поэтому не буду. Остановлюсь только вот на каком эпизоде.

Чтобы добраться от нашего дома до Воробьевых Гор, нужно было проехать через всю Москву. По просьбе Плеханова наш приятель, артист Райский, правивший автомобилем, ехал медленно. Это давало возможность Плеханову внешне знакомиться с Москвой, он ее не знал. Москва не очень ему понравилась.

— Ваша "белокаменная" на самом деле грязнокаменная и неказистая. Европы в ней мало. Вот мы едем и я все ожидаю, что откуда-нибудь из переулка появится бородатый Хомяков, в мурмолке Аксаков или какой-нибудь тип Островского. Это к ней идет.

Когда мы проезжали по Страстной площади с памятником Пушкина, около него стояли толпы солдат, слушали какого-то оратора и лущили семечки.

— Вот картина, — воскликнул Плеханов, — от которой во время войны следует с омерзением отвернуться.

В то время я хорошо знал "старую Москву", особенно здания конца XVIII столетия и начала XIX, появившиеся в ней после уничтожившего почти весь город пожара 1812 г. Постоянно был "гидом" у всех наших гостей, впервые знакомившихся с Москвой. Всю дорогу я был гидом и для Плеханова. Мы ехали на Воробьевы горы большой компанией на нескольких автомобилях. В машине, которой правил Райский, сзади сидел Плеханов и рядом с ним я. Напротив нас два "товарища" из группы "Единство": один из них Абрамов, фамилию другого забыл. Когда мы приближались к Нескучному Саду, (ныне "Парк отдыха и культуры") Абрамов ни с того ни с сего затеял разговор о присущих мне "ересях", в частности указал, что считает вредной мою склонность заменять диалектический материализм эмпириокритицизмом Авенариуса и Маха. В присутствии Плеханова, против которого именно по этому вопросу я полемизировал и книге "Филисофские построения марксизма" (1908) я считал такой разговор совершенно неуместным. Напоминанием об этой полемике омрачать хорошее настроение Плеханова совсем не хотел. Желая заставить Абрамова замолчать, я толкал его ногой, делал ему разные знаки, Абрамов — человек весьма дубоватый — этого не понимал. Плеханов о моих ересях тоже явно не хотел говорить и сурово смотрел на Абрамова. Перебивая его, он обратился ко мне: "Что такое эти два величественных и видимо старинных здания, мимо которых мы проезжаем?" Я ответил, что это две больницы. Одну из них в конце XVIII века построил наш знаменитый архитектор Казаков, а другую позднее, около 1830 г., воздвиг знаменитый архитектор Бове, построивший Большой театр, после пожара в 1853 г. заново отстроенный архитектором Кавосом. К величайшей досаде Плеханова и меня Абрамов, не понимавший, что разговор о моих ересях нужно прекратить, продолжал что-то говорить об этом. Тогда Плеханов, обрывая его, бросил ему следующую фразу:

— Вы, товарищ Абрамов, напрасно игнорируете очень умные советы одного очень большого библейского философа. Имя ему — Экклезиаст. Он учил, что всему есть время, в частности время говорить и время молчать. Да и говорить тоже нужно во-время. Так, например, нас сейчас больше

интересуют постройки Казакова, Бове и Кавоса, а совсем не то, что вы говорите.

Когда мы приехали в Нескучный сад, Плеханов немедленно отвел в сторону Абрамова и с большим пылом стал ему что-то говорить. Абрамов ничего об этом мне не сказал, но по его сильно смущенному виду можно было понять, что ему от Плеханова здорово попало.

15 августа 1954 г.

Приложение 4

Как Сталин стал диктатором СССР

Человек, избравший себе гордый псевдоним Сталин, что значит "стальной человек" (настоящая его фамилия Джугашвили) и царствующий над седьмой частью земной суши — сейчас самая могущественная личность во всем мире. Копируя Людовика XIV, он может сказать про себя: советское государство — это я. Через подчиненный ему грандиозный по численности чиновничий аппарат он управляет хозяйством страны. Хлеб насущный население может получить лишь из рук его чиновников. В руках Сталина не только абсолютная светская власть, но и власть духовная, и, в сущности, это он устанавливает для своих подданных, *как* они обязаны думать и *во что* обязаны верить. Он царь и в то же время папа — глава своего рода новой религии — сталинизма, объявленной государственным мировоззрением СССР. Нужно, вероятно, возвратиться в средневековье, во времена византийских императоров, арабских калифов или в XVII век, во времена московских царей, чтобы только там найти примеры полноты той совершенно неограниченной власти, которой располагает "товарищ Сталин" в стране Советов.

Этот факт не может не вызвать глубочайшего удивления. Люди привыкли думать, что всевластные, свирепые диктатуры вырастают лишь из контрреволюции имущих слоев и классов. Но ведь в стране Советов имущие классы с корнем уничтожены. Всесильная диктатура рождена не ими, а самой коммунистической партией, тем не менее объявляющей себя самой демократической и самой революционной партией в мире. Как же это могло случиться? Каким образом

русская революция, начавшая с идей безграничной свободы, так позорно докатилась до идеи безграничного деспотизма? И почему неограниченная власть попала в руки именно Сталина, невзрачного грузина, с крошечным, заросшим волосами лбом, напряженно-неумным лицом, которое советские художники и фотографы раболепно стремятся превратить в "одухотворенное лицо вождя"?

Много людей ломают себе над этим голову. Тысячи статей и множество книг на всех языках мира посвящаются советскому диктатору. Из книг, посвященных Сталину, нужно особо отметить недавно вышедшую в Стокгольме, написанную Дмитриевским. Ее автор — бывший коммунист, управлял делами комиссариата иностранных дел в Москве и, следовательно, в качестве такового был доверенным лицом ГПУ. Попав в Стокгольм в качестве советника посольства СССР, он стал здесь невозвращенцем, эмигрантом и с большой непринужденностью променял сталинский коммунизм на российский гитлеризм и национализм. Такой переход, очевидно, очень легок и не требует особого психического надлома. Дмитриевский приветствует Сталина, как правителя СССР, всей своей политикой подготовившего неминуемый возврат России к формам национальной монархии. Он ценит в Сталине человека, очистившего правящий Кремль от засилья Троцкого, Каменева, Зиновьева и других евреев, или, как выражается Дмитриевский, "нерусской части коммунистической партии". Он радуется, что Сталин настолько утрамбовал российскую дорогу, что страна чрез национал-коммунизм будто быстрыми шагами идет к национальному строю, возглавляемому настоящим православным царем. В этом процессе движения к завтрашнему царю — по его мнению — *"многие люди сегодняшнего дня и сегодняшней правительственной советской верхушки найдут себе место"*.

Книга Дмитриевского преисполнена восхвалениями величия советского диктатора. Автор накидывается на Троцкого, якобы "из семитской завистливости" распространявшего по миру "карикатурно-уродливый образ Сталина". Дмитриевский не жалеет красок, чтобы показать Сталина как подлинного сверхчеловека, с нечеловеческой силой воли, "крепкого и гибкого, как сталь", беспредельно широкого,

непреклонного, но в то же время прозорливого, словом, истинного кормчего, вполне отвечающего направлению советского корабля.

А что на самом деле представляет собою Сталин, если смотреть на него не через призму этой дифирамбической литературы? В годы юношества будущий повелитель России учился в тифлисской духовной семинарии, подготовляясь к сану православного попа. Потом у него произошел перелом, семинария оставлена и учение отцов православной церкви и казуистика катехизиса сразу сменены на революционное учение — марксизм. Как ни велик перелом, но духовную организацию Сталина он мало изменил: он был и остался ординарным семинаристом, примитивно вложившим в свой мозг несколько усвоенных им "абсолютных" истин. В годы революции Сталин связал свою жизнь с жизнью госпожи Аллилуевой, происходящей, как на то указывает и ее фамилия, из настоящей православной поповской семьи. Весьма возможно, что и это обстоятельство повышает ценность Сталина в глазах Дмитриевского, так как он сам тоже происходит из духовной семьи. Умственный багаж Сталина к началу революции был ничтожен до крайности. На всех, с кем он встречался, он неизменно производил впечатление неразвитого и ограниченного человека. И если все-таки он в то время состоял членом Центрального подпольного комитета большевиков, то, во-первых, потому, что комитет состоял не из гениев, а, во-вторых, потому, что титул дан был Сталину не за ум, а за то, что в 1907 г., в трудную минуту, когда большевистская организация остро нуждалась в деньгах, он принял участие в ограблении артельщика тифлисского отделения Государственного банка и этой экспроприацией укрепил партийную кассу. В 1922 г., уже став сановником, он пробует пополнить свое образование и читает Ленина, всегда только Ленина и больше никого. Но и Ленина он читает так, как читал в семинарии отцов церкви, т.е. механически вкладывая в голову прочтенные "правила", "законы" и "заветы". После смерти Ленина он начинает пересказывать различные ленинские мысли и из пересказов, пересыпанных непрестанными цитатами и ссылками на Ленина (как на священное писание), делает не имеющие никакой ценности брошюрки. Однако они печатаются во множестве, в миллио-

нах, на казенный счет, а когда Сталин становится диктатором, окружающие его люди объявляют эти брошюрки "великими научными трудами", делающими из него "лучшего ученика Ленина" и теоретика, дополняющего учение Маркса. Некоторые лица, читавшие в переводах кое-какие из речей, произносимых Сталиным, в особенности в последнее время, отметят, что в них все-таки есть интересные цифры, кое-какая документация, мысли и выводы. Но нужно же знать, что весь этот материал заранее приготовляется для Сталина, сортируется, разжевывается бесчисленным штатом его секретариата и разными комиссиями. Сталину, в сущности, остается лишь немудрое занятие "произнесения речи". Творческая неспособность Сталина совершенно *неоспорима.* Из круга идей, именуемых сталинизмом, нет ни *одной*, которая бы принадлежала ему. Все самым беззастенчивым образом заимствовано у других. Одна характерная черта личной жизни Сталина. Он обожает пианолу — механическую рояль. Прихлебывая специально привозимое для него с Кавказа вино, нажимая на педали, он подолгу любит "играть на рояли". Он забывает, что это механическая пианола. Ему кажется, что это его пальцы воспроизводят из "Кармен" любимую арию "Торреадор, смелее в бой". Можно сказать, что такую же механическую игру с чужими идеями он производит и в общественно-политической жизни. Он беззастенчиво берет у других идеи, вставляет их, как механические валики, в свою голову и... пианола играет. В 1924 г., вместе с Бухариным, Рыковым и т.д., он резко осуждал одного из лидеров оппозиции Преображенского, предлагавшего создать "социалистическое накопление" с помощью, как тогда говорили, феодальной эксплуатации крестьян. В 1929 г., как ни в чем ни бывало, он делает предложения Преображенского осью всей своей политики. В 1924-25 гг., под влиянием Бухарина и Рыкова, он сражается против идеи "сверхиндустриализации" Троцкого. В 1929 г. он стоит за самые крайние и варварские формы этой сверхиндустриализации. Один музыкальный валик сменен другим — музыка продолжается. В 1925 г. Сталин против идеи раскулачивания крестьян, защищавшейся Каменевым и Зиновьевым. Через несколько лет вся страна, по его распоряжению, покрывается "поездами смерти", уносившими сотни тысяч крестьян на принудитель-

ные работы в Сибирь и на Север. Еще в июне 1928 г. он грозит тем, кто смеет утверждать, что мелкое сельское хозяйство ни на что не способно и пережило себя. А через несколько месяцев, в мае 1929 г., он требует немедленной принудительной коллективизации деревни, доказывая, что мелкое хозяйство уже отжило. Беря чужую идею, против которой он вчера еще протестовал, объявляя ее *своей*, Сталин обычно усваивает ее *в углубленном виде* и в искаженном масштабе. А так как, осененный чужой идеей, он тут же хочет действовать и так как ему принадлежит власть, то многие из идей делаются у него тем, что нож в руках сумасшедшего. Вот почему в ряде областей его политика привела к совершенно неописуемому, азиатскому побоищу хозяйства.

Придворное окружение Сталина, получающее из его руки чины и ордена, изображает его как лучшего и самого "тонкого" ученика Ленина. Этим хотят доказать бесспорность "священного права" занять место Ленина. Трюк слабый. Ленин прекрасно знал и невысокий умственный уровень Сталина, и примитивную грубость его психики, но в те времена вокруг Ленина было так мало работников, что он ухватывался за каждого, кто находился поблизости. Иллюзий относительно Сталина, хотя Ленин очень ценил его преданность, он никогда не питал. Однажды, когда к нему пришли жаловаться на Сталина, Ленин с раздражением воскликнул:

"Я, конечно, знаю, что Сталин *туп и груб*, но, поймите же, не могу же я как гувернантка все время следить за ним! У меня есть дела и поважнее!"

Другой раз, в беседе с Ногиным, Ленин выразился еще определеннее:

"Несчастье Сталина в том, что он любит простые истины, не понимая того, что очень часто такие истины являются самыми сложными. Кроме того, он все *пересаливает* и все *пересаливает*. Если бы судьба сделала его кашеваром в казарме, Сталин каждый день пересаливал бы солдатские щи и каждый день солдаты выливали бы ему эти щи на голову. Впрочем, даже такая экзекуция не сделала бы из Сталина хорошего кухаря".

Две черты еще нужно отметить у Сталина. Это, во-первых, его любовь плести различные партийные интриги и в этих целях, как гастрономически выражался тот же Ленин,

"подавать весьма острые блюда", и его сказочную, дикую грубость в обращении с людьми. Видный коммунист, с чином заместителя народного комиссара, смущенно рассказывал автору этих строк, что однажды на официальном приеме Сталин облил его таким пахучим ведром самых невероятных ругательств (с поминовением родителей), что у заместителя народного комиссара задрожали ноги, и "поверите, даже живот заболел". Что грубость в обращении с людьми, как результат отсутствия элементарной внутренней культуры и присутствия явного нутра азиатского сатрапа, превосходит у Сталина все допустимые пределы, видно из следующего факта. В так называемом предсмертном завещании Ленина, где он характеризует сподвижников и наследников своей власти, имеется категорическое требование убрать Сталина с поста секретаря Центрального комитета именно за грубость, ибо она здесь, на этом посту, указывает Ленин, может принести неисчислимый вред коммунистической партии...

Мы не характеризовали бы достаточно душевной материи советского диктатора, если бы не сказали о его *воле*. Оценка воли в наше время, особенно при повальном увлечении спортом, чрезвычайно повышена. Один профессор в Массачусетсе недавно даже заявил, то ли серьезно, то ли иронически, что теперь мозги неважная вещь. Мозги, мол, можно иметь третьестепенные, важно иметь первоклассную волю. При весьма низкокачественном мозге Сталин несомненно обладает *большой волей*, но это не первоклассная воля. В ней многого нехватает, а чего-то чересчур много. А нехватает в ней элемента самого простого расчета (третьестепенного мозга!), а много в ней зоологического, животного. Так стадо буйволов, вместо того чтобы взять проложенную дорогу, прет прямо через лес, прет тупо, ломая деревья, сокрушая кустарники, обдирая до крови бока и ноги...

Таков Сталин. И вот после смерти Ленина этот "плохой кухарь", вопреки предсмертному требованию Ленина, не только не оставляет пост секретаря Центрального комитета, но, наоборот, превращает его в трамплин для скачка на престол всемогущего повелителя страны.

Посмотрим, как это произошло.

Два кардинальных вопроса выплыли в 1924 г., когда после похорон Ленина коммунистическая партия с особой

остротой почувствовала, что она представляет в стране лишь маленький островок, окруженный равнодушным к ней пролетариатом, безбрежным океаном крестьянского населения и мелкобуржуазным чиновничеством. Островок до сих пор был защищен талантом Ленина, но Ленина нет, и "что с нами теперь будет?" — горестно вопрошали себя коммунисты. Заменившая Ленина многоголовая директория решила, что прежде всего нужно *расширить базу власти.* С этой целью был произведен чисто солдатский набор, так называемый Ленинский набор, когда триста тысяч людей с фабрик и заводов были одним махом включены в коммунистическую партию, и, таким образом, "припущены" к власти. Этого мало. Нужно было не только расширить опору, базу, но и *укрепить самое власть.* А в подсознании, да и в сознании каждого из советских сановников это означало укрепление *единоличной* власти по примеру власти Ленина. Власть должна принадлежать мне! — решает Троцкий. Никогда! — отвечают Каменев, Зиновьев, Бухарин, Сталин, Томский и т. д. И вот началась драка пауков в партийной банке, и в результате Сталин оказался наверху. Второй вопрос, органически связанный с первым, это разработка пятилетнего плана индустриализации страны. Не забудем, что если в понимании страны, всей беспартийной интеллигенции и специалистов пятилетний план был средством возрождения экономики страны, то для коммунистов он имел еще одно особо важное — *политическое* — значение. Быстрым строительством фабрик и заводов они хотели возможно скорее, хотя бы искусственно, увеличить *численность пролетариата* в стране и противопоставить его крестьянству. Наверху с дрожью думали, что в один серый день безбрежный крестьянский океан зальет коммунистический островок, для стольких из них бывший "блаженным островом власти и счастливой жизни". Для спасения коммунистической власти, для ускоренного увеличения массы пролетариата нужны усиленные темпы индустриализации! — провозглашал Троцкий. А откуда на это взять средства? — вопрошали Рыков, Бухарин, Томский и т.д. И здесь снова, как в драке за единоличную власть, разражались ожесточенные споры и грызня. Конечно, грызня могла происходить только в *узкой партийной банке.* Вынести дело на широкий простор страны, спросить ее мнение было

бы буржуазным демократизмом, несовместимым с идеей диктатуры! Дело можно было секретно варганить промежду себя в партийных канцеляриях, т.е. именно там, где Сталин в качестве секретаря Центрального комитета мог проявить свою страстишку к интригам и к различного рода мелкому шулерству и различной подтасовке партийного мнения с помощью жульнического комплектования составов делегатов и комитетов. В этом занятии ему все помогали. Когда валили Троцкого, на одной стороне, вместе со Сталиным, были и будущие троцкисты Каменев и Зиновьев. Скоро, однако, они сами, как глупые мухи, влопались в партийную паутину, сплетенную при их же участии. А потом, позднее, в ту же паутину попадаются один за другим Бухарин, Томский, Рыков.

Сравнивать возвышение Сталина с возвышением Ленина — значило бы совершенно незаконно унижать Ленина, ибо Ленин взлетел в Кремль на гребне массовой революционной волны, тогда как Сталин возвысился на путях мелкой придворной интриги. Различными операциями в партийной банке Сталин устранил со сцены сначала "нерусскую часть дирекгории" (Троцкого, Каменева, Зиновьева), а потом и русскую часть (Бухарина, Томского, Рыкова), в результате осталась одна кавказская часть, и пред нею партия окончательно склонилась ниц. Рыков в качестве председателя Совета народных комиссаров держался на своем посту до конца 1930 г., но он уже не был страшен Сталину, так как к концу 1928 г. Сталин открыто решается короновать себя званием "вождя партии". Борьба за единоличную власть была окончена, а вместе с нею было покончено и с коммунистической партией. Она умерла, превратившись в массу испуганных *чиновников*, задавленных сапогом возвысившегося вождя.

Сталин не остановился на этом этапе. Он шагнул дальше, и если Ленин в качестве правителя был, так сказать, просвещенным абсолютным монархом, то Сталин с 1929 г. с громадной быстротой стал превращаться в чисто восточного типа самодержца-сатрапа. Эту последнюю эволюцию московского правителя нельзя объяснить мелкими событиями в "партийной банке"и в узкой сфере сановного Кремля. Ее можно понять лишь из всей общей экономической и социаль-

но-политической обстановки, создавшейся в стране в процессе практического проведения пятилетнего плана. Осуществление пятилетки, а безумная мысль все пересаливающего диктатора приказала увеличить ее задания и провести ее не в 5 лет, а в 4 года, — *неминуемо* и неизбежно *должно было родить самую чудовищную диктаторскую власть.* Беспорядочная и дикая спешка строительства множества новых фабрик и заводов требовала от страны невероятных средств. Их не было. И их решили *выбить* из страны с пулеметом в руках. Коммунистическая мысль пришла к убеждению, что для реализации пятилетки, для получения в стране средств нужно: 1). Насильственно коллективизировать деревню и с помощью чисто крепостных колхозов заставить ее отдавать *даром* продукты ее труда. Коллективизация к тому же, являясь экспроприацией крестьянства, должна была создавать миллионы новых дешевых рук для строительства заводов-гигантов. 2). Нужно было сжать в бараний рог рабочий класс, принудить его за грошовую плату истощать свои силы, день и ночь ударничая во имя сверхиндустриализации. 3). Расстрелами, ссылками, обвинениями во "вредительстве" терроризировать интеллигенцию, инженеров, техников и такими мерами создать из них беспрекословных исполнителей всех велений пятилетки. 4). Окончательно милитаризировать коммунистичесикую партию, увеличить ее многими тысячами новых членов, чтобы с помощью людей, не боящихся крови, не знающих ни колебаний, ни жалости, ни стыда, ни чувства омерзения, создать грандиозный аппарат надзирателей над выполнением пятилетки.

Могли ли все эти мероприятия осуществиться без возвышающегося над всем и всеми самодержавного кулака? Конечно, нет. Разумный пятилетний план в том виде, в каком его первоначально предлагали знающие беспартийные специалисты, можно было провести без диктатуры, но за пьяную сталинскую сверхиндустриализацию без кнута свирепой диктатуры приниматься было никак нельзя. Лучшее тому доказательство, что несмотря на неслыханный террор и страдания измученного населения, громадная часть заданий пятилетки все равно не проводится. Сталинская пятилетка предполагала наличие диктатуры и в ходе своего осуществления ее сама выпестовала. Не будь Сталина, диктатором

был бы кто-нибудь другой. И если в конце концов, Сталин из вождя партии прыгнул в диктаторы, в этом нет ничего удивительного. Наличность у Сталина воли, его не знающий глубоких размышлений мозг, его азиатская грубость, полнейшее равнодушие к человеческой жизни были исключительно *уместны* для кандидата в диктаторы, который хочет построить "истинный коммунизм", шествуя по крови и невероятным человеческим страданиям.

Приложение 5

Что историки советской революции не знают, а должны знать?

1) Октябрьская революция создала великое разделение российской интеллигенции. Часть ее оказалась в эмиграции и мечтала о падении и свержении коммунистической власти. Другая же ее часть осталась в России, и с установлением НЭПа, вместе с коммунистами, ревностно работала над восстановлением хозяйства. Какие мотивы, какие идеи, какого рода психология толкали эту интеллигенцию принять самое активное участие в советском строительстве? Ее поведение не нашло себе *ни малейшего освещения* в написанной истории 1917-1928 гг. Пополняя этот пробел, я даю сведения об одном интеллигентском кружке меньшевиков, существовавшем в Москве с конца декабря 1922 г. до половины 1927 г. Сведения об этом кружке (вначале называвшем себя "лигой наблюдателей") никогда не попадали в печать. Из его состава попал за границу только я. Из его 8 членов – кроме меня и, может быть, еще двух человек – остальных уже нет. Коллективными силами этого кружка был составлен в 1922-23 гг. большой меморандум "Судьба основных идей октябрьской революции", имеющий значение важного исторического документа, ибо в нем отражены идеологические мотивы, психология, ошибки, иллюзии, оптимизм, характерные не только для членов упомянутого кружка, но для широких слоев интеллигенции, принявшей активное участие в советском строительстве.

2). Политика НЭПа, вопреки тому, что об этом писалось и писал сам Ленин, была принята при *громадном сопротив-*

лении всей партии. Со слов Свидерского я сообщил, что Ленин грозил оставить пост председателя Совнаркома и перестать быть членом Политбюро, если партия не примет НЭПа. Этот факт, указывающий на силу внедрения в партии идей военного коммунизма, имеет громадное значение для понимания дальнейших событий, появления троцкистско-пятаковской оппозиции, а потом на базе ее идей — сталинизма.

3). Со слов Владимирова я сообщил, что еще весною 1922 г., после первого и легкого удара паралича Ленина, Сталин решил, что все-таки "Ленину капут", окончательно он поправиться не может, и, в зависимости от этого, установил свое отношение к Ленину. Отсюда полное объяснение и его грубого обращения с Крупской, и его выжидание смерти Ленина, чтобы еще больше усилить свою позицию генерального секретаря партии. Ленин узнал об этом, и это нашло свое отражение как в "завещании" Ленина, так и в его нежелании больше видеть Сталина.

4). Опираясь на показания многих коммунистов я сообщил, что статья Радека с апологией Троцкого, помещенная 14 марта 1923 г. в "Правде", произвела огромное впечатление и была понята в партии как указание, что на место пораженного третьим ударом паралича Ленина вступает Троцкий. Это вызвало бешеную реакцию всех остальных членов Политбюро и травлю Троцкого подпольными прокламациями, за много месяцев до того, как Троцкий выступил с оппозиционной программой в конце 1923 г. (его статьи в "Правде" о новом курсе). Подпольные прокламации против Троцкого, по дошедшим до меня слухам, составлял Товстуха, личный секретарь Сталина.

5). Вызывая изумление врачей, Ленин стал поправляться после третьего удара и, несмотря на протесты Крупской, 19 октября 1923 г. поехал из Горок в Москву, посетил сельскохозяйственную выставку и свой кабинет в Кремле. Секретарь Ленина Фотиева указала на это в "Историческом вестнике" в 1945 г., в № 4, но не промолвила ни слова, хотя, конечно, о том знала, что Ленин обнаружил *исчезновение из его кабинета* во время его болезни и пребывания в Горках каких-то важных документов. Из моих сообщений, слов сест-

ры Ленина и поведения Крупской видно, что эти документы были выкрадены Сталиным или кем-то по его поручению.

6). Я рассказал как, при протестах Троцкого, Бухарина, Каменева возникла идея сохранения "мощей" Ленина в Мавзолее. В согласии с идеями православной церкви, но при полном расхождении с духом марксизма, предложение о сохранении в виде *мощей* тела усопшего Ленина было выдвинуто Сталиным, бывшим учеником православной семинарии в Тифлисс. Эта любопытная история бросает особый свет на многое позднее происшедшее и на дух Сталина, в частности на его самообожествление.

7). Дзержинский в ВСНХ имеет мало общего с тем представлением о нем, которое в печати и публике создано его управлением ВЧК-ГПУ. Дзержинский оказался *очень правым коммунистом*, упорным проводником НЭПа с крайне внимательным отношением к частной торговле и самым ревностным защитником беспартийных специалистов, и особенно бывших меньшевиков. При Дзержинском, по словам Ю. Ларина, в ВСНХ господствовало *"засилье меньшевиков"*. В ответ на это Дзержинский указывал, что бывшие меньшевики — "замечательные, превосходные работники" и он желал бы, чтобы и в других наркоматах было бы такое же засилье. Все, что я сообщил о Дзержинском, в печати никогда не появлялось. С вступлением в ВСНХ вместо Дзержинского тупого Куйбышева — креатуры Сталина — началось грубое ущемление в ВСНХ бывших меньшевиков, установки того отношения к ним, которое в 1931 г. подытожил меньшевистский процесс.

Так же как Дзержинский, его заместитель в ВСНХ Владимиров, которого, кстати сказать, ненавидел Сталин, был очень правым коммунистом и характерной политической персоной на горизонте *1925 года* — периода самого расширенного НЭПа. Вследствие совершенно особых отношений с Владимировым я узнал от него многие крайне важные факты, в том числе о "напутствии", которое дал ему Ленин накануне второго удара паралича. Это напутствие свидетельствует, что Ленин, хотя он об этом не возглашал в своих публичных собраниях, тогда уже *не верил* в возможность близкого осуществления социализма в России.

9). Рассказывая об образовании "Освока" (особого совещания по воспроизводству основного капитала промышленности), я опровергаю общепринятую легенду, что практика планирования хозяйства есть дело большевистского творчества. Это абсолютно *неверно*. По признанию Ленина и Троцкого (но в печати о том ни слова), отцом советского планирования является антикоммунист проф. Гриневецкий, а первые проекты планирования созданы беспартийными экономистами (меньшевиками), инженерами, техниками, статистиками. Нужно, чтобы историки русской революции об этом знали, а не повторяли не соответствующие истине коммунистические уверения.

10). История идей оппозиции обычно составляется на основании данных, имеющихся в советской печати, и, сверх того, по мемуарам Троцкого, так как никаких других мемуаров больше нет. Этого совершенно недостаточно. К тому же Троцкий, защищая и прославляя самого себя, в своих мемуарах дает многому совершенно *искаженное представление*. Для понимания самой сути идей оппозиции необходимо знать то, что не публично и не в печати, а в интимных беседах мне довелось слышать от такого виднейшего лидера оппозиции, как Пятаков. В моих записках об этом я и сообщил.

11). В главе о Троцком я сообщил о его тайном свидании со Сталиным весною 1925 г., о котором и тот, и другой предпочли упорно молчать. Между ними в это время произошла сделка, в результате которой Троцкий, обольщенный обещаниями Сталина, написал письмо в редакцию "Большевика" (1925 г., № 16), в котором, опровергая самого себя, дал понять Политбюро, что *отказывается от своих оппозиционных идей*. Но Сталин, получив, что ему требовалось от Троцкого, его обманул и своих обещаний не выполнил. Поняв, что обманут, Троцкий снова кинулся в самую озлобленную оппозицию. Тот, кто не знает этого и подобных ему других фактов — а их в печати нет — подлинную историю оппозиции составить не может.

Приложение 6

Из письма Н. Седовой-Троцкой в редакцию "Социалистического Вестника" от 18 мая 1959 г.

В № 2-3 "Социалистического вестника" за 1959 г. помещена статья Н. Валентинова под заглавием "Дополнение к "Дневнику" Л. Троцкого". [...] 1). Валентинов говорит, что в 1925 г. "Троцкий, ссылаясь на необходимость лечить свою болезнь переменой климата, уехал из Москвы на Кавказ. И вот, [...] в один из приездов Троцкого с Кавказа, Сталин с ним встретился". Совершенно неправильно, будто лишь "ссылаясь на необходимость лечиться". Вскоре после гражданской войны он заболел колитом и перемежающейся лихорадкой, которые периодически давали себя чувствовать очень остро, сильно мешая его работоспособности. Его главный врач, профессор Краус (Берлин), советовал соблюдать в этих случаях полный покой. Поездка Л. Д. на Кавказ в 1925 г. была предпринята с целью освободиться от этого невыносимого болезненного состояния. 2). Никаких частных встреч со Сталиным в этот период, разумеется, не было, да и быть не могло. Это я заявляю с полной категоричностью. [...] 3). Г. Валентинов пишет, что Сталин добивался переименования Царицына в Сталинград, но опасался, как бы Троцкий "не повредил каким-либо неприятным напоминанием или возражением". Поэтому Сталину нужно было "чем-то Троцкого подкупить", и Сталин обещал перевести Троцкого "на большой пост", а именно на председательство в ВСНХ. А потом, говорит Валентинов, Сталин обманул его. [...] Как единомышленники Л. Д., так и он сам были и оставались

открытыми противниками переименования Царицына в Сталинград. Никакая перемена в их позиции никогда не имела места. [...] Не было, конечно, "подкупа" со стороны Сталина; не было вообще соглашения с ним. [...] 5). Валентинов возвращается к известному эпизоду с книгой Макса Истмана. [...] После выхода этой книги в свет Троцкий заявил в "Большевике", что Ленин не оставлял никакого завещания. Конечно, сообщая о завещании Истману, Л. Д. действовал вопреки интересам Сталина и его группы, т. е. вразрез с официальным курсом партии. Он добился, однако, того, что Завещание стало известно в Америке и Европе. Тогда высшие партийные органы потребовали от Л. Д. опровержения. Положение создалось очень тяжелое, но Л. Д. не мог уклониться. [...]

Приложение 7

Из письма Валентинова Р. Абрамовичу от 15 июня 1958 г.

Очень прошу к посланному Вам очерку "Социализм в одной стране" сделать следующее важное дополнение. Я его сделал, но, отправляя очерк, позабыл подклеить к стр. 18-й. Я на этой странице привожу заявление Сталина о невозможности построения социализма в одной стране. О том, что оно восстановлено мною совершенно правильно, свидетельствует тот факт, что в таком же виде на него на XIV съезде ссылался Зиновьев, который заявил, что "подписывается под каждой строчкой" прежнего заявления Сталина о невозможности построения социализма в одной стране. Примечание к стр. 18 можно сделать в следующем виде:

Указывая, что построение социализма в одной стране невозможно, Зиновьев на XIV съезде партии (см. Стенографический отчет, стр. 430) привел, два раза его читая, то заявление Сталина, которое тот стремился спрятать и фальсифицировать. Прочитанные Зиновьевым строки подтверждают, что, не имея первого издания брошюры Сталина, мы все-таки с полной точностью восстановили то, что Сталин говорил и писал в апреле 1924 г.

Приложение 8

Из переписки Н. В. Валентинова-Вольского с Б. И. Николаевским

Николаевский – Валентинову, 21 февраля 1954 г.

Не согласен я с Вами с самого начала: на XVII съезде в 1934 г. говорили фразы о конце оппозиции, но конца оппозиции не было. Вспомните, после XVII съезда Политбюро разрешило ВЦИКу назначить Бухарина редактором "Известий", и в первой же программной статье Бухарин возвестил курс на "пролетарский гуманизм". Это была попытка борьбы со сталинизмом в его идейных основах, ибо сталинизм враждебен гуманизму. Бухарин стремился вернуть коммунизм к гуманистическим основам социализма. Эта борьба на теоретическом фронте была связана с организационными выводами: было решено перевести Кирова в Москву на пост секретаря, а Сталину дать почетный пост, лишивший его возможности контролировать аппарат партии. Именно на этот план Сталин реагировал организацией убийства Кирова и др. Отравления с помощью врачей с давних пор были излюбленным приемом Сталина. Вспомните рассказ Троцкого о том, что он уже тогда перестал покупать лекарства в кремлевской аптеке на свое имя. Конечно, отравителями были не Плетнев и Левин. Но отравители были. Об этом знали, об этом говорили, и Сталин поступил по-сталински, возведя вину в отравлениях на тех, кто был препятствием в широком применении этого метода устранения противников. Вся "ежовщина" была дьявольски точно рассчитанной игрой, злодейством, а не сумасшествием. [...] Сталин, сам приме-

няющий отраву для устранения противников, конечно, не мог не опасаться, что яд будет направлен против него. Отсюда его подозрительность.

Николаевский – Валентинову, 25 мая 1954 г.

Прежде всего о том, что Сталин в конце жизни потерял чувство меры и из "гениального дозировщика", каким его считал Бухарин, превратился в человека, потерявшего понимание действительности, я с вами вполне согласен. [...] Во всем этом у нас с Вами расхождения нет. Оно начинается прежде всего там, где Вы пытаетесь эти линии притянуть в прошлое для объяснения "ежовщины", которая была преступным, но точно рассчитанным и верно (с его точки зрения) дозированным актом уничтожения его противников, которые иначе бы устранили его самого. [...] Чувство действительности потерял Ленин, когда начинал вводить немедленный социализм в 1917-1918 гг.; и его "Заметки о Суханове", обосновывающие возможность сначала захватить власть, а потом строить экономическую базу для социализма, были ниспровержением самых основ марксизма. Но разве правильно будет последние статьи Ленина, те, которые Бухарин назвал его "политическим завещанием", объявлять работой сумасшедшего, хотя Ленин в это время, конечно, далеко уже не был нормальным.

Валентинов – Николаевскому, 22 июня 1954 г.

Все данные по этому вопросу (о паранойе Сталина), конечно, находятся в руках Суварина, но кое-что могу Вам сообщить.

Основной материал поступил от Валериана Межлаука, бывшего в то время заместителем предсовнаркома, т. е. Молотова. Теперь известно, как этот материал попал в Париж. Некий Коган был с детства приятелем организатора советского павильона на выставке в Париже в 1937 г. и имел с ним

ряд разговоров о кремлевских делах. Прямым начальником этого организатора был Иван Межлаук – брат В. Межлаука, приезжавший в Париж во время выставки. [...] Вал. Межлаук был потом собственноручно застрелен Ежовым за выдачу сведений за границу о болезни (паранойе) Кремля. Материал, полученный Коганом, был обширный, с массой разных важных подробностей. [...] Все это прошу держать в секрете, этот материал принадлежит не мне, а Суварину, очень много сделавшему для его проверки.

Николаевский – Валентинову, 12 июля 1954 г.

Даже полностью доверяя и правильности передачи и искренности самого Межлаука, я никак не могу признать их [материалы] правильными. Людям типа Межлаука казалось, что чистка совершенно бессмысленна и что Сталин сошел с ума. В действительности Сталин не был сумасшедшим, а вел совершенно определенную линию. К выводу о необходимости уничтожить слой старых большевиков Сталин пришел не позднее лета 1934 г., и тогда же начал эту операцию готовить. При секретариате ЦК был создан особый "спецсектор", во главе которого стоял Серов, тот самый, который теперь возглавляет Комитет государственной безопасности. Был целый тайный Комитет во главе с Постышевым, который руководил операциями. Маленков был начальником штаба и разработал план операций.

Николаевский – Валентинову, 1 сентября 1954 г.

О Дзержинском: я не знаю истории с Малышевым – очевидно, Сергеем Васильевичем, председателем Нижегородской ярмарки? Что это за история? мне интересно. В чем выражался страх Дзержинского перед Сталиным? Конкретно. Мне крайне важны детали. Относительно отравления Дзержинского: я сам отказался верить, когда об этом говорила Магус и даже уговорил ее не вводить этого рассказа (из

третьих рук) в свои воспоминания. [...] Но после этого я слышал ту же историю от одной женщины, скитавшейся по самым секретным изоляторам (она была осуждена в январе 1935 г. с Каменевым и др. по делу Кирова) и слышавшей много доверительных исповедей от сокамерниц (Вы знаете значение этих тюремных разговоров), а еще позже получил этот рассказ от человека, стоявшего во главе одной из групп аппарата Маленкова. А теперь наткнулся в заметках Райса (убит большевиками в сентябре 1937 г. в Швейцарии) на упоминание о словах Ежова, что Дзержинский был ненадежен. В этих условиях я теперь не столь категоричен в отрицании возможности отравления. [...] Вопрос о том, было ли ему [Сталину] это нужно. Я знаю, что Дзержинский сопротивлялся подчинению ГПУ контролю Сталина и отказывался (во всяком случае, вначале), делать доклады о работе Сталину (мне об этом рассказал в другой связи Рыков летом 1923 г.) Я знаю, далее, что сталинский аппарат на большие операции был пущен с осени 1926 г., что аппарат за границей Сталин себе подчинил в 1927-28 гг. Что смертью Дзержинского Сталин воспользовался, это несомненно, т. е. смерть Дзержинского ему была выгодна. Резкое нападение Дзержинского на [левого оппозиционера] Каменева с угрозой пойти на расстрелы [левых оппозиционеров] я знаю, но Вы Знаете и то, что многие правые были самыми острыми противниками [левой] оппозиции, считая, что она главная причина задержки курса вправо, в то время как на деле задерживал больше всех Сталин, изнутри саботируя этот курс. [...] В том, что Горький был отравлен, я уверен. Бухарин в 1936 г. мне рассказал, что конституцию писал он с Радеком. В числе деталей на мой вопрос сказал, что предполагается легализация союза беспартийных для того чтобы были другие списки и что во главе их должны были встать Горький, Павлов, Карпинский, Бах и другие академики. К сожалению, прибавил Бухарин, Павлов и Карпинский умерли. Вскоре умер и Горький.

Валентинов – Николаевскому, 4 октября 1954 г.

Я просто не могу понять, почему вы отрицаете сумасшествие Сталина, почему вкладываете особый смысл туда, где было только безумие. [...] Можно быть убийцей-коммунистом и не быть паранойиком. Маленковы убивают, будучи коммунистами, но они не паранойики, а Сталин был таковым. Ведь доходящую до Каллигуловских размеров его манию величия Вы не можете отрицать. А если не отрицаете, то почему не желаете сделать психологический клинический вывод? У Вас только одна политика, только ею одной Вы объясняете Сталина. Психология больного Сталина у Вас исчезает. Вы его рисуете, как Вы однажды мне писали, большим мерзавцем. Только! В его произведениях (последних) Вы ищете большой смысл, а там безумие. Упрекаю Вас: тут марксизм Вас заедает. Политика, экономика, а живого человека выбрасываете. Маленковы убили Сталина, потому что превосходно знали, что Сталин сумасшедший.

Это знал Орджоникидзе и сказал об этом Сталину. Это знали Чубарь, Рудзутак, Ягода, врачи Плетнев и Левин. И именно потому, что они знали, Сталин их убил. Сумасшедший убивает тех, о которых подозревает, что они знают, что он сумасшедший. Разоблачение Солсбери, т.е. его указание, что Сталин был сумасшедшим и именно по этой причине готовил новую гигантскую "чистку" – производит на коммунистов потрясающее впечатление. [...] Больше того, я уверен, что сведения о сумасшествии Сталина Солсбери получил из круга Маленкова.

Николаевский – Валентинову, 20 октября 1954 г.

Вы все не хотите понять моих аргументов о Сталине. Я признал бы Сталина паранойиком, если бы он действовал в противоречии со своими интересами. Этого не было. Он имел политику преступную, но единственную, при которой диктатура могла удержаться. Его действия были определены этой политикой. Он террор вел не по безумию Каллигулы, а потому, что сделал его фактором своей активной социологии.

Вы пишете, что Сталин убил тех, кто знал, что он сумасшедший. Он убил миллионы, и, в частности, истребил весь слой старых большевиков, так как понял, что этот слой против его "коммунизма" [...] Как я уже писал, возможность ненормальности Сталина в 1952-53 гг. я допускаю; в тридцатых годах он операцию "ежовщины" провел очень точно (со своей точки зрения), так как все подготовил и захватил противников врасплох, они его не понимали. Даже многие из сторонников не понимали. [...] Вы мне не ответили о Дзержинском: почему Вы думаете, что он боялся Сталина?

Валентинов – Николаевскому, 19 декабря 1954 г.

Однажды, это было в 1926 г., Малышев, бородатый хозяин советской Нижегородской ярмарки, написал против ВСНХ статью и захотел ее поместить именно в "Торгово-промышленной газете", органе ВСНХ. Видя, что она против шерсти ВСНХ, я послал ее для "визы" в торговый отдел ВСНХ. Член коллегии ВСНХ Манцев заявил, что статью Малышева ни в коем случае печатать нельзя. ВСНХ, мол, не офицерская жена, которая сама себя сечет. После этого ко мне звонит Малышев, идет ли завтра его статья. Я отвечаю, нет, она не будет напечатана. Он в бешенстве бросает трубку, говоря, что заставит ее напечатать. И действительно, через короткое время из секретариата ЦК партии (но без указания, кто говорит) мне приказ поставить в выходящем номере статью Малышева. Я обращаюсь к Манцеву и спрашиваю, кого же мне слушаться. Манцев звонит Дзержинскому, тот – ко мне и заявляет: "Я председатель ВСНХ и ОГПУ. Приказываю Вам, несмотря ни на какие угрозы, статью Малышева не ставить". Малышев опять звонит ко мне, идет ли его статья. Отвечаю ему: "По приказанию Дзержинского она не будет помещена". Малышев тогда зло кидает словечко: "Есть кое-кто, кто Дзержинского обяжет статью напечатать". Дзержинский вторично мне звонит, проверяя, выполнен ли его приказ. А часа через полтора от него снова звонок, и хриплым и усталым голосом, без всякого объяснения, он мне приказывает (все приказы, только приказы) срочно

набрать статью Малышева, поставить ее на видном месте и без нее номер газеты ни в коем случае не выпускать. Из того, что я потом слышал от Манцева и других, выяснилось, что Сталин вызвал к себе Дзержинского и указал ему, что он требует помещения статьи Малышева, а в случае сопротивления и отказа Дзержинского — поставит вопрос о нем на ближайшем заседании Политбюро. Манцев говорит, что Сталин так орал на Дзержинского, что с тем от волнения сделался почти сердечный припадок и он несколько дней в ВСНХ не приходил.

Валентинов – Николаевскому, 17 апреля 1956 г.

Из бесед с Рыковым могу сообщить, как он возмущался антисемитизмом Сталина, говорившего, что "мы теперь всех жидков из Политбюро удалили". Это после удаления из Политбюро Троцкого, Каменева, Зиновьева. Могу сказать нечто о том, как подготовлялось "Шахтинское дело". Доклад о нем в Политбюро был составлен Рыковым, но он составлен в дипломатических тонах, тогда как на самом деле Рыков возмущался затеей этого процесса.

Николаевский – Валентинову, 20 апреля 1956 г.

Я знаю, что Политбюро отклонило первое предложение Ленина о НЭПе и уступило только после его ультиматума, что он уйдет. Поездка Ленина в Москву из Горок известна, но он ездил не на сельскохозяйственную выставку, а в Кремль и ходил по пустым комнатам здания судебных установлений, пока не прибыл Енукидзе, которого вызвал комендант (знаю рассказ Енукидзе). Шахтинское дело подготовлено секретариатом Сталина — через Маленкова, который посылал для шпионажа свою молодежь. [...] Вы вот думаете, что я из упрямства не признаю сумасшедшим Сталина, а мне сейчас до очевидности ясно, что принятие версии о сумасшествии будет полезно только для сталинских эпигонов,

которым выгодно на это сумасшествие свалить все их преступления. Как можно этого не видеть? Сейчас здесь все только и говорят о провокаторстве Сталина. Документ этот у меня был едва ли не с 1945 г., а знал я о нем еще со времен парижских. Меня просили напечатать его с комментариями, я отказался, заявив, что "Сталин был провокатором, но документ – поддельный и только скомпрометирует разоблачение". Это же думаю и теперь.

Валентинов – Николаевскому, 25 апреля 1956 г.

От документа, пущенного в обращение [...] Дон-Левиным, за десять километров несет такой фальшью, что нужно быть просто слепым или дураком, чтобы ее не заметить. Неужели департамент полиции не знал, что нет "Енисейского охранного отделения", а есть "Енисейское губернское жандармское правление"? Ротмистр Железняков действительно существовал, но не был начальником несуществующего Енисейского охранного отделения. В книжечке Москолева "Русские бюро большевистской партии" (изд. 1947 г.) на стр. 149-165 довольно подробно рассказывается, как и кто следил за Сталиным в Туруханском крае. Упоминается и ротмистр Железняков, но не в качестве начальника "Охранки". В донесении полиции говорится побочно о Джугашвили (о Сталине тогда почти никто не слышал), и, конечно, не в том придуманном (глупо!) стиле, в каком составлен документик.

Валентинов – Николаевскому, 10 мая 1956 г.

Поездка Ленина 19 октября 1923 г. в Москву тем интересна, что в своем кабинете он обнаружил пропажу некоторых документов. У него тогда от злобы и волнения начались конвульсии, и его в таком виде увезли в Горки. [...] Здесь, в частности, обнаружилось поведение Крупской, которая трусливо (дезавуируя Марию Ильиничну) хотела замять пропажу каких-то документов.

Николаевский – Валентинову, 9 июля 1956 г.

1. Письмо Крупской к Зиновьеву и Каменеву, на которое Вы так часто ссылаетесь, относится к 23 декабря не 1923 г., а 1922 г. Оно было вызвано угрозами Сталина в связи с посылкой Крупской письма к Троцкому от 31 декабря 1922 г. (напечатано в "Сталинской школе фальсификации" (Л. Троцкого) о внешней торговле ("противник очистил позиции без боя... надо продолжать наступление". Сталин формально был прав, так как в это время еще действовало абсолютное запрещение врачей – отменено только 29 декабря. Но, конечно, права и Крупская, так как Ленин требовал. 21-го Ленин еще не имел стенографистки, записала сама Крупская.

2. Думаю, что Вы правы, проводя резкую грань между Лениным последних месяцев его жизни и Лениным прежних лет. Свои последние статьи Ленин писал, действительно, как завещание. И так называемое завещание о снятии Сталина с поста было лишь дополнением к ним по линии "оргвыводов" (хотя и в него, как знаете, Ленин ввел ту политическую идею, которую считал основною). Должен добавить, что Бухарин, с которым я в 1936 г. об этих статьях много говорил, рассказывал, что Ленин не закончил намеченную серию – должно было быть еще четыре статьи, которыми Ленин хотел завершить свою концепцию "нового пути к социализму". Подтверждение этого имеется в последних статьях Фотиевой ("Правда" от 22 апреля этого года), которая тоже говорит о намеченных Лениным дальнейших четырех статьях. Когда я спросил Бухарина, в чем же состоял этот "новый путь", он мне сказал, что идеи Ленина им точно изложены в его брошюрах "Путь к социализму", 1925 г. и "Завещание Ленина", 1929 г. Эти брошюры действительно исключительно интересны. [...]

3. Вопреки Вам, я считаю, что Троцкий прав, когда говорит, что Сталин сообщал Политбюро о якобы имевшей место просьбе Ленина дать ему яду. Ленин яда не просил – и в этом я с Вами согласен – но Сталин об этом говорил, ибо в это время (конец февраля 1923 г.) он решил во что бы то ни стало [Ленина] устранить. Он, конечно, знал, что Ленин готовил "бомбу", и если бы не было удара, появился бы на

съезде хотя бы ненадолго. На разговор в Политбюро он мог бы потом сослаться, как на доказательство, что Ленин с этой просьбой обращался к нему, а следовательно, мог просить и у других.

4. Равным образом я думаю, что Вы слишком категоричны в утверждении, что Горький умер естественной смертью. Горький умер через несколько дней после того, как по настоянию Сталина получил свой архив из Лондона от баронессы Будберг (о ней см. воспоминания Ходасевича в т. 70 "Современных записок" – текст их сильно сокращен).

Думаю, что основная Ваша беда – некритическое доверие к рассказу Межлаука. [...] Он знал далеко не все, что происходило за кулисами, и был, повидимому, искренне убежден, что никакой борьбы против Сталина не велось, что все дело было в его болезненной мнительности или даже паранойе. На деле начиная с 1932 г. Сталин не имел большинства в Политбюро и на Пленуме ЦК; его положение особенно ухудшилось после XVII съезда, когда был принят курс на реформы. ЦК XVII съезда и членов этого съезда Сталин уничтожил не потому, что был сумасшедшим, а потому, что догадывался о замыслах противников. [...] Ненормальным его теперь хочет объявить Хрущев, которому выгоднее все свалить на сумасшествие одного человека, чем признать свое соучастие в преступных деяниях банды.

Валентинов – Николаевскому, 14 июля 1956 г.

Обратили ли Вы внимание на то, что я рассказываю о поездке в октябре 1923 г. Ленина из Горок в Москву и обнаруженной им тогда пропаже какого-то документа? В моей рукописи тот, кого я называю "Икс" (для Вас это – В. А. Левицкий, известный доктор-общественник, председатель губернского исполнительного комитета в февральскую революцию вплоть до октября) убежденно заявлял, что Сталин выкрал из квартиры Ленина (она в это время была пустой, все ее жильцы были в Горках) какой-то документ. Как Вы думаете, что это за документ? Он написан до третьего удара Ленина. Значит, можно предположить, время его напи-

сания лежит между началом января и началом марта 1923 г. О чем Ленин мог в это время писать и что было столь плохо для Сталина, что он пошел на кражу? Характерно, что Мария Ильинична утверждала, что кража Сталина, а Крупская, страшась Сталина, стремилась эту историю замять.

Николаевский – Валентинову, 17 августа 1956 г.

Идею сифилиса у Ленина Политбюро совсем не отбрасывало. Рыков мне в июне 1923 г. рассказывал, что они приняли все меры для проверки, брали жидкость у него из спинного мозга — там спирохет не оказалось, но врачи не считали это абсолютной гарантией от возможности наследственного сифилиса; отправили целую экспедицию на родину, поиски дедов и т.д. "Если бы ты знал, какую грязь там раскопали, — говорил Рыков, — но по вопросу о сифилисе ничего определенного" (в комиссии был Аросев, который мне позднее рассказывал о деде-еврее из кантонистов) [...]

Свои отравления Сталин вел не через Ягоду, а по линии личного секретариата, хотя, конечно, отравители (особенно за границей) были из официального аппарата НКВД. Сталин несколько раз пытался снять Ягоду, конечно, под разными предлогами (посылка в НКВД Акулова, которая сорвалась).

Валентинов – Николаевскому, 25 августа 1956 г.

Лично у меня иллюзии о здоровой эволюции через НЭП и при продолжении НЭПа были даже в 1927 г. Тогда как Громан летом этого года — он жил тогда на даче в 16 верстах от Москвы в Немчинове — спорил со мною и доказывал, что дело идет к уничтожению НЭПа и к концу нашим надеждам. Отвечаю теперь на Ваши пункты.

[...] Вы не ответили на мой вопрос, очень меня сейчас интересующий — что за документ мог выкрасть у Ленина Сталин? Этот документ Ленин, выехав из Горок, искал в своем кабинете в Кремле, и, как уверяла Мария Ильинична,

не нашел. Нет ли на этот счет каких-либо сведений и предположений?

Николаевский – Валентинову, 31 августа 1956 г.

Какой документ мог искать Ленин? — этим вопросом, конечно, задавался и я сам, но ответа не имею. Так как документ этот он искал в Кремле, куда не ходил после второго удара, то из этого следует, что его расхождение со Сталиным началось до этого второго удара (версия сталинцев: Ленин против Сталина стал только после второго удара, когда уже перестал быть настоящим Лениным), и, следовательно, документ должен был относиться к вопросам, которые тогда стояли на очереди. Там были вопросы и конституции (у Троцкого есть кое-какие интересные указания), и Госплана (первое письмо после второго удара Лениным написано Троцкому с признанием его [Троцкого] правоты по этому пункту), и национальный. Надо порыться в документах, в "Ленинских сборниках", но я сейчас зарылся в другую эпоху.

Приложение 9

Два письма Троцкого

Из письма Троцкого в ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г.

1. Одно из предложений комиссии т. Дзержинского (по поводу стачек и проч.) гласит о том, что необходимо членов партии, знающих о группировках в партии, обязать сообщать в ГПУ, ЦК и ЦКК. Казалось бы, что извещение партийной организации о том, что ее рамками пользуются враждебные партии элементы, является настолько элементарной обязанностью каждого члена партии, что об этом нет надобности выносить особые постановления шесть лет спустя после октябрьской революции. Возникновение самой потребности в таком постановлении является крайне тревожным симптомом, наряду с другими, не менее яркими. Потребность в таком постановлении означает: а) что в партии создались нелегальные оппозиционные группировки, которые могут стать опасными для революции, и б) что в партии существуют такие настроения, которые позволяют товарищам, знающим о таких группировках, не извещать о них парторганизаций. Оба эти факта свидетельствуют о чрезвычайном ухудшении положения внутри партии со времени XII съезда. [...] Очень многие члены партии, отнюдь не худшие, с величайшей тревогой отнеслись к тем способам и приемам, при помощи которых созывался XII съезд партии ... Полугодовая работа нового ЦК явилась, однако, усугублением тех методов и приемов, при помощи которых созывался XII съезд партии,

и внутри партии результатом этого явилось как образование явно враждебных и ожесточенных группировок, так и наличность многочисленных элементов, знающих об опасности и не извещающих о ней. [...]

2. Крайнее ухудшение внутрипартийной обстановки имеет две причины: а) в корне неправильный и нездоровый внутрипартийный режим, и б) недовольство рабочих и крестьян тяжелым экономическим положением, которое сложилось не только в результате объективных трудностей, но и в результате явных коренных ошибок хозяйственной политики.

3. XII съезд собирался под лозунгом смычки. В качестве автора тезисов о промышленности, я указывал ЦК до съезда на величайшую опасность того, что наша хозяйственная задача на XII съезде будет представлена в абстрактно-агитаторском виде, тогда как задача состоит в том, чтобы вызвать "поворот внимания и воли партии" в направлении конкретных жизненных задач с целью удешевления себестоимости продукта.

4. Резолюция о промышленности требует укрепления и усиления организации Госплана, упрочения его как руководящего планового органа. Крайне знаменательно, что после XII съезда ЦК получил в свое распоряжение написанную уже во время болезни заметку тов. Ленина, в которой высказывается мысль о необходимости наделения Госплана даже законодательными (вернее, административно-распорядительными) правами. На самом деле Госплан за время после XII съезда отодвинут еще более назад. [...] В большей мере, чем до съезда, важнейшие хозяйственные вопросы решаются в Политбюро наспех, без предварительной подготовки, вне их плановой связи.

Троцкий далее указывает, что Рыков и Пятаков внесли в ЦК 19 сентября докладную записку, в которой говорят, что некоторые решения Политбюро заставляют нас обратить внимание на то, что при складывающейся обстановке ведение порученной нам госпромышленности становится чрезвычайно затруднительным. *Этот пункт Троцкий заканчивает словами:* руководства хозяйством нет, хаос идет сверху.

5. В этом пункте Троцкий указывает, что одной из причин нынешних торгово-промышленных кризисов является самодовлеющий, то есть не подчиненный общему хозяйст-

венному плану характер нашей финансовой политики. *И далее...* Главным характерным моментом является то обстоятельство, что чудовищно выросшее несоответствие цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты равносильно ликвидации новой экономической политики, ибо для крестьянина базы НЭПа — безразлично, почему он не может покупать: потому ли, что торговля запрещена декретами, или потому, что две коробки спичек стоят столько, сколько пуд хлеба. *Указывая, что концентрация промышленности наталкивается на каждом шагу на "политические" соображения, Троцкий считает необходимым остановить внимание на одной частице вопроса, которая, по его мнению, ярко освещает весь вопрос, показывая, во что вырождается,* "при отсутствии плана, системы и правильной партийной линии, руководство партии хозяйством. [...] На XII съезде демонстрировались возмутительные злоупотребления торговыми и промышленными объявлениями со стороны некоторых партоорганизаций. В чем существо этого злоупотребления? В том, что иные парторганизации, долженствующие руководить хозяйственными органами путем приучения их к высшей добросовестности, точности, экономии, чувству ответственности, на самом деле разлагают их, прибегая к самому грубому и расточительному способу обманывания государства: вместо того чтобы просто облагать промышленным налогом предприятия в пользу парторганизаций, что было бы незаконно, но имело бы, по крайней мере, реальный смысл, прибегают к принудительному сбору бессмысленных объявлений, на которые затем растрачивается бумага, типографский труд и пр. Самое безобразное в этом то, что хозяйственники не решаются сопротивляться этому хищничеству и этой деморализации, и наоборот, вносят за полстраницы или страницу какого-нибудь "Спутника коммуниста" согласно точному приказанию секретаря губкома. Если бы какой-нибудь хозяйственник посмел перечить, т.е. проявил бы действительное понимание партийного долга, то он немедленно был бы записан в разряд тех, которые не признают "партруководства", со всеми вытекающими отсюда последствиями. [...] Нужно ничего не понимать в том, что значит правильная хозработа и чувство ответственности, чтобы глядеть сквозь пальцы на такого рода "руководство хозяйством". [...]

7. *Последний пленум ЦК создал партийную комиссию по сокращению накладных расходов и снижению цен...* Но совершенно очевидно, что механическое снижение цен госорганами под влиянием политического толчка в большинстве случаев только обогатит посредников и вряд ли отразится на крестьянском рынке. [...] Самое создание комиссии по снижению цен является красноречивым и убийственным доказательством того, как политика, игнорирующая значение планового маневренного регулирования, под влиянием своих собственных последствий вынуждается к попыткам военно-коммунистического командования ценами. Одно дополняет другое, подрывая хозяйство, а не оздоровляя.

8. Чудовищное несоответствие цен, при тяжести единого налога, тяжелого, главным образом, своею несогласованностью с наличными хозяйственными отношениями, вызвало снова крайнее недовольство крестьян. Эта политика отразилась на настроении рабочих и прямо, и косвенно. Наконец, изменившиеся настроения рабочих захватили ныне партию. Оппозиционные группировки ожили и увеличились. Их недовольство обострилось. Таким образом, смычка: от крестьянина — через него — к партии — повернулась к нам своим другим концом. Кто этого не предвидел раньше или закрывал до последних дней на это глаза, тот получил недостаточно наглядный урок. *Сущность острого столкновения внутри Политбюро и накануне съезда, говорит Троцкий, состояла в отношении к центральной проблеме: рационализации госпромышленности и сжатию ножниц.*

9. В качестве одной из важных задач нового ЦК XII съезд указал на тщательный личный подбор хозяйственников сверху донизу. Внимание Оргбюро в области подбора работников шло, однако, по совершенно другому пути. При назначениях, смещениях, перемещениях члены партии оценивались прежде всего под тем углом зрения, в какой мере они могут содействовать или противодействовать поддержке того внутрипартийного режима, который — негласно и неофициально, но тем более действительно — проводился через Оргбюро и секретариат ЦК. На XII съезде было сказано, что в составе ЦК нужны люди "независимые". Слово это уже сейчас не нуждается ни в каких комментариях. После этого критерий "независимости" стал проводиться при назначе-

ниях генеральным секретариатом секретарей губкомов и далее сверху вниз, вплоть до последней ячейки. Эта работа подбора партийной иерархии из товарищей, которые признаются секретариатом независимыми в указанном выше смысле слова, развернулась с неслыханным напряжением.

10. В самый жестокий момент военного коммунизма назначенство внутри партии не имело на 1/10 того распространения, что ныне. Назначение секретарей губкомов — теперь правило. Это создает для секретарей независимое, по существу, положение от местных организаций. В случае оппозиции, критики, недовольства — секретарь прибегает к переброске, пользуясь центром. На одном из заседаний Политбюро заявлялось с удовлетворением, что при слиянии губерний единственный вопрос, интересующий сливающиеся организации, касается того, кто будет секретарем объединенного губкома. Назначенный центром и тем самым почти независимый от местной организации, секретарь является, в свою очередь, источником дальнейших назначений и смещений — в пределах губернии. Создаваемый сверху вниз секретарский аппарат все более и более самодовлеюще стягивает к себе все нити. Участие партийной массы в действительном формировании партийной организации становится все более и более призрачным. Создалась за последний год-полтора специальная секретарская психология, главной чертой которой является убеждение, что секретарь способен решать все и всякие вопросы без знакомства с существом дела. Мы наблюдаем сплошь да рядом, как товарищ, который не проявил никаких организационных, административных или иных качеств, пока стоял во главе советского учреждения, начинает властно решать хозяйственные и иные вопросы, как только попадает на пост секретаря. Такая практика тем вреднее, что она рассеивает и убивает чувство ответственности.

11. XII съезд партии прошел под знаком демократии. Многие речи того времени, сказанные в защиту рабочей демократии, казались мне преувеличенными, в значительной мере демагогическими, в виду несовместимости полной, до конца развернутой рабочей демократии с режимом диктатуры. Но было совершенно ясно, что зажим эпохи военного коммунизма должен уступить место более живой и широкой

партийной общественности. Однако тот режим, который в основном сложился уже до XII съезда, и после него получил окончательное закрепление и оформление, гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жестоких периодов военного коммунизма. Бюрократизация партаппарата достигла неслыханного развития применением методов секретарских отборов. Если в самые жестокие часы гражданской войны умы в партийных организациях и даже в печати спорили о привлечении спецов, о партизанщине и регулярной армии, о дисциплине и проч. и проч., то теперь нет и в помине такого открытого обмена мнений по вопросам, действительно волнующим партию. Создался весьма широкий слой партработников, входящих в аппарат государства или партии, которые начисто отказались от собственного партийного мнения, по крайней мере открыто высказываемого, как бы считая, что секретарская иерархия и есть тот аппарат, который создает партмнения и партрешения. Под этим слоем, воздерживающимся от собственного мнения, пролегает широкий слой партмассы, перед которым всякое решение предстоит уже в виде приказа. В этой основной толще партии чрезвычайно много недовольства, как совершенно законного, так и вызванного случайными причинами. Недовольство это не рассасывается путем открытого обмена мнений на партсобраниях и путем воздействия массы на организацию партии (избрание парткомов, секретарей и проч.), а скапливается втайне и приводит затем к внутренним нарывам.

12. *На двенадцатом съезде был официально взят курс на* старых большевиков. *Здесь Троцкий, подчеркивая, что кадры старых большевиков представляют собой* революционную закваску партии и ее организационный хребет, *соглашается, что они должны занимать все руководящие посты партии. Но метод назначения их сверху вниз представляет опасность, тем более что при назначении секретарей независимость, о которой говорилось выше, остается в силе. Рост же недовольства против самодовлеющего аппарата секретарей, отождествляющих себя со старым большевизмом, может иметь в дальнейшем тяжелые последствия для сохранения идейной гегемонии старых подпольных большевиков в нынешней партии.*

13. Грозным симптомом явилась попытка Политбюро построить бюджет на продаже водки, то есть сделать доходы

рабочего государства независимыми от успехов хозстроительства. Только решительный протест внутри ЦК и за его пределами приостановил эту попытку, которая нанесла бы жесточайший удар не только по хозработе, но и самой партии. Однако мысль о дальнейшей легализации водки ЦК не отвергнута и до сих пор. Совершенно несомненно, что между самодовлеющим характером секретарской организации, все более независимой от партии, и между тенденцией создать бюджет, по возможности независимый от успехов или неудач коллективного строительства партии, есть внутренняя связь. Попытка превратить отрицательное отношение к легализации водки чуть ли не в преступление против партии и удаление из редакции центрального органа товарища, требовавшего свободы обсуждения этого гибельного плана, останется навсегда одним из самых недостойных моментов в истории партии.

14 и 15 п.п. посвящены критике решений и мероприятий Политбюро в отношении к армии и возглавляющему ее высшему учреждению, Реввоенсовету. Не вдаваясь по понятным соображениям в детали (подчас более чем красочные) критики по этому вопросу, отметим, что Троцкий пишет: На последнем пленуме делается попытка включения в Реввоенсовет группы чекистов во главе со Сталиным. Только мой протест, выраженный в самой решительной форме, удержал пленум от немедленного проведения указанной меры. *Далее Троцкий излагает историю включения в Реввоенсовет Лашевича и Ворошилова, сравнивая эти мероприятия с известным в свое время походом против Украинского Совнаркома.*

15 пункт письма заканчивается следующими характерными строчками: Недаром же Куйбышев на брошенный ему упрек, что действительные мотивы предложения об изменениях в Реввоенсовете ничего общего не имеют с официально заявленными мотивами, не только не отрицал этого противоречия, — да и как его отрицать? — но прямо сказал мне: "Мы считаем необходимым вести против вас борьбу, но не можем объявить вас врагом; вот почему мы принуждены прибегать к таким методам".

16 и 17 пунктами заканчивается письмо Троцкого: Партия входит в самую, может быть, ответственную эпоху истории с тяжелым грузом ошибок своих руководящих органов...

К 6-ой годовщине Октябрьской революции и накануне революции в Германии Политбюро приходится обсуждать проект постановления, гласящий, что каждый член партии обязан сообщать партийным организациям и ГПУ о нелегальных группировках внутри партии. Совершенно очевидно, что такой режим и такое самочувствие партии несовместимы с теми задачами, которые могут вырасти и по всем данным вырастут перед партией из самого факта германской революции. Секретарскому бюрократизму должен быть положен конец. Партийная демократия — в тех, по крайней мере, пределах, без которых партии грозит окостенение и вырождение — должна вступить в свои права. Низы партии должны в рамках партийности высказать, чем они недовольны, и получить действительную возможность в соответствии с партийным уставом и, главное, со всем смыслом нашей партии создавать ее организационный аппарат. [...]

[...] "Членам ЦК и ЦКК известно, что борясь со всей решительностью и определенностью внутри ЦК против ложной политики, я решительно уклонялся от вынесения борьбы внутри ЦК на суд хотя бы даже и очень узкого круга товарищей, в частности тех, кто при сколько-нибудь правильном партийном курсе должен был бы занимать видное место в ЦК и ЦКК. Я должен констатировать, что мои полуторагодовые усилия не дали никакого результата. Это грозит тем, что партия может оказаться застигнутой врасплох кризисом исключительной остроты, и в этом случае партия имела бы право каждого, кто видел опасность, но не называл ее открыто по имени, обвинить в том, что он форму ставил выше содержания.

Ввиду создавшегося положения я считаю не только своим правом, но и своим долгом высказать то, что есть, каждому члену партии, которого я считаю достаточно подготовленным, зрелым, выдержанным, и следовательно, способным помочь партии выйти из тупика без фракционных судорог и потрясений".

Из ответа членов Политбюро на письмо Троцкого от 8 октября 1923 г.

1. Почему на письмо тов. Троцкого необходим подробный ответ.

Письмо т. Троцкого без ответа Политбюро не может оставить по двум причинам: 1) Троцкий, нападая первый на ЦК партии, выступает в качестве зачинщика борьбы против ЦК в трудный момент международного положения, и 2) в этом письме-платформе Троцкий делает ряд ошибок, которые могут породить действительный кризис в партии и раскол между партией и рабочим классом.

2. Хозяйственные вопросы.

В этом пункте приводятся возражения на письмо Троцкого, которые достаточно известны по дискуссии. Возражение по этому пункту заканчивается так: Верно то, что Политбюро разошлось и расходится с тов. Троцким по вопросу о личных назначениях по хозяйственной линии. Мы считаем необходимым сказать партии прямо, что в основе всего недовольства Троцкого, всего его раздражения, всех его продолжающихся уже несколько лет выступлений против ЦК, его решимости потрясти партию лежит то, что Троцкий хочет, чтобы ЦК назначил его и Калегаева для руководства нашей хозяйственной жизнью. Против этого назначения долго боролся Ленин. Мы считаем необходимым сказать партии прямо, что он был совершенно прав. Мы считаем, что решительно ничем не доказано, что Троцкий сумел бы направлять хозорганы республики при нынешнем тяжелом положении. Напротив, опыт с Наркомпутем показал обратное. Несмотря на осторожность ЦК, не желающего итти на диктатуру Троцкого в области хозяйства и военного дела, ЦК проделал ряд шагов, которые могли бы привести Троцкого к желаемой цели. Троцкий состоит членом Совнаркома, членом СТО, ему был предложен Лениным пост заместителя председателя Совнаркома. На всех этих постах Троцкий мог бы, если бы хотел, доказать на деле, работая перед лицом всей партии, что партия может ему вверить те фактически безграничные полномочия в области хозяйства и военного дела, которых он добивается. Но Троцкий предпочел другой

метод действия, который, по нашему мнению, несовместим с обычным пониманием обязанностей члена партии. Он ни разу не посетил заседаний Совнаркома ни при Ленине, ни после отхода его от работы. Он ни разу не был на заседаниях СТО, ни старого, ни реорганизованного. Он ни разу не внес ни в Совнарком, ни в СТО, ни в Госплан какое бы то ни было предложение по хозяйственным, финансовым, бюджетным и тому подобным вопросам. Он категорически отказался от поста заместителя Ленина. Это он, повидимому, считает ниже своего достоинства. Он ведет себя по формуле: "все или ничего". Троцкий фактически поставил себя перед партией в такое положение, что: или партия должна предоставить тов. Троцкому диктатуру в области хозяйства и военного дела, или он фактически отказывается от работы в области хозяйства, оставляя за собой лишь право систематической дезорганизации ЦК в его трудной повседневной работе.

Мы заявляем, что так же, как и прежде, Политбюро не может взять на себя ответственности за удовлетворение претензий Троцкого на его диктатуру в хозяйственном руководстве, в дополнение к тем полномочиям, которые он уже имеет, как председатель Реввоенсовета. Наш долг сказать: за рискованный опыт в этой области мы ответственности взять на себя не можем. [...]

Из письма Троцкого в ЦК и ЦКК от 24 октября 1923 г.

Попытки привлечения имени Ленина к нашим разногласиям. Письмо членов Политбюро делает попытку вовлечь в нынешние спорные вопросы имя тов. Ленина, представляя дело так, будто бы, с одной стороны, есть продолжение политики тов. Ленина, а с другой, борьба против этой политики. В более осторожной и прикрытой форме попытки такого изображения разногласий делались не раз — и в эпоху подготовки XII съезда, и особенно после него. Именно потому, что эти попытки имели форму намеков и обиняков, на них нельзя было реагировать. И именно потому эти намеки делались,

что были рассчитаны на молчание. Нынешний "ответ" членов Политбюро, пытающийся более конкретно формулировать эти намеки, тем самым, как сейчас увидим, обнаруживает их полную несостоятельность и вместе с тем дает возможность их ясного и точного опровержения. Я рассмотрю спорные вопросы пункт за пунктом, давая точные цитаты и ссылки на документы, легко доступные проверке.

1). Одним из центральных вопросов в области хозяйства являлся и является вопрос о роли планового руководства, т. е. систематического сочетания основных элементов государственного хозяйства в процессе их приспособления к растущему рынку. Я стоял и стою на точке зрения, что одной из важнейших причин наших хозяйственных кризисов является отсутствие правильной, единообразной регулировки сверху. Совершенно верно, что по вопросу об организации планового руководства у меня были разногласия с тов. Лениным. Авторитет Ленина значил для меня не меньше, чем для любого члена ЦК. Но я считал и считаю, что партия выбирает членов ЦК для того, чтобы они отстаивали в ЦК то, что в каждом данном случае считают правильным. Как же разрешился вопрос со стороны самого тов. Ленина? 2 июля 23 года Политбюро получило от Надежды Константиновны Крупской специальную записку Ленина "О придании законодательных функций Госплану", продиктованную 27 дек. 22 года. В этом документе Ленин пишет следующее: "Эта мысль выдвигалась Троцким, кажется, уже давно. Я выступал ее противником потому, что находил, что в таком случае будет основная невязка в системе наших законодательных учреждений. Но по внимательному рассмотрению дела нахожу, что, в сущности, тут есть здоровая мысль, именно: Госплан стоит несколько в стороне от наших законодательных учреждений, несмотря на то, что он, как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники, обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения в делах. В этом отношении, я думаю, можно и должно пойти навстречу Троцкому, но не в отношении председательства в Госплане либо особого лица из наших политических вождей, либо президиума ВСНХ и т.д.", и в заключение Ленин высказывается против такой работы Госплана, когда этот последний рассматривает определенное

поручение, а в пользу такой работы, при которой Госплан мог бы "систематически разрешать всю совокупность вопросов, входящих в его ведение". Как видим, вопрос здесь поставлен с достаточной ясностью и полнотой.

2). Другой хозяйственный вопрос, где в пленуме ЦК были незадолго до XII съезда разногласия, с участием в них Ленина, касался монополии внешней торговли, то есть вопроса, который я на XII съезде – без возражений с чьей бы то ни было стороны – назвал одним из устоев социалистической диктатуры в условиях капиталистического окружения. По этому вопросу у меня имеется довольно обширная переписка с Лениным. Я привожу здесь целиком лишь письмо Ленина от 13 дек. 22 г. Оно ярко освещает постановку им вопроса". После этого приводится письмо Ленина, в котором последний, указывая, что по затронутому вопросу у него с Троцким "получается максимальное согласие", поручает последнему защиту их общей точки зрения на предстоящем пленуме ЦК. [...]*

4). Одним из центральных вопросов является поднятый Лениным вопрос о реорганизации Рабкрина и ЦКК. Замечательно, что даже этот вопрос изображался и изображается как предмет разногласий между мною и Лениным, тогда как этот вопрос, подобно национальному, дает прямо противоположное освещение группировкам в Политбюро. Совершенно верно, что я очень отрицательно относился к старому Рабкрину. Однако Ленин в своей статье "Лучше меньше, да лучше" дал такую уничтожающую оценку Рабкрину, какой я никогда не решился бы дать: "Наркомат Рабкрина не пользуется ни тенью авторитета. Все знают, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет, и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать". Если вспомнить, кто дольше всего стоял во главе Рабкрина**, то не трудно понять, против кого направлена эта характеристика, равно как и статья по национальному вопросу.

---

* В третьем пункте Троцкий ссылается на поручение ему Лениным защиты "грузинского дела" на ЦК партии. – Прим. ред.-сост.

** Речь идет о Сталине. – Прим. ред.-сост.

Как же, однако, отнеслось Политбюро к предложенному Лениным проекту реорганизации Рабкрина? Бухарин не решался печатать статью Ленина, который, со своей стороны, настаивал на ее немедленном помещении. Над. Конст. Крупская сообщила мне об этой статье по телефону и просила вмешаться с целью скорейшего напечатания статьи. На немедленно созванном по моему предложению Политбюро все присутствующие: Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин — были не только против плана Ленина, но и против самого помещения статьи. Особенно резко и категорически возражали члены секретариата. Ввиду настойчивых требований Ленина о том, чтобы статья была ему показана напечатанном виде, т. Куйбышев, будущий нарком Рабкрина, предложил на указанном заседании Политбюро отпечатать в одном экземпляре специальный номер "Правды" со статьей Ленина для того, чтобы успокоить его, скрыв в то же время статью от партии... Т. Куйбышев, бывший член секретариата, был поставлен во главе ЦКК. Вместо борьбы против плана Ленина о реорганизации Рабкрина был принят план "обезвреженья" этого плана. Получила ли при этом ЦКК, возглавляемая Куйбышевым, характер независимого, беспристрастного партийного учреждения, отстаивающего и утверждающего почву партийного права и единства от всяческих партийно-административных излишеств, — в обсуждение этого вопроса я здесь входить не буду, так как полагаю, что вопрос ясен и без того.

Таковы наиболее поучительные эпизоды последнего времени по части моей "борьбы" против политики Ленина. [...]

В самых последних числах декабря Троцкий, Пятаков и Рыков обратились в Политбюро с ультиматумом в связи с обнаружением ими не только тенденциозного подбора материала в центральном органе "Правда", но и систематических подлогов.

"Слишком очевидно, — пишут Троцкий, Пятаков и Радек, — что если режим подлогов, царящий в партийном отделе "Правды", не будет немедленно прекращен, это не может не нанести партии тягчайших ударов отвратительными действиями, которые чинятся против нее, хотя и ее именем. Бесполезно говорить о партийной демократии, если

подлог безнаказанно заменяет партийную информацию. Мы требуем:

1). Поручить комиссии, дав ей срок не более 24 часов, расследовать приводимые нами факты.

2). Немедленно отстранить тов. Назаретяна и Сафронова от работы в "Правде".

3). Категорически заявить, что никто из товарищей, которые дадут комиссии необходимые сведения, не станут жертвами партийной или какой-нибудь другой репрессии.

Политбюро немедленно назначило комиссию под председательством "старого специалиста" (со времени II *съезда партии) по подлогам т. Гусева.*

Из публикации в "Социалистическом вестнике", № 11 (81), 28 мая 1924 г.

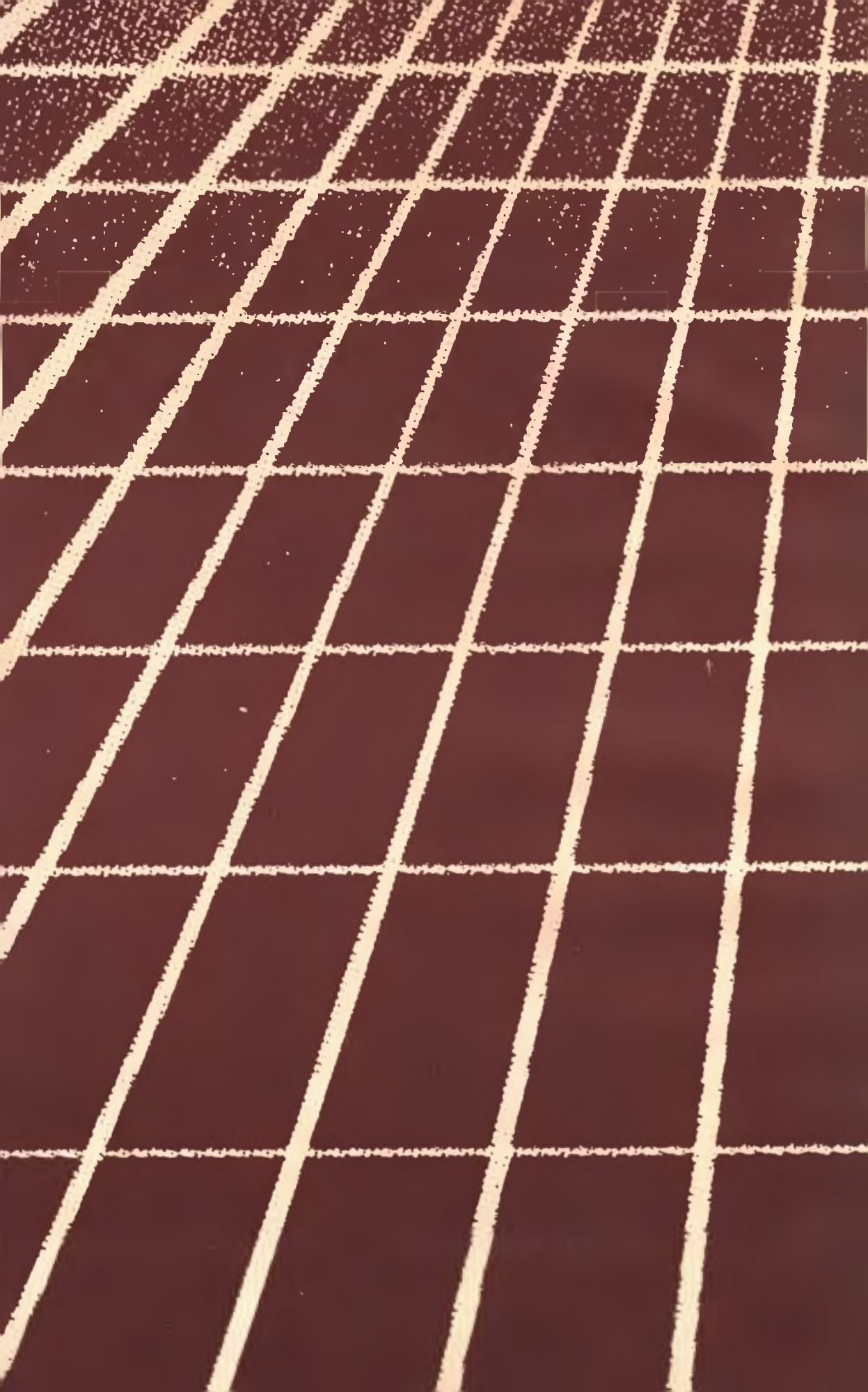
СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя 3

Троцкистская оппозиция и борьба с нею 8

Построение социализма в одной стране 55

Доктрина правого коммунизма 82

Приложения

Встречи с Максимом Горьким 159
Из рецензии на книгу Алексинского о Горьком 181
Беседа с Плехановым в августе 1917 г. 182
Как Сталин стал диктатором СССР 197
Что историки советской революции не знают, а должны знать? 207
Из письма Н. Седовой-Троцкой от 18 мая 1959 г. 211
Из письма Валентинова Р. Абрамовичу от 15 июня 1958 г. 213
Из переписки Валентинова с Б. И. Николаевским 214
Два письма Троцкого 226